

Н.Ф. Каптере

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ II

ДУХОВНАЯ
АКАДЕМИЯ

Николай Фёдорович Каптерев Собрание сочинений. Том 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11828811
Собрание сочинений. Том 2./ Каптерев Н.Ф.: ДАРЪ; Москва; 2008
ISBN 978-5-485-00183-4

Аннотация

Впервые в России выходит собрание сочинений выдающегося историка и общественного деятеля члена-корреспондента Российской Академии Наук, профессора Николая Федоровича Каптерева (1847–1917). Его труды составили эпоху в изучении русской истории и еще при жизни исследователя неоднократно отмечались премиями и наградами. Представляемые в настоящем издании работы посвящены русско-греческим церковно-государственным связям и написаны на основе изучения обширных архивных материалов, многие из которых автор впервые ввел в научный оборот. Труды Николая Федоровича Каптерева сохраняют актуальность и до настоящего времени остаются непревзойденными.

Содержание

Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVII столетия[1]	5
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	53
Глава 4	81
Глава 5	95
Глава 6	115
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Николай Федорович Каптерев

Собрание сочинений. Том 2

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ

Святейшего Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА:

интернет-портал «Православная книга России»

www.pravkniga.ru

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVII столетия¹

Настоящий очерк сношений иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVIII столетия составлен главным образом на основании так называемых «греческих» и «турецких» дел и статейных списков, хранящихся в Московском архиве Министерства иностранных дел. Другие источники, какими нам приходилось пользоваться, указаны в самом тексте.

При написании очерка сношений иерусалимских патриархов с русским правительством мы имели в виду объективно и строго документально изложить исторический ход этих сношений, представить, как было дело за взятое нами время почти исключительно словами самих документов, не вдаваясь в критику, в какие-либо особые выводы и обобщения, почему на наш очерк следует смотреть почти как на сборник по данному предмету рукописных документов, доселе почти не изданных, доселе мало или совсем еще неизвестных.

1 ноября 1895 г. Н. Каптерев

¹ Опубликовано в: Православный Палестинский сборник. Т. XV. Вып. 1. СПб., 1895.

Глава 1

Сношения патриархов Германа и Софрония с русским правительством

[С. 1] Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством начались около половины XVI столетия. До этого времени встречаются в наших летописях и актах только короткие упоминания об отдельных случайных лицах, которые иногда приходили из Палестины на Русь для сбора милостыни. Так, под 1371 годом наша летопись говорит: «Прииде из Ерусалима некоторой митрополит, имянем Герман, на Русь, милостыня ради и искупления дльга, понеже бо много им насилие от поганых сарацин». Под 1376 годом говорится: «Прииде некоторый митрополит, имянем Марко, от Святыя Богородица из Синайские горы на Русь милостыня ради. Потом же в то же лето прииде из Иерусалима архимандрит, именем Нифонт, из монастыря Архангела Михаила, иже в Иерусалиме, на Русь, такоже милостыня ради и паки, собрав милостыни, отиде и ста тем на патриаршество Иерусалимское»². Прежде 1462 года встречается отпустительная грамота Иерусалимского патриарха Иоакима великому князю Василию Васильевичу, в которой патриарх пишет: «Разумеваем о господарстве ти, еже еси человек благочестивый и православен и [С. 2] православным и христолюбивым родителем наследник и въсприятель, и ближний сын и друг святыя Христовы Церкви. И сего ради еже еси явился всегда послушающим к ней верою и покорением и честью, и того ради и мы имеем тя благословенна от Бога и прощенна»³. Под 1464 годом в летописи встречается такое известие: «Марта 4 Феодосий митрополит поставил некоего перу салимлянина, Иосифа именем, брата патриарха Иерусалимского, в митрополиты в Кесарии Филипповы; а и той брат его, патриарх, пошел был на Москву милостыня ради, понеже бо истома бе им от египетскаго салтана, и не дошед преставился в Кафе; и той Осиф восхоте быти на его место, и тако поставися zde от митрополита нашего и от епископ земля руския, поиде назад, много собрав милостыни, и не доиде своеа земля»⁴.

О пришествии в Москву брата Иерусалимского патриарха Иосифа и поставлении его в митрополиты Кесарийские более подробно рассказывает дошедшее до нас послание московского митрополита Феодосия к новгородцам и псковичам о милостыне на искупление Гроба Господня. Митрополит Феодосий писал, что пришел на Русь протосинкелл Иерусалимского патриарха Иосиф, нареченный своим братом, патриархом, митрополитом Кесарии Филипповой, и известил и поведал нам о страшном землетрясении в Иерусалиме и о падении купола в храме Воскресения. Египетский султан, которому подчинена Палестина, хотел воспользоваться этим обстоятельством, чтобы окончательно разрушить храм Воскресения и на месте его построить мечеть. Тогда патриарх Иоаким предложил [С. 3] султану выкуп за храм, и султан потребовал было 10 000 золотых венецианских, а потом с трудом согласился на шесть с половиной тысяч, в чем перед султаном поручилось много христиан, и, кроме того, в заклад отдана церковная утварь. Не зная, где добыть необходимую на уплату долга сумму денег, и ввиду того, что греческая, сербская и болгарская земли, из которых ранее шла милостыня Святому Гробу, порабощены были неверными, патриарх Иоаким обратил свои взоры на православную Россию. «Слышав (патриарх), – говорит послание, – нашу святую веру непорушную, юже от богопросвещеннаго Владимера в русских землях от многих лет провоссиявшю, и в Божией воли исполнену, и благочестием цветущю, якоже и свет солнечь-

² Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). Т. VIII. С. 18 и 24.

³ Акт. ист. Т. I, № 72.

⁴ ПСРЛ. Т. VIII. С. 151.

ный, и тако уповая от сих на благое, и подщався, Господа ради, сам поиде в землю нашу, хотя нам, по вышней ему силе благодати Святаго Духа, дати двое благословение от руки своея и прощение грехов даровати, иже верою к нему исповедавшимся; и тако святые милостыня просити к живодавному Христову Гробу, на созидание святые тоя Божия Церкви на искупление иже от поганого». Но, приехав в Кафу, патриарх заболел и умер. К великому же князю и к нему, митрополиту, патриарх, умирая, послал свои грамоты с благоволением своим и с просьбою о милостыне Святому Гробу, на искупление святые церкви и на созидание святаго храма и о поставлении на Руси посылаемого им в Россию протосинкелла Иосифа в митрополиты Кесарии Филипповой, что митрополит Феодосий и исполнил, поставив Иосифа с русскими епископами в митрополиты Кесарии. Затем митрополит обращается к новгородцам и псковичам, чтобы они «с богобоязньством и великою верою» [С. 4] и «любовию» подали «без сумнения» милостыню Иосифу, каждый по своей силе «на искупление Христова Гроба и на съзидание святые матере церквам, еже есть Сион; от него же изыде радость и свет Христос». При этом митрополит Феодосий замечает: «Послахом сию свою грамоту к вам прославляя и возвеличая имя Господне, иже в русских наших землях провозсиявшего благочестия»⁵. В дошедшей до нас настольной грамоте, данной митрополитом Феодосием от 4 апреля 1464 года поставленному им в митрополиты Кесарии Филипповой Иосифу, говорится, что прежде своего доставления Иосиф произнес православное исповедание веры, что он всячески отрекся Флорентийского Собора, отверг вконец все его богоненавистные и нечистые предания и что все учение Исидора и ученика его Григория «мерзостно ему вменися». «И того ради», говорит настольная грамота, «обретохом его православна и честна старца и разумна человека, могуща снабдети и устроити и украсити престол кесарийские церкви божественным учением, по преданию св. апостол, и исправляти все священное Божие церковное исполнение»⁶.

В 1480 году встречается еще один документ из сношений Иерусалимских патриархов с Россией до половины XVI века – это послание Иерусалимского патриарха Иоакима московскому митрополиту Геронтию. В этом послании патриарх говорит, что некто Григорий Русин, купец, был в Иерусалиме, откуда направился в Египет и здесь нашел его, патриарха, приехавшего по своим делам к египетскому султану. Явившись к патриарху, Григорий «просил и молился [С. 5] нам, дабы есмь дали свое благословение и писание к твоему святительству, в порадование и приятельство. И от того есмь слышали о тебе величайшу похвалу и мужество благодати, яко твориши и у пиши свою паству, христоименитое людство много: ибо хвалу той Григорей явил и премудрости, и слова, и добродетели и разума. И того ради святительству твоему посылаем благодать и благословение и с твоею паствою православною, се христоименитым людством, благодать и милость со всеми вами, аминь»⁷.

Вот и все то немногое, что дошло до нас о сношениях иерусалимских патриархов с Россией до половины XVI века. Очевидно из этого только одно: если из Палестины до половины XVI века иногда и попадали на Русь некоторые лица, то такие явления были совершенно случайны и крайне редки, и что о них, вследствие неполноты и отрывочности дошедших известий, даже трудно составить нам какое-либо определенное представление; что каких-нибудь правильных или постоянных сношений между русским правительством и иерусалимскими патриархами тогда вовсе не существовало⁸.

⁵ Акт. ист. Т. I, № 78.

⁶ Историческая библиотека. Т. VI, № 135. С. 927–928.

⁷ Акт. ист. Т. I, № 89.

⁸ Под 1376 годом наша летопись, как мы видели, говорит, что пришел на Русь за сбором милостыни иерусалимский архимандрит Нифонт, который, собрав милостыню, возвратился назад «и ста тем на патриаршество Иерусалимское». Но просматривая списки патриархов Иерусалимских, мы вовсе не находим в них имени Нифонта. В 1464 году по просьбе умершего в Кафе Иерусалимского патриарха Иоакима на Москве ставят в митрополиты Кесарии Филипповой его брата,

[С. 6] Указанное явление, с одной стороны, объясняется тем, что иерусалимские патриархи-арабы, зависевшие от египетских султанов, относившихся к ним подозрительно, не имели свободы сношения не только с отдаленной и маловедомой им Москвой, но даже и с ближайшими к ним единоверными греками империи, которые в это время, вследствие подозрительности египетских правителей, почти совсем не являлись на поклонение святым местам. С другой стороны, Россия до конца XV века, то терпевшая иго татар, то раздираемая внутренними усобицами князей, не могла представляться отдаленным иерусалимским патриархам-арабам такой страной, с которой бы они имели какие-либо особые побуждения стремиться установить близкие и правильные сношения. Если со стороны русского паломника того времени было подвигом побывать в Иерусалиме, то таким же чрезвычайным подвигом было тогда и добраться из Иерусалима до Москвы. Положение дел в этом отношении совершенно изменилось, когда турки овладели Палестиной и когда вслед за тем Иерусалимская патриаршая кафедра стала замещаться выходцами-греками. Теперь посетить большую часть православных стран для иерусалимских патриархов значило не выходить из пределов той же турецкой империи, прибыть в Молдовлахию значило прибыть почти уже к самым границам России, так что путешествия иерусалимских патриархов за сбором милостыни теперь не могли уже встречать прежних почти неодолимых препятствий. С другой стороны, и положение Московского государства к этому времени тоже решительно изменилось. В лице великого князя Иоанна III Русь окончательно низвергла татарское иго, и в то же время великий московский [С. 7] князь, а потом царь, сделался единодержавным правителем всей Северо-Восточной Руси, где таким образом сложилось сильное православное царство. Иоанн III женился на Софье Палеолог и сделался как бы преемником греческих византийских императоров, так что московские государи стали с этого времени смотреть на себя как на единственных теперь представителей и защитников всего Вселенского Православия и всегда готовы были проявить это свое новое призвание по крайней мере денежными нескучными дачами на поддержку Православия на Востоке, терпящего там от постоянных притеснений иноверных. И вот уже с конца XV и начала XVI столетия в Москву начали приезжать с православного Востока просители милостыни из разных афонских монастырей и родственной Сербии, из отдаленного Синая и других мест, и чем далее, тем более увеличивался приток всевозможных просителей, так как в Москве всех их принимали очень радушно, наделяли нескучною милостыней как лично самих просителей, так и представляемые ими монастыри или архиерейские кафедры. Вполне естественно было, что Иерусалимские патриархи, постоянно нуждавшиеся в деньгах, обратили свое внимание на тороватую Москву и вслед за другими просителями милостыни стали обращаться к московским государям с просьбами о помощи Святому Гробу. Первый Иерусалимский патриарх из греков – Герман – первый и завязал прямые сношения Иерусалимских патриархов с московским правительством.

В первый раз патриарх Герман обратился к московскому правительству не с просьбою о милостыне, а с просьбою возвратить на Восток находящегося [С. 8] в Москве известного Максима Грека, причем грамота об этом была писана, собственно, не им, а Константинопольским патриархом, Герман же, случившийся тогда в Константинополе, только подписался под ней. Затем патриарх Герман обратился через своих нарочных, посланных уже со специальною просьбой к московскому государю о милостыне Святому Гробу. Но эта первая просительная грамота Германа не дошла до нас, равно как и ответ на нее государя. В 1550

протосинкелла Иосифа. Но в это время в Иерусалиме патриарха по имени Иоаким не было, и, кроме того, совсем непонятным остается, зачем бы ему понадобилось послать своего брата для поставления в митрополиты в далекую и малознаемую Москву. В 1480 году опять Иоаким, патриарх Иерусалимский, присылает свое благословение митрополиту Геронтию. Но если уже один патриарх Иоаким действительно в 1464 году умер в Кафе, то другого Иерусалимского патриарха в это время и с этим именем, несомненно, более не было.

году в июне месяце в Москву прибыли два старца – Даниил и Гавриил – и привезли государю грамоту Иерусалимского патриарха, писанную им в 1548 году. В ней Герман, после обычного титула и приветствий, посылает государю благословение от живодавнего Святого Гроба, к которому для поклонения ежегодно приходят христоименитые люди всякого звания и положения. А так как государь не мог сам посетить лично и видеть святые места, то он показал свою любовь к ним и усердие тем, что позаботился о сооружении сих святых мест, когда с посланным к нему иноком Арсением и другими, бывшими с ними, прислал ему, патриарху, шубу отца своего Василия. Герман далее заявляет, что имена государевых родителей ежедневно поминаются на литургиях, утрнях и вечернях и что только государскою помощью они спасаются от многих скорбей и тесноты, которые терпят от иноплеменных. Затем патриарх пишет: «И паки прииде на нас Божие посещение свыше и прежних, славнейший государь, еже бысть трясение земли страшно и велие зело, еже и не бысть таково и в страсть Христову, в вольное Его распятие: разседся даже Божии церкви и келии наша и ограда распадошась и самосущее воскресение Господа [С. 9] нашего Иисуса Христа над гробом (т. е. кувуклий) расседся по местом, и колокольница распадеся и иные ирония церкви в Гефсимании и в Вифлиеме стоят пусты. И аще не будет ваше презрение и поможение, и нам убо нет силы от вседневнога нахождения нечестивых иноплеменник и насилия, от тяжести их и беспрестаннаго питания их»⁹. В заключение патриарх просит государя быть ктитором, соорудителем и помощником Святого Гроба, и поминание о нем будет вечно, как и о принопамятных царях Константине и Елене, «ибо нет нам другого помощника, кроме Бога и твоего царствия; прислали мы и малое поминовение твоей светлости: елей от кандила Гроба Господняго и от святаго места Голгофы и иные вещи, какие тебе подадут наши посланцы. Сотвори нам милость, дабы милость Божия сохранила твою державу». Государь на этот раз послал милостыню небогатую: 30 руб. патриарху, Гробу Господню на свечи и ладан 50 руб., старцам велел дать на платье по 2 руб. и милостыни по 10 руб., причем послал патриарху и свою ответную грамоту, в которой извещает о посылке к нему милостыни и просит молиться о нем – царе, жене его, детях и брате и всем православном христианстве и записать в синодик имена его родителей, о чем уже ранее он просил патриарха в своей грамоте, посланной к нему с иноком Арсением (которая до нас не дошла)¹⁰.

[С. 10] В сентябре 1559 г. государь Иоанн Васильевич послал на Восток софийского архидиакона Геннадия и купца Василия Позднякова с тем, чтобы архидиакон побывал у всех восточных патриархов и во всех святых местах и описал все, что он увидит там. С ними посланы были царские грамоты ко всем патриархам и милостыня. Патриарху Герману Иоанн писал, что, услышав от старцев Синайской горы о скорби, какую они терпят от насилия турецкого, посылает к нему с архидиаконом Геннадием рухляди на четыреста золотых, с бархатною шубою на соболях, да живоносному Гробу посылает рухляди на четыреста золотых и на двести золотых в церковь на Голгофе (т. е. всего на 1000 золотых, кроме бархатной шубы для патриарха) и просит его возжечь неугасаемое кандило ради его державы над Гробом Господним и Голгофою, а также и молиться о его здравии и о упокоении его родителей. На эту присылку богатой милостыни патриарх Герман так отвечал государю грамотою, писанною в июле 1560 года: «Господу небеса приклонишася и снизшел Господь в Иерусалим. Все, что внутри его, есть стяжание нашему спасению, ибо страшное в нем совершилось таинство: воскресение и Божественное вознесение, пришедшего к нам на вольную, пречистую и ужасную страсть. Тут живоносный Гроб его и Голгофа с прочими Святыми Местами,

⁹ Досифей об этом землетрясении говорит: «При Германе во время землетрясения упал купол башни медного колокола, т. е. колокольня Святого Гроба, на близ находящийся храм Воскресения и разрушил купол сего храма, что и до сих пор остается в том же виде. От сего ж землетрясения упала колокольня Святого Вифлеема, как и теперь видим» (История иерусалимских патриархов. Кн. XI, гл. VII, § 3).

¹⁰ Греческие статейные списки № 1, лл. 43–50.

тут же и пречистая стопа его ноги, где он ступил, и камень, на который благоутробно положен был Снятый со Креста. Всякий день созерцаем мы все сии святые, славные и неизреченные места и, ради их, приходят отовсюду на поклонение христоролюбивые люди, по морю и по земле, от конец ея до конец вселенной. И от ваших стран многие [С. 11] к нам приходят, с веселыми лицами и со всяким достоянием, похвально преплывая бесчисленную пучину вод. Твоя христоролюбивая милостыня также преплыла моря, ибо и ты истинный подражатель милостиваго великаго Царя, Христа Бога нашего. По сему воссылаем велегласно славу Господу о царствии твоём, дабы укрепил и утвердил тебя силою своею в исполнении Божественных Его заповедей, на похвалу и пользу и помощь нашему роду, единокровным тебе христианам». Сказав затем, что получил царскую милостыню, из которой, однако, до него не дошло 400 руб., с которыми неведомо что учинил синайский поп Иосиф, просит царя впредь, если он вздумает послать милостыню, посылать ее только с патриаршими чернецами. Далее патриарх заявляет, что он не может достаточно передать писанием, какие напасти и беды, пленения и темницы претерпевают обретающиеся там христиане от сыродцев, обладающих ими. В заключение патриарх просит обновить святые сосуды и прислать ему митру, «ибо многие здесь у Святаго Гроба носят митры: армяне и хабези (т. е. абиссинцы) и прочие, только мы одни ее не имеем!»¹¹.

Приведенной грамотой и заканчиваются все сношения Германа с московским правительством. Очевидно, они носили еще случайный характер и Герман не думал об установлении более правильных и постоянных сношений с нашим правительством. Об этом позаботился преемник Германа – Софроний.

Государь Федор Иоаннович, вступив на престол, через своего посла Бориса Благого уведомил об этом всех восточных патриархов. Занявший место [С. 12] Германа Софроний поспешил воспользоваться этим случаем, чтобы завязать сношения с новым московским государем. Он прислал царю грамоту, в которой писал: «Да подаст(Господь)благородствию ти благий разум и доброрассужение, да устрояеши Богом врученное ти царство, яко есть годно царем благочестивым, в сем еси должен ответ дати на втором пришествии Христове. Потому сотвориай добродетельная своя дела, елико належит православнои и непорочнои вере христианстей, и соблюдай опасно и держи прямо вся, елика суть писано во святем Евангелии святыми апостолами, елика суть предана святей Божии Церкви святыми архиереи и богоносными отцы, иже по благодати Святаго Духа, семи соборными заповедьми и уставы просветиша и утвердиша сия заповеди Господня евангельская и соборная. И елика писах к твоему благоверию, да будеши всегда имети крепко и богобоязненно, и благодать Святаго Духа да будет на тебе всегда, и сохранит тя и соблюдет от всех враг твоих видимых и невидимых во вся лета, и умножит Господь Бог царствие твое во всяцем блазе. Ты же буди благотворя так, яко блаженный отец твой царь Иван; и буди праведен и милосерд к посланным ти, и не буди злосерд и завистлив на чужая доброты и соблюдайся от всякого греха, да будешь честен и славен от всех людей, почтен будешь во втором пришествии Христове, егда разда-етца комуждо по делом его. Тако же есть лепо, боговенчаныйцарь, помнити всегда нищих и убогих и нужных и сотворити милостину, имети любовь к святым церквам и ко святым монастырем и к святому и животворному Гробу Господа нашего Иисуса Христа, ид еже горят два паниканьдила ради многолетняго и благодарнаго, [С. 13] честнаго и славнаго, Богом соблюдаемаго имени царствия твоего, и молим за твое царствие во дни и в ноци на священных литоргиях и во всяких божественных службах...»

Царице Ирине Софроний прислал разрешительную грамоту, в которой писал: «Смирения нашего молитва и благословение, по благодати Господа нашего Данией нам древле Святым Духом и по заповеди Спасителя нашего Иисуса Христа, еже рече своим учеником

¹¹ Греческие статейные списки № 1, лл. 159–165.

и апостолом глаголя: примите Дух Свят, им же отпустите грехи, отпустятца им, и им же держите, держатся им, и елико аще свяжете на земли, связано будет и на небесех». Затем патриарх пишет: «Буди прощена о Святом Дусе дщерь наша царица Ирина, елика аще в чем согрешила пред Богом яко человек: словом, или делом, или помышлением и всеми чувствами душевными и телесными... и от тех всех согрешений прощаем и разрешаем от всякаго вязания изволением и благодатью всекрепкаго и прещедраго Бога и съпоклоняемаго во Троице Святаго Духа, да простит и всемилостивый Господь Бог во всем, елика пред ним ни согрешила».

Царь, выслушав патриаршие грамоты, привезенные патриаршим архимандритом Иоасафом, «приговорил к Иерусалимскому патриарху и в монастыри его области послати милостыни девятьсот рублей», а к патриарху Софронию с его архимандритом Иоасафом послано две царские грамоты. В первой из них государь извещает патриарха о посылке ему 900 руб., которые он и поручает ему раздать по росписи на все церкви и монастыри его патриархии с тем, чтобы во вседневных службах поминали бы государевых отца, мать и брата и молились бы о его царском [С. 14] здравии и победе на врагов. В другой грамоте царь писал патриарху о трех неугасаемых кандилах, именно: что он послал с архимандритом Иоасафом 82 руб. и четыре алтына с деньгою с тем, чтобы патриарх устроил два кандила у Гроба Господня и одно на Голгофе и чтобы эти кандилы горели там день и ночь, пока тех денег станет на масло, за его царское здравие и чадородие его царицы, в наследие царства. Кроме того, по просьбе архимандрита Иоасафа патриарху Софронию и его преемникам послана была царская жалованная грамота о свободном проезде старцев, которых будет посылать в Москву Софроний и его преемники. В ней обычно прописывалось, чтобы приехавших на рубеж патриарших посланных воеводы свободно пропускали, давали им корм, подводы до Москвы, провожатых и т. п.¹²

В 1592 году, после присылки от Константинопольского патриарха и Собора утвердительной грамоты на учреждение в России патриаршества, государем послана была на Восток с послами Григорием Нащокиным и подьячим Андреем Ивановым богатая милостыня, причем в Иерусалиме и его окрестностях по различным монастырям и церквям велено было раздать, сообразно составленной росписи, 2544 золотых. Самому патриарху Софронию послано было 500 золотых, митра, золотая чаша для святой воды, убрусец, низан жемчугом дробным, и четыре сорока соболей. В то же время послал богатую милостыню в Иерусалим к патриарху и Борис Годунов вместе со своею грамотой, в которой писал, что послал от себя с келарем, старцем Дамаскиным, живоносному Гробу Христову и его Воскресению потир [С. 15] хрустальный, обложен золотом, с яхонтами, и лалами, и изумрудами, да три блюда золотые и кандило ко Гробу Господню золотое, с яхонтами и изумрудами, да кадило золотое, да на масло четыре сорока соболей. В Гефсиманию – сосуды церковные: потир, дискос и кадило серебряные, да пятьсот золотых, чтобы купить виноград или село и впредь бы устроить в Гефсимании у Пречистой Богородицы вседневную службу и свечу неугасимую. Если же село или виноград будут стоить больше пятисот золотых, то патриарх пусть ему напишет об этом и он пришлет недостающее. В заключение Борис пишет: «Послал я к тебе сорок соболей от себя, и жена моя Мария тебе, великому господину, челом бьет ширинку, сын мой Федор кубок золоченый, дочь моя Оксинья икону Спасов образ, да ширинку: и ты бы то от нас принял в любовь, чтобы ради святых молитв сотворил над нами Господь до милости своей, как весть Его святая воля»¹³.

Эти подарки Бориса были, конечно, очень приятны для патриарха Софрония, почему он и поспешил, когда Борис сделался царем, приветствовать его своею грамотой, писанной от 6 сентября 1602 года, которую в июне 1603 года привез в Москву архимандрит монастыря

¹² Греческие статейные списки № 2, лл. 108–110, 112 об., 113, 115–120.

¹³ Муравьев А. Н. Сношения России с Востоком по делам церковным. Ч. 1. М., 1858. С. 262–277.

Саввы Освященного Григорий. В ней Софроний пишет Борису: «Ведомо вам буди, самодержавный царь, что здесь, в святых местех, многие скорби и нужи и глад неизреченный, каков не бывал во днех наших, и арапского роду умножилось и нас нуждят повседневно, что мало есмя не погибли от здешняго святаго и преславнаго места». Затем патриарх ходатайствует перед царем за [С. 16] лавру Саввы Освященного, которая, вследствие голода, не могла прокормить соседних арабов, терпя от которых иноки заложили вход в лавру, а сами все удалились в Иерусалим в тамошний свой Архангельский монастырь, пока не минет нужда и опасность от арабов. Он просит царя быть новым соорудителем погибающей от нужды славной обители¹⁴. Посылая эту первую грамоту царю с саввинским архимандритом, Софроний решил в то же время снарядить в Москву специальное торжественное посольство, во главе которого стал архимандрит Феофан, будущий патриарх, преемник Софрония.

9 августа 1603 года черниговские воеводы доносили государю, что в Чернигов приехали из Иерусалима греческие старцы: архимандрит Феофан, а с ним келарь Иоаким, да два дьякона – Феодосий и Никодим, а едут от Иерусалимского патриарха в Москву за милостыней. Они везут с собою от Святого Гроба белый мраморный камень, который высек из животворящего Гроба еще прежний патриарх Герман и написал на нем царские имена: Иоанна Васильевича, Феодора Иоанновича и Бориса Годунова, а теперешний патриарх Софроний надписал на камне свое имя. По повелению государя просители отправлены были в Москву, куда прибыли 3 декабря, и поставлены были на подворье рязанского владыки.

В грамоте патриарха, которую привез государю архимандрит Феофан, Софроний после благословения и благих пожеланий царю, его семье и всему его царству пишет: «Ведомо буди державе царствия твоего, что тут послахом к святому царствию своих иноков, рабов и сослуживников святаго и живодарованнаго Гроба и [С. 7] чада о Христе возлюбленнаго, смиреннейшаго преподобнаго священноинока и духовнаго отца господина Феофана, великаго архимандрита патриаршества нашего (со спутниками), да приимеши их любезно против нашего лица и сотвори им для имени Святаго Гроба по обычаю дающею милостину от христолюбиваго царствия також, как давали прежния блаженныя православныя цари; имена их воспоминаются всегда от нас. Ведаешь, благочестия любительный царь, что вседневный наш неизсчитанный расход и поношения от агарян и напраслины, страждем и терпим от них здесь во святых местах для ради Христа, а развее Бога инаго помощника не имеем, и заступника и покровителя развее святаго тебя, царя, государя нашего, во днех сих, и на тя держим упование и надежду; и к тебе прибегаем. Да еще в нынешних последних вещех востали великие войны везде, и для того во днех сих ни откуды не бывало ни мало милостыням, и одолжал святой Гроб болши десяти тысящ золотых. И в таком убожестве пребываем, – столь нужно, что и пищу скудны есмя, – Бог весть. А все то терпим для имени Христова, такожде терпим, яки прежние мученики – те день, два или три, а мы во вся дни мучимся для святых мест. Ведомо буди, христолюбивый царь, что в прошлых летех послал есми тут своих мнихов, в летех при блаженном царе-государе князе Феодоре Ивановиче всеа Руси, да приимут святую вашу милостину во имя Святаго Гроба, что дается по обычаю; а ныне не ведаю, что делу помеха, что толикое время тут живут, и не ведаем, живы или мертвы, и пребываем во многих скорбех и тесноте от тягостей великого долгу, что впал Святой Гроб. И послал есми в другой – Кесарии [С. 18] Филиповы митрополита – ныне четыре года, да и тот не объявился... Нужно добре пребываем и да не изнудится Святой Гроб и не обладался б до основания от агарян во днех наших, да возрадуется враг веры нашея и будем в поношение и в посмещение его, для того страждем и терпим близь смерти до века. Посем извещаем святому твоему царствию: заступи нас, способствуй и помоги, как тебя просветит благодать Святаго Духа, и буди царствие твое новое соорудитель живодарованному Гробу, как присно-

¹⁴ Греческие дела 7111 г. № 2.

памятный и великий царь Константин, отметаемый сребра тленного и погибшаго вечнаго ради жития, и восприимеши семьдесят седмерицею в вышнем Иерусалиме во веки и наследуешь Царствие Небесное. А пять елей неугасимых горят во дни и в нощи в честь и во имя богохранимаго ти царствия и в память вечную блаженных и приснопамятных царей Ивана Васильевича и Федора Иоанновича». В заключение Софроний просит государя пожаловать, прислать купить виноградник Святому Гробу с масличными древами для вина церковного и масла и посылает государю от себя благодать, великую милость, благословение и прощение.

25 декабря, на Рождество Христово, государь повелел Феофану быть у него, государя, на дворе. Царь Борис принял его в золотой подписной палате вместе со своим сыном Феодором, причем Феофан поднес государю от патриарха Софрония святыни: образ, обложенный серебром, мощи св. апостола Варнавы – часть от ноги правой, мощи св. Меркурия – часть от ноги левой, мощи св. Пантелеймона – часть от ноги левой, мощи св. великомученицы Феклы – часть от руки, мощи св. мученика Прокопия – ручка правая, мощи св. священномученика Анфима – часть [С. 19] от ноги, камень мрамор Гроба Господня, меру свечи Святого Духа, смирно, святую воду из реки Иордана, дерево жезла Моисеева. Архимандриту Феофану на представлении дано было царское жалованье: 6 образов, 60 руб. деньгами, сорок соболей в 25 руб. и другой сорок в 20 руб., два сорока куниц, мех песцовый черевей, лисья шуба в 10 руб. и 1000 белок.¹⁵

7 февраля 1604 г. по указу государя вместе с другими бывшими тогда в Москве просителями милостыни Феофан со старцами представлялся патриарху Иову, который велел им сесть и расспрашивал, как они шли в Москву и как они пребывают под властью неверных агарян. Феофан отвечал, что многую нужду, беды и тесноту терпят и если бы не милосердие царя Бориса Феодоровича всея Руси, то бы они до конца погибли. Потом патриарх одарял просителей образами, деньгами, соболями, причем «приказал патриарх с архимандритом Иерусалимским [С. 20] к патриарху Иерусалимскому Софронию челобитье», а самому Феофану дал образ, 4 руб. денег, ширинку и затем отпустил просителей к себе на подворье, послав им туда от себя почетный корм вместо приглашения к столу у себя.

4 марта Феофан вместе с Саввинским (т. е. монастыря Саввы Освященного) келарем Дамаскиным (который прибыл в Москву еще в 1590 году и с тех пор жил в Москве) был у государя «на отъезде». «И как архимандрит и келарь пришли ко государю и государь их пожаловал, спросил о здоровье: во спасении ли пребывают? И архимандрит Феофан и келарь Дамаскин били челом на государеве жалованье, на милостыне и на кормех, а говорили: Божию милостью и вашими великаго государя, царя и великаго князя, Бориса Феодоровича всеа Русин самодержца жалованьем пребываем здорово, и вашим царским жалованьем всем покойны». Тогда государь обратился к архимандриту Феофану с такой речью: «Архимандрит Феофан! Приезжал еси к нам, к великому государю, царю и великому князю Борису Феодоровичу всеа Русин самодержцу, и к сыну нашему, царевичу князю Феодору, от Иерусалимскаго патриарха Софрония с грамотою бить челом о милостыне, а в грамоте своей к нам Софроней-патриарх писал о своих скорбях и утеснении от иноверных, и что одолжал

¹⁵ Государь вместо стола у себя послал архимандриту и старцам его на подворье: «хлебец, калач крупитчатый, осетрина длинная, плотница целная, стерлядь целная, пироги кислые, шука отварная, четь коровая целного, сельди паровые, икра осенняя, икра паюсная, пироги подовые, пироги фряженные с везигою, пироги фряженные с горохом, караси, шука, полголовы осетрины свежая, шука колодка, теша белужья, звено осетрины на троичкое дело, тело белужье, сиг, лодуга, звено наростовое. Питья: кружка романей, кружка бастру, кружка ренскова, четверть меду вишневаго, четверть малиноваго, полведра отборнаго, 2 ведра паточнаго, 4 ведра цеженаго». На сборное воскресенье государь послал Феофану с его старцами великопостных кушаньев: «хлебец крупичатой, хлебец черной, 2 полосы дынные, вишни в патоке, шепталы 15 ягод, наливу 15 яблоч, скруту 15 яблоч, кузминские 15 яблоч, патыка сжена с перцем, патыка с имбирем, патыка с гвоздикою, патыка простая, капуста сладкая, репа сладкая, маслины с перцем, маслины с шафраном, маслины с имбирем, каша сладкая, развар со пшеном да с изюмом, ягоды винные, молоко миндальное, ядра миндальные, пастила малиновая, пастила смородиновая, пастила черемховая, пастила землянишная, пастила черничная, пастила брусничная, репа в патоке, шишки ядер ореховых, кисель с шафраном, кисель с перцем, три кваса медвенных по полуведру».

великим долгом, а ни откуда помощи не имеет, разве Бога да нас, великаго государя. И мы ныне вас отпускаем к патриарху Софронею, а с вами посылаем к живоносному гробу Господа нашего Иисуса Христа и святого Его Воскресения Евангелие греческое письмо на престол в церковь Воскресения Господа нашего Иисуса Христа, да к патриарху Софронею [С. 21] посылаем сосуды церковные, да репиды, да два пояса к стихарен, да наши царские заздравные милостыни – шубу соболью под бархатом, да жена моя царица и великая княгиня Марья к патриарху ж сулок сажен, да ширинку, да 300 золотых угорских. А преж сего послал есми к патриарху с кесарийским митрополитом Германом, да с архимандритом Дамаскиным наша заздравные милостыни 60 сороков соболей, 12 000 белок, 1000 золотых угорских. И Софроней бы патриарх, то приняв, молил Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа у живоноснаго Гроба, чтоб Господь Бог по неизреченному своему милосердию и человеколюбию и для его молитв даровал нам душевное спасение и телесное здравие, и послал бы нам милость свою: помощь и одоление на вся враги видимые и невидимые». А изговоря, государь речь архимандриту молвил: «Архимандрит Феофан! Как будешь у Софроней-патриарха и ты от нас патриарху поклонись», и поклонился государь об руки и приказал архимандриту, чтоб он потому ж патриарху поклонился до долу. Да государь же архимандриту молвил: «Посылает сын мой, царевич князь Феодор, к Софронею-патриарху милостыни 2000 золотых угорских, и Софроней бы патриарх о нас и о нашем царевиче, князе Феодоре, многолетном здравье молил Господа Бога и Пречистую Богородицу и всех святых благоугодивших, чтоб Господь для ради молитв его отпустил нам грехи и даровал душевное спасение и телесное здравие, а мы, великий государь, и сын наш, царевич князь Феодор, учнем впредь к Софронею-патриарху наше жалованье держати наипаче прежняго». После этих слов государь отпустил архимандрита Феофана и келаря Дамаскина на подворье, дав им, [С. 22] сверх обычной дачи на отпуске, архимандриту сорок соболей в 20 руб. и сорок куниц, а келарю сорок соболей в 16 рублей.

С архимандритом Феофаном государь Борис Феодорович послал к патриарху Софроню свою царскую грамоту, в которой писал, что слышав об их скорбях и утеснении от иноверных, как агнцев посреди волков, немало о том пожалел, что святейший патриарх и все православные христиане в тех странах пребывают в таком великом гонении и утеснении от агарян. «Тебе же, отцу нашему, – писал царь, – пастырю и учителю православных велений, во всех сих приключившихся скорбях, подобает быть как непобедимому страстотерпцу, крепким и мужественным, и всех православных христиан утверждать и утешать, и надежды не отпадать, а молить всещедрого и премилостиваго человеколюбца Бога, Господа нашего Иисуса Христа, Пречистую Его Матерь, христианскаго рода защитницу, и всех святых, чтобы скорбь вашу на радость преложили и от насилия безбожных освободили». В заключение грамоты, перечислив милостыню, посланную ранее с кесарийским митрополитом Германом и архимандритом Дамаскиным, государь просит патриарха Софрония молить Бога и Спаса нашего Иисуса Христа у живоноснаго Его Гроба о спасении и здравии царя и его семьи, о победе на врагов видимых и невидимых и о мирном устроении его царства¹⁶.

Ласковый и почетный прием, оказанный архимандриту Феофану в Москве царем и патриархом, богатые подарки, какие он получил здесь для себя лично, то высокое уважение, какое царь публично выражал к [С. 23] Иерусалимскому патриарху, то глубокое искреннее благочестие и благоговение, с какими царь Борис относился к святым местам, то желание облегчить участь страждущих в Палестине православных от агарянских притеснений необходимо должны были произвести на Феофана сильное впечатление, внушить ему представление о русских как о народе очень благочестивом, всецело преданном Православию, горячо сочувствующем своим страждущим под игом неверных собратьям, всегда готовым помочь

¹⁶ Греческие дела 7111 г. № 3.

им и с которыми поэтому иерусалимскому патриаршему престолу следует находиться в возможно постоянных и близких отношениях¹⁷.

В 1605 году прибыл в Москву синайский архимандрит Иоасаф, с которым патриарх Софроний писал государю, рекомендуя посланных синаитов, чтобы им дана была царская милостыня, так как [С. 24] Синайская обитель на всякий день имеет нужду и терпит пленение от арабов, находится в великом убожестве от дани агарянской, ее церковные сосуды и ризы заложены за четыре тысячи золотых, и иноки не имеют теперь ни откуда помощи, и потому пусть царь будет вторым создателем обители, в которой ежедневно поминается его имя¹⁸.

Когда в Польше появился Лже-дмитрий, то Софроний, конечно, не подозревавший в нем самозванца, поспешил особой грамотой приветствовать его и выразить пожелание ему благополучно и успешно утвердиться на престоле своего отца, причем просил его не забывать своею милостыней Святого Гроба. «Мы, – пишет самозванцу Софроний, – с сильным огорчением узнали о кончине покойного царя Феодора, блаженной памяти вашего брата, и проливали горькие слезы при получении сего печального известия; но мы забыли все наши бедствия, когда уведомились об открытии, сделанном в особе вашего царского величества. Сие известие исполнило радостию и веселием весь Палестинский край. Вельможи и простолюдны, мущины и женщины, все поспешили воссылать благодарственные мольбы к Всевышнему, которому угодно было, чтобы ваше величество опять было найдено, подобно сокрытому и драгоценному кладу. Мы и все архиепископы, равно как и все духовенство, находящееся с нами, и наша паства, воссылаем к небу мольбы, дабы ваше величество в скором времени наследовало престол своего родителя, блаженные памяти царя Ивана Васильевича, и дабы дом ваших предков царствовал на престоле царей во веки веков. Бог мира, сердцедец, сокрушающий и восстанавливающий, любящий [С. 25] правоту и справедливость, по Божественной своей силе, может даровать вашему царскому величеству престол ваших предков без войны и без всякаго кровопролития. Но когда милостию Господа нашего Иисуса Христа восприимите престол, тогда вспомните о Святом Гробе Господнем и о Святой Земле и о других местах, освященных присутствием Спасителя. Подражайте благотворительности и великодушию, оказанным Святому Гробу Господню августейшим вашим родителем, царем Иваном Васильевичем, и вашим братом, царем Феодором, который освободил патриарший престол Антиохийский, а потом и Цареградский от долгов, коими они были обременены; окажите ту же милость монастырю Святого Гроба Господня, дабы удовлетворить наших заимодавцев, ибо утеснения турок принудили монастырь Святого Гроба вступить в долг. Сей долг простирается до пяти тысяч червонцев, и мы платим по сорока процентов... Посланным поручили отправиться в Россию к вашему царскому величеству в случае, если исполнятся теплые наши молитвы, и вы вступите на прародительский ваш престол. Если отцы поедут в Россию, то просим вас принять их милостиво, как бы меня самого, и прислать

¹⁷ Мы назвали подарки, данные царем архимандриту Феофану, богатыми, хотя на первый взгляд они нам и не покажутся такими. На представлении государю при приезде Феофан получил подарков, по сделанной тогда оценке, на 115 руб., да 6 образцов, два сорока куниц и 1000 белок, которые мы оцениваем в 35 тогдашних рублей. «На отъезде» Феофан получил столько же. Значит, всего от государя он получил на 300 руб. – сумма, по-видимому, небольшая. Но если мы примем во внимание, что рубль второй половины XVI века равнялся приблизительно нынешним 70 рублям (см.: *Ключевский В. О. Русский рубль XVI–XVIII вв. в его отношении к нынешнему.* С. 34, 35 и 47), то окажется, что государь лично Феофану пожаловал подарков, по современной оценке, на 21 000 рублей. А так как Феофан получал еще подарки от патриарха, а затем, по обычаю, его дарили еще и некоторые архиереи, монастыри и московская знать, то окажется, что Феофан лично для себя получил в Москве подарков на наши деньги более чем на 25 000 рублей. К этому нужно прибавить и то обстоятельство, что просители милостыни, отправляясь в Москву, везли обыкновенно с собою товары, которые они беспощинно и от самой границы на казенных подводах привозили в Москву, где их выгодно продавали и затем, закупив на месте московских товаров, отвозили их, опять же на казенных подводах, за границу. От этой операции просители выручали немалые суммы. Все содержание их, со дня вступления в московские пределы, давалось им от царя.

¹⁸ Греческие дела 7112 г. № 2.

Святому Гробу Господню такое подаяние, какое заблагорассудите, дабы мы могли заплатить наш долг, коим монастырь обременен»¹⁹.

Таким образом, уже патриарх Софроний хорошо понял и оценил важное значение России как тороватой благотворительницы святым местам, почему он всячески старался войти в более близкие сношения с московскими царями Феодором и Борисом и, что особенно любопытно, поспешил еще в Польше приветствовать [С. 26] самозванца как истинного царевича, конечно, в надежде приобрести его особое расположение, когда ему удастся воссесть на московский царский престол. Однако особенно близкие и частые сношения иерусалимских патриархов с московским правительством начались только с патриаршества Феофана.

¹⁹ *Муравьев А.Н.* Сношения России с Востоком... Ч. 1. С. 325–328

Глава 2

Сношения патриарха Феофана с русским правительством

[С. 27] В так называемое Смутное у нас время сношения с иерусалимскими патриархами, как и вообще с Востоком, прекратились и возобновились только уже в 1619 году благодаря приезду в Москву самого Иерусалимского патриарха Феофана, преемника Софрония. К сожалению, «дело» о приезде Феофана в Москву не дошло до нас, и нам приходится о его пребывании в Москве говорить только на основании тех отрывочных известий, какие случайно сохранились об этом у современников и ближайших к ним лиц.

Любопытно, как некоторые русские посмотрели на приезд Феофана в Москву. Иерусалимский патриарх Феофан, уверяли они, приехал в Москву не за милостыней, его приезд далеко не был случайным и безотносительным к тогдашней еще совсем не оправившейся от Смуты русской жизни. В одном хронографе по поводу постановления в патриархи Филарета Никитича говорится: «В то время промыслом всем дающего живот излишая боготочная благодать Святаго Духа в сердца благочестивых четверочисленных Вселенских патриарх: Цареградскому, и Александрейскому, и Антиохийскому, и Иерусалимскому, что великая Соборная и Апостольская Церковь Божия, Матере честнаго и славнаго ее Успения русские митрополии, вдовствует не [С. 28] малое время, не имея пастыря, еже есть патриарха. Подвигшижеся от Святаго Духа четверочисленный лик Вселенских патриарх и совещаашажеся между себе послами, чтобы им от своего четверочисленнаго и благочестиваго лика послати единаго в царствующий град Москву ко благочестивому царю и великому князю Михаилу Феодоровичу всеа Русии, чтобы, по их благословению и прошению, не умедлил избрати мужа честна и преподобна и во всех добрых делех совершенна, и возвел бы на патриаршеский великий престол, чтобы Божия Церкви Русские митрополии не вдовствовала, и имела бы окормляющаго ю во своем ея божественных догмат благочестии. Избраша же он, четверочисленный и богоносный полк, своего сверстника, мужа честна преподобна», Иерусалимского патриарха Феофана²⁰. В житии преподобного Дионисия, архимандрита Троицкой лавры, принадлежащем известному Симону Азарьину, говорится: «Бысть смотрение Божие о умирении руския земли сицевым образом: слышно бо бысть Восточным Церквам како стражет бедне великая Россия от змиеваго гонения, от папы Римскаго изблеванною скверною водою. Растригою и Жигимунтом нарекаемыми царевичами, ядовитыми сими гады, уже 14 лет страждет. Святтии отцы, четыре патриархи Вселенстии не вознерадеша о останках, в погибели бывающих исчадиях российских семей, и, посоветававше между собою и со всеми Восточными Церквами, еже бы помощи во время лютые отчаянные напасти, двигнувшися от престол своих и дошедше Гроба Господня, молиша Царя царем, и Господа господем Иисуса Христа, Бога Вседержителя, да недасть одолети жезлу грешных [С. 29] своего жребия. Избраша убо воеводу крепка, и сильна исполина, могуща тещи путь от востока до запада, которой не имел ни оружиеносцов, ни броней мужеских, но токмо едино слово Божие во устех имуща, могущее розорити тверди не одолеваемые, святейшаго патриарха Феофана, прекраснаго душею и телом, и оградивше его многими молитвами, вместо жертв благовонных, наполниша его слез духовных, их же бы принести ему в пищу гладным всякаго хлеба, слова Божия лишенным в России велицей»²¹.

²⁰ Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. С. 205–206.

²¹ Изд. 1834 г. С. 103–104.

Таким образом, по представлению некоторых русских первой половины XVII века, приезд Феофана в Москву был делом Божественного Промысла, возбудившего четырех Вселенских патриархов позаботиться о поставлении верховного пастыря для осиротевшей Русской Церкви, был следствием особой заботливости старших Восточных Церквей о младшей дочери их – Церкви Русской, пережившей столь тяжелые и грозные для нее времена в смутную эпоху. Господство поляков-католиков в самом московском Кремле, осквернение ими народных заветных святынь вызывали в представителях Восточной Церкви не осуждение, а только горячее сочувствие, что, конечно, было особенно приятно для тогдашних русских, сильно смущенных событиями Смутного времени. В действительности же Феофан приехал в Москву по своей собственной инициативе, без всякого совещания и предварительного сношения с другими восточными патриархами, и целью его поездки было не поставление на Москве патриарха, а получение от русского царя милостыни, которую он действительно и получил, несмотря [С. 30] на разорение государства и бедность царской казны, очень нескрудно²².

[С. 31] До нас дошла в высшей степени любопытная и характерная записка современника-очевидца о том, «как служил Феофан, патриарх Иерусалимский, с русскими митрополиты с казанским Матвеем и со архиепископы», выпукло рисуя, как некоторые русские иерархи относились тогда к тем особенностям церковного чина и обряда, какие у нас были не согласны с тогдашними греческими чинами и обрядами. Записка именно повествует, что когда Феофан пришел в московский Успенский собор и, после обычной встречи, хотел встать в церкви на свое место, спасский дьякон Дионисий заметил ему: «Подиде государь во олтарь, там-де приложишься ко Евангелию, и крестом себя благословишь и властей служащих». Феофан исполнил это указание дьякона и уже потом стал на своем месте. Между тем

²² В приказных записях о милостыне Феофану значится: «Во 127 году был в Москве Иерусалимский патриарх Феофан, и ему дано на приезде от государя: кубок серебряный золоченый с кровлею, весом 8 гривенов (гривенка пол фунта) 47 золотников, портище бархату черного гладкого добраго, портище бархата рытаго вишневаго добраго, два портища камок багровой да вишневой добрых же; сорок соболей в 70 рублей, сорок соболей в 30 рублей, денег 200 рублей и всего на 400 рублей. Да ему ж на поставление Филарета Никитича дано от государя после стола: кубок серебряный золоченый с покрышкою в 7 гривенок – 35 рублей, стопа серебряная в 4 гривенки – 20 рублей, бархат гладкий черный —15 рублей, бархат гладкий зеленый – 15 рублей, камка черная – 10 рублей, камка багровая чешуйчатая – 10 рублей, объяри багровы – 10 рублей, сорок соболей в 80 рублей, денег 200 рублей, всего на 400 рублей. Да к патриарху послано, что было постилано в соборной церкви на царском и патриаршем месте: 2 половинки и 5 аршин сукна шарлату червчатого – цена 112 рублей, три половинки сукна аглицкаго темно-синяго – цена 57 рублей, три атласа турецких – цена 267 рублей с полтиною. После поставления и обеда у Филарета Никитича последним дано Феофану: образ обложен серебром чеканом, кубок серебряный золоченый с кровлею в 5 гривенок – 25 рублей, стопа серебряная в полтри гривенки – 13 рублей, бархат гладкий черный – 16 рублей, камка черная – 10 рублей, камка багровая чешуйчатая —10 рублей, сорок соболей в 80 рублей, денег 150 рублей, всего на 300 рублей опрочь образа. На отпуске дано было Феофану от государя: кубок серебряный золоченый с кровлею в 5 гривенок – 25 рублей, портище бархату гладкого смирнаго – 10 рублей, 2 портища камки багровые да вишневые – 20 рублей, сорок соболей 70 рублей, а всего 275 рублей. От Филарета Никитича Феофану на отпуске дано было: образ обложен серебром чеканен, кубок серебряный золоченый с кровлею в 4 гривенки – 20 рублей, бархат черный гладкий – 10 рублей, камка черная куфтерь 10 рублей, сорок соболей в 50 рублей, денег 100 рублей, а всего 190 рублей. Да от государыни инокини Марфы, когда Феофан был у нее на приезде, ему было дано: образ Пречистыя Богородицы обложен серебром чеканен, в венце камня яхонты и бирюзы, бархат гладкий —15 рублей, камка багровая 10 рублей, два сорока соболей в 100 рублей, денег 100 рублей, а всего 225 рублей. Всего патриарху дано от государя, патриарха и государыни на приезде и на отпуске 1800 рублей, опрочь образов и ставленнаго места, а с тем что дано ставленное место 2236 рублей с полтиною». Принимаем во внимание то обстоятельство, что рубль 1613–1636 годов равнялся нынешним никак не менее 14 рублям (см.: *Ключевский В.О.* Русский рубль XVI–XVIII вв. в его отношении к нынешнему. С. 72), окажется, что Феофан получил в Москве подарков от царя, Филарета Никитича и государыни инокини Марфы более чем на 30000 рублей нынешних. Но кроме царя, царицы-матери и Филарета Никитича, Феофану давали милостыню власти, бояре и монастыри. Когда, например, Феофан посетил Троицкую лавру, то особым царским указом предписывалось троицким властям поднести патриарху «образ Богородицы чеканен с пеленою из старых образов, образ Сергиево видение обложен серебром, кубок серебряный в 7 гривенок, братина серебряная в 10 рублей, атлас смирный, камка адамашка синее или багровая, объярь, если есть, сорок соболей в 40 рублей, денег 50 рублей, два полотенца троицких, 5 братин троицких с венцы хороших, ставики троицкие, ковш троицкий, судки столовые деревянные подписаны, стопа блюд больших подписанных, братина великая с покрышкою подписанная, кувшинец писаной немал» (Греческие дела 7133 г. № 5 и 7157 г. № 7). Кроме самого патриарха, и вся его свита точно так же ото всех получала подарки соответственно рангу каждого лица.

его архимандрит и архидьякон вошли в алтарь, стали в простых рясах перед престолом и положили было на престол принесенные ими служебники, ризы и стихари. Тогда казанский митрополит Матвей «учал им говорить, чтоб они служебники, и ризы, и стихари с престола сняли, и впредь бы не клали, а стали б на обычном месте и служебники, и ризы, и стихари клали, где пригодится, а не на престоле». Когда греки [С. 32] не исполнили этого требования, митрополит велел было своему дьякону снять служебники, ризы и стихари с престола и положить их куда следует, но греки снова положили их на престол. Тогда казанский митрополит, рязанский архиепископ Иосиф и пришедший в собор местоблюститель патриаршего престола, Крутицкий митрополит Иона стали говорить уже самому Феофану: «Великий господин, святейший Феофан патриарх! наша истинная православная христианская Церковь не приняла сего чина: пришел твой архимандрит и архидьякон во олтарь и стали пред престолом в одних рясах без риз и стихарей, и положили на престол служебники, и ризы, и стихари, а у нас кроме того не ведется, что на престоле Евангелие и крест, а инаго ничего не кладут.

А пред престол приходишь ты, да сослужебницы твои митрополиты, архиепископы и епископы в своих манатьях, а кроме того ни архимандриты, ни игумены, ни протопопы просто не приходят, точию в фелонях и стихарях». На это Феофан ответил: «То-де учинилося спроста, а впредь-де того не будет». Вслед за тем наши иерархи кстати заметили патриарху, что у них (греков) и ризы, и стихарь устроены не совсем так, как бы следовало, на что патриарх ответил: «Бога ради-де указывайте нам по-своему, как-де у вас чин ведется, а я-де рад слушать». В самом совершении службы Феофаном русские подметили некоторые, по их мнению, отступления от истинного христианского чина, что опять вызвало с их стороны замечания патриарху. Например, они говорили ему: «Как-де ты, государь, служил прежде сего и ты-де просвиры заздравные вынимал в херувимскую песнь, а у нас того чину не ведется, и тебе б, государь, [С. 33] тако ж ныне вынимати заздравные просвиры в подобно время с нами, а не в херувимскую песнь». На это замечание патриарх ответил: «И я-де стану действовати по вашему чину, а впредь-де тово у меня не будет». К счастью Феофана, в это время в собор пришел уже давно живший в Москве и хорошо знавший все особенности русской церковной службы грек Арсений, архиепископ Суздальский, который и стал руководить служившим патриархом. Служба пошла было после этого гладко. Но когда Феофан начал возглашать: *твоя от твоих*, «и в те поры архидьякон ево руку правую положил на левую и коснулся ко святыни дискосу подвинул по престолу впредь правою рукою, а потир левою рукою подвинул». Это действие архидьякона вызвало новое замечание наших властей патриарху. Они говорили: «У нас-де того дьякон не действует, то-де ерейская служба», причем составитель записки замечает: «И они (греки) в том прощение получили, а ни в чем не прекрековали, потому что у них, по греху, позакоснели от первого преданного (чина)». По окончании службы Феофан, обращаясь к сопровождавшим его до кельи русским архиереям, говорил: «Просветили-де вы меня своим благочестием и напоили-де жаждущую землю водою своего благочестиваго учения, и на том-де вам много челом бью»²³.

Простодушные, хотя и настойчивые замечания Феофану со стороны русских властей, вытекавшие из убеждения большинства тогдашних русских, что [С. 34] «греки, по греху, позакоснели от первого преданного им чина» и что в чистом неизменном виде он сохранился только у русских, а не у греков, необходимо произвели на Иерусалимского патриарха тяжелое и неприятное впечатление. Из этих замечаний он увидел не только то, что русский церковный чин и обряд в некоторых частностях, в существе, правда, очень мелочных

²³ Эта записка современника-очевидца находится в рукописном сборнике библиотеки Московской Духовной Академии № 202 и напечатана в Чтениях в Обществе истории и древностей российских. 1883 г. Кн. 2 и в нашей книге «Патриарх Никон». С. 32–34 в примечании.

и неважных, разошелся с тогдашним греческим, но что ради этого русские свысока смотрят на современных греков как уже на утерывших нечто из древнего преданного им чина. На этот раз Феофан не счел удобным вступать в какие-либо пререкания и препирательства с русскими властями, а ограничился одним только ироническим замечанием: «Просветили-де вы меня своим благочестием и напоили-де жаждущую землю водою своего благочестивого учения, и на том-де вам много челом бью», которое русские приняли за чистую монету. Но совсем этого дела Феофан не оставил; он решил поднять в глазах русских церковный авторитет современных греков, воздействуя на поставленного им патриарха Филарета Никитича.

В житии преподобного Дионисия говорится, что Феофан отправился в Россию «наполняя всех мира и любви, о правой вере и о делах по Евангелию Божию созидая, утверждал обои пределы, т. е. Великую Россию и Малую. К сему же, соединяя, укреплял единомудрствовати, о еже держатися старых законов греческаго Православия, и древних уставов четырех патриаршеств не отлучатися». Ввиду того что документы о приезде в Москву и пребывании здесь Феофана до нас не дошли, мы не можем точно указать, [С. 35] по какому именно частному случаю Феофан счел необходимым убеждать русских «единомудрствовати, о еже держатися старых законов греческаго Православия и древних уставов четырех патриаршеств не отлучатися», и что именно в тогдашней русской церковной практике он находил не согласным со старыми законами греческого Православия и другими уставами четырех патриаршеств. У нас имеются под руками только два действия Феофана в этом направлении.

На пути в Москву Феофан, проезжая Южную Русью, нашел в тамошней Церкви такой обычай: «В причащении Пресвятых и Животворящих Таин трикратное податие с отделением имен Божиих: Отец, Сын и Святой Дух числением», каковой обычай на возвратном пути из Москвы он подверг в окружной своей грамоте осуждению как обычай, чуждый Православной Церкви и неблагочестивый²⁴.

Но будучи в Москве, Феофан нашел и здесь тот же самый неправый обычай трикратного подаяния Святых Даров в Таинстве Евхаристии, почему он и обратился к Филарету Никитичу и государю, чтобы они уничтожили этот неправый обычай, заменив его единократным подаянием Святых Даров, как это делается согласно у всех четырех патриархов. Настояния Феофана имели успех. «Тамошний московский архиепископ, – говорит он в другой своей окружной грамоте к южноруссам, – за благочестивым царем тот трикратный обычай покинуть обещались»²⁵.

Другой случай: перед приездом Феофана в Москву произведено было, по повелению государя, исправление Потребника [С. 36] в Сергиевом Троицком монастыре его архимандритом Дионисием, старцем Арсением Глухим и клементьевским священником Иваном Наседкой. Исправители в молитве на освящение воды в Богоявление зачеркнули слово *и огнем* («освяти воду сию Духом Твоим Святым *и огнем*») как незаконную приставку, по невежеству внесенную в печатный Потребник. Книжные исправления указанных справщиков, и особенно упразднение прилога *и огнем*, возбудило против исправителей целую бурю. Справщиков обвиняли в злостной порче книг и даже в еретичестве, так что прп. Дионисий подвергся заключению в темнице и истязаниям. Прибыв в Москву, Феофан вступился в это дело, добился освобождения прп. Дионисия из заточения и после доставления в патриархи Филарета Никитича постарался оправдать в его глазах сделанные Дионисием книжные исправления и особенно уничтожение слова *и огнем*, как незаконного прилога. Он обещал Филарету Никитичу навести об этом точные справки в имеющихся на Востоке древних греческих рукописях, что потом (в 1625 г.) и исполнил, после чего Филарет Никитич приказал

²⁴ Архив Юго-Западной России. Т. V. С. 7.

²⁵ Рукописный сборник библиотеки Московского Румянцевского музея № 712, лл. 204 об.-206.

уничтожить прилог *и огнем* во всех Потребниках. Но освобождением и оправданием прп. Дионисия Феофан не ограничился, а постарался выразить к прп. Дионисию свое особое уважение и расположение некоторым особенным и чрезвычайным актом.

Посетив Троицко-Сергиев монастырь, где он был встречен и принят по-царски, Феофан перед оставлением монастыря отслужил торжественный молебен и, подойдя к раке прп. Сергия, снял свой клобук, окропил его святою водою «и отре тем клобуком колена и голени, плесне и подошвы ног у чудотворца [С. 37] Сергия и, во гроб святого приникнув, под плесне святых ног его подложил, и со многими слезами долгое время моляшеся; а Дионисию повеле стояти откровенною главою без клобука. И взял свой клобук из-под плесней у ног чудотворца Сергия, и целова его, и повеле Дионисию целовати, и, приклонивши главу Дионисиеву, возложи на него руку, а архидиакону своему повеле возгласити – вондем. И архимандрит Синайской горы трижды воспел: Господи, помилуй, по-гречески – Кирие элейсон; Феофан же, держа рукою своею клобук на Дионисиеве главе, глаголал молитву на возложение клобука и, по молитве, благословил Дионисия в клобуке и, целовав его в уста, рече: се во имя Отца, и Сына и Святаго Духа, дах ти благословение, сыне мой! и на знаменах тя в велицей России по среде братии твоей, да будеши первый в старейшинстве над иноки многими по нашему благословию; такожде и по тебе, аще кто будет, да носит в месте сем святем наше благословение, величающеся и хвалящеся нашим смирением, и ответ да творит радостен сие: се знамение нам дано, яко патриархи восточнии поклонницы суть святому месту сему, и честь свою пред Святою Троицею оставили, с главы своя сняв по себе в память, и положиша под нозе великому стражу и блюстителю великому и богоносному Сергию чудотворцу. Потом повеле на обоих клиросах во святей церкви воспеть: спаси Христе Боже отца нашего архимандрита Дионисия, трижды. И обратився ко братии, всем глагола: запишите себе сие все, еже содеях о отце вашем архимандрите и впредь, егда кто от братии нашей, аще будет на поклонение zde, тогда буди нашего смирения изволение ведомо впредь по нас сущим родам, да и [С. 38] вы бы наше смирение и любовь не забывали, и в молитвах своих памятовали бы, и паки проелезися; братия же и вси людие поклонишася ему до земли»²⁶.

При чтении этих известий невольно возникает вопрос, какие побуждения заставили иностранца Феофана вмешаться в чисто внутреннее и притом очень щекотливое дело книжных исправлений в Москве и почему он счел нужным решительно и торжественно выразить прп. Дионисию не просто свое покровительство и защиту, но и особое, чрезвычайное свое расположение. Конечно, Феофан мог руководствоваться во всем этом деле естественными желаниями защитить и оправдать человека, несправедливо обвиненного и невинно страдавшего, оправдать правое дело против несправедливых на него нападений, хотел почтить знаменитую и высоко чтимую всеми русскими обитель прп. Сергия; но, думается нам, тут, кроме того, были и другие побуждения, имевшие для Феофана особенно важное значение.

Мы уже видели, как во время службы Феофана в московском Успенском соборе с русскими иерархами последние делали Феофану внушительные замечания, что и он сам и служившие с ним греки то-то и то-то совершают не так, как следует, и что им, грекам, истинному церковному чину следует поучиться у русских, которые сохранили его у себя во всей чистоте и неизменности. Феофан увидел, что некоторые русские смотрят на современных греков свысока как на утерявших древний церковный чин и обряд и решил поднять в глазах русских авторитет современных греков, показать, что именно у русских, а не у греков не все обстоит благополучно [С. 39] относительно церковных чинов и обрядов. Мы видели, что он обратил внимание царя и Филарета Никитича на существовавший у нас обычай трикратного подаяния Святых Даров в Евхаристии и успел убедить их в неправоте этого обычая и в необходимости заменить его единократным подаянием Святых Даров, как это дела-

²⁶ Житие прп. Дионисия. С. 135–137.

ется во всех четырех патриаршествах, т. е. у тогдашних греков. Царь и патриарх обещались ему отменить указанный старый русский обычай, который действительно с этого времени начинает постепенно исчезать из нашей церковной практики. Вероятно, что Феофан обращал внимание Филарета Никитича и на какие-либо другие церковные особенности тогдашней московской Руси и настаивал на согласовании их с тогдашним греческим церковным чином и обрядом. По крайней мере, Филарет Никитич в одной из своих грамот к Феофану (в 1625 г.) писал: «Да ваше святительство писал к нам и прислал переводы с греческих древних потребников о освящении богоявленские воды, о прилоге огня и о иных духовных делах, о которых мы, по совету сына нашего великаго государя и великаго князя Михаила Феодоровича всеа Русин самодержца, советовали с тобою, как еси был у нас на Москве, и мы то приняли вашего святительства любительно и о прилоге исправили и утвердили по вашему совету во веки неподвижно»²⁷. Очевидно, что уже Филарет Никитич под влиянием советов и убеждений Феофана производил частичное согласование русских чинов и обрядов с тогдашними греческими. Но особенное внимание Феофан в своих целях должен был обратить и действительно обратил на [С. 40] дело прп. Дионисия и на самую личность сего последнего.

Прп. Дионисий был горячим, убежденным почитателем прп. Максима Грека, вполне понимал и одобрял произведенные им книжные исправления и переводы с греческого, сам ими пользовался и заботился об их распространении. Составитель жития прп. Дионисия Симон Азарьин говорит: «До сего Дионисия в дому Сергия Чудотворца мало любили Максима Грека книг, тако же и переведенные от ученика его Селивана ни во что полагали книги, и в соборе в торжества уставщики не давали их чести», но Дионисий переменял это положение дел, «повеле хорошим доброписцам написать книги различные (между прочим, переведенные Максимом и его учеником Селиваном); и идеже бе годно ему, тамо рассылаше в монастыри многия, пачеже в соборные храмы, между другими и в Москву»²⁸. Очевидно, прп. Дионисий не только заботился об исправлении книг, но особенно ценил книги, исправленные Максимом Греком и его учеником Селиваном с греческих, и тем самым признавал нужду исправления русских богослужебных книг с греческих. Ввиду этого вполне естественно было, что когда царем прп. Дионисию поручено было исправление Потребника, то он в затруднительных случаях, для проверки неисправных и испорченных славянских переводов, обращался к греческому тексту венецианских, вероятно, изданий. В своей речи к Собору об исправлении Потребника прп. Дионисий прямо заявлял, что прилога *и огнем* нет в старых славянских списках, «також и в греческих печатных нет же». Заявляя, что [С. 41] «мы никое дарование Духа Святаго на водоосвящение призываем, но самаго того Духа Святаго», замечает, что о том свидетельствуют все старые книги: «о том же свидетельствует и в греческих книгах». Или, например, он спрашивает: «Что ради не писано в старых переводах и в харатейных, и в греческих “и огнем”, но Духом Твоим Святым?» Свой принципиальный взгляд на отношение славянского текста к греческому он выражает, между прочим, в словах: «Я еже рещи “Духом Святым и огнем”, то с греческими переводы достоин справитися»²⁹. Сотрудник прп. Дионисия в исправлении Потребника старец Арсений Глухой в своей оправдательной речи говорит: «И в греческих переводах у Арсения, архиепископа Суздальского, четырех патриарх в четырех переводах, не писано же “и огнем”». Арсений свидетельствует, что прп. Дионисий пользовался переводами Максима Грека. Указывая в своей речи на один частный случай, он замечает: «Тот похвальный канон написал (прп. Дионисий) с Максимова переводу Грека, Максим же Грек инок благочестив был и премудр и словеснаго любомуд-

²⁷ Греческие дела 7133 г. № 5.

²⁸ Житие прп. Дионисия. С. 119–121.

²⁹ Рукописный сборник из книгохранилища Погодина № 1574, где речь прп. Дионисия приведена полнее, нежели в рукописном сборнике библиотеки Троице-Сергиевой Лавры № 700, хотя и в погодинском сборнике она без конца.

рия зело преисполнен, священные же философии до конца навькл, ибо святая божественная списания его яве свидетельствуют о нем, и о премудрости и о разуме, и смысле и видах». И в другом месте речи о себе замечает: «Аще бы бедный аз нищей чернец от неразумия что и худо написал, но с переводу писал и не собою замыслил, но и с пресловутаго еще мужа переводу писал и многого премудрости инока Максима Грека»³⁰.

[С. 42] Из приведенных нами свидетельств ясно, что прп. Дионисий был почитателем Максима Грека, считал русские церковные книги испорченными, считал необходимым при их исправлении обращаться к тексту греческих печатных книг и греческим проверять правоту или неправоту русского, т. е. он принадлежал к редким в то время у нас грекофилам, и свое грекофильство он, сверх того, выражал, вероятно, особенно радушным приемом в Троице-Сергиевом монастыре всех тех греков, просителей милостыни, которые приезжали в Москву и потом обязательно посещали Троице-Сергиев монастырь. Ввиду этого понятным становится, почему патриарх Феофан так энергично вступился за прп. Дионисия, всячески старался добиться оправдания не только его лично, но и признания правоты совершенных им книжных исправлений, почему он, будучи в Троице-Сергиевом монастыре, так торжественно и необыкновенно выразил свое чрезвычайное уважение и расположение к прп. Дионисию. Он видел в нем сторонника и почитателя греков, сторонника того направления, которое заявляло, что не греческое проверяется русским, а русское греческим, что нормы истинного и правого церковного чина и обряда в случае возникновения сомнения нужно искать и можно находить не у русских, а у греков. Поддержать и поощрить это очень слабое тогда направление среди русских Феофан, как грек, считал своею прямой и неременной обязанностью. Недаром, конечно, современный событиям составитель жития прп. Дионисия замечает о патриархе Феофане: «Дивный патриарх Феофан учинил в России многи сыны православныя греческия книги писать и глаголать, и философство [С. 43] греческих книг до конца научил ведать»³¹. Конечно, это замечание биографа прп. Дионисия о характере деятельности патриарха Феофана на Руси более относится к Юго-Западной Руси, но могло иметь некоторое отношение и к Руси Московской, где в то время были знавшие и греческий язык. В Палинодии Захария Копыстинского говорится, что в Москве есть люди мудрые и богословы православные «язык греческой знаючи и о чем нам святыи отец патриарх Иерусалимский кир Феофан поведал, а он был на Москве»³². Очень может быть, что под этими мудрыми и православными богословами в Москве, знающими и греческий язык, Феофан разумел именно прп. Дионисия и Арсения Глухого, и очень вероятно, что Феофан и москвичей старался поощрить к изучению греческого языка, между прочим, и для того, чтобы они могли составить себе более правильное представление о тех особенностях церковного чина и обряда, какие тогда существовали у русских по сравнению с греческими.

Важным по своим последствиям действием Феофана в Москве было поставление им в Московские патриархи отца государя Филарета Никитича, только что возвратившегося из польского плена. В настольной грамоте, данной им Филарету Никитичу, Феофан говорит, что по прибытии в Москву он встречен был самим государем «любезно, человеколюбно и милосердо», что за это «надлежит и нам всею душою и мыслию святому и великому его царствию служити и услуги показывати, и не токмо ныне, но и во все время жизни нашея вседушно благодарити и многия благодарения [С. 44] воздавати». Затем Феофан говорит: «Когда его благочестивейшаго и мирнейшаго царя Михаила Феодоровича, самодержца Всероссийскаго, мерность наша собственными очами увидевши, и о данном и дарованном от горняго Божия Промысла великому его царствию расширению и умножению уверившись, то

³⁰ Рукописный сборник библиотеки Троице-Сергиевой Лавры № 700.

³¹ Житие прп. Дионисия. С. 125.

³² Описание рукописей Московской Синодальной библиотеки. Т. 3. С. 342–343.

праведно и благопристойно разсудили, что токмо един есть ныне на земли великий и православный царь, а другой, по истине, никто же, яко же он во всей вселенной под небесем и под солнцем». Ввиду же того, что Московская Церковь оставалась без пастыря, собран был, по повелению государя, Собор архиереев в Москве для избрания патриарха. «И на сем Соборе все, проникнутые Духом Божиим, единогласно, едиными устами и сердцем, праведным наречением нарекли и избрали преосвященного митрополита, господина Филарета Ростовскаго и Ярославскаго, мужа воистину достойнаго, праведнаго, добродетельнаго, мудраго, святаго и боголюбивейшаго, и неволею призвали на высочайший здешний престол Соборные и Апостольские Церкви, а потом, по правилам св. апостол и по преданиям св. отец, также и прежде нас бывших патриархов, как братий и сослужителей нашего смирения, мы, наименованием и призыванием пребезначальнаго Отца и содействием Святаго Духа, возложив руки и совершив над ним подобающее служение, нарекли его Святейшим Патриархом великия Христовы и Кафолическия Церкви в царствующем граде Москве и наименовали сослужебником нашего смирения и прочих патриархов, с которыми ему числиться и поминаться»³³.

[С. 45] Поставление Феофаном в Московские патриархи отца государя Филарета Никитича оказало самое решительное влияние на последующие сношения иерусалимских патриархов с русским правительством. Благодаря этому обстоятельству Филарет Никитич, как ставленник Феофана, всегда относился к нему с особенным вниманием и предупредительностью, исполняя по возможности все его просьбы и ходатайства, вследствие чего между иерусалимскими патриархами и московским правительством установились близкие и постоянные сношения, не прекращавшиеся до самой смерти Феофана, а потом продолженные его преемниками. К обозрению этих сношений мы теперь и перейдем.

От 12 марта 1621 года Феофан писал Филарету Никитичу: «Ведомо буди тебе, пресветлый владыко, что мы, вашими святыми молитвами и милостью благочестиваго царя и помощью всеблагаго Бога, освободились есми от супротивных вере нашей. Вместе с воинскими людьми киевлены проводили нас до рубежа Волосскаго; малым сказанием объявляем, что ныне пребываем в Волохах, славлючи и величаючи державу царствия вашего. А изде государствует благочестивый Александр воевода, а пониже того, в Мутьянех, сидит Михны воеводы сын, Радул – воевода благочестив, который прежде сего владел и государством – Мутьянской землею восемь лет, а оттоле после был в Волохах три года, да опять ныне в Мутьянех, а сажает их турецкой. А про турецкаго и про литву про их недружбу похотите ведати, и они и меж собою в не-дружбе, а что не бьется – турецкой цесарев посол помирил, а еще не утвержено. А во Цареграде патриарх Кирилл, а Тимофея не стало, а во Александрии [С. 46] патриарх Герасим, а в Антиохии патриарх Кирилл, а иные сказывают – Христофор, а стараго Афонасия не стало. А мне и zde годовать до великаго дни, что государь меня не отпустит, и я послал архимандрита своего, да митрополита Вифлиемскаго, что заехал его есми здесь в вотчине Святаго Гроба, с вашею царскою милостынею, да заплатит долг, елико сил станет; потом и аз после великаго дни поеду»³⁴.

В 1622 году Феофан опять писал Филарету Никитичу с силистрийским митрополитом Иоакимом, приезжавшим в Москву за милостынею: «Просили есмя прежде всего дважды и трижды нужу свою и иныя многия, аще будет дошли (грамоты); еще ныне не велико пишем с преосвященным митрополитом Силистрийским господином Иоакимом, с братом и сослужебником нашим, обрели есмя его во время, как идти, и он всем раденьем хотел придти (в

³³ Собрание государственных грамот и договоров. Т. III, № 46.

³⁴ Греческие дела 1621 г. № 1.

Москву), а вам челом ударити, и про нас и о иных делех будет вам известити вся подлинно. Аще будет время оттоле – из Мутьянские земли, будем писати»³⁵.

В апреле 1625 года в Москву прибыло торжественное посольство от Феофана, состоявшее из его племянника архимандрита Кирилла, келаря Акакия, дьякона Митрофана, бельца – патриаршего человека Иосифа, архимандрита монастыря Саввы Освященного Григория со старцами.

Архимандрит Кирилл привез государю грамоты от Феофана, вифлеемского митрополита Афанасия, а архимандрит Григорий – от братии монастыря Саввы Освященного.

Патриарх Феофан писал в своей грамоте государю: «Ведомо ти буду велелепный царю: мы, молебники [С. 47] царствия твоего, пребывающие zde во святых и богостепенных местах Господа нашего Иисуса Христа, идеже ему погребшуся и воскресшу и всему миру спасенные страсти и чудеса показавшу – во Святом Граде Иерусалиме, тем подобием терпим и мы днесь бесчисленные нужды, и налоги имеем неизвестны, и неповинно заключаемы бываем от иноплеменных еретиков, и всякое безчестие многое для любви Христовы терпим, еликож и писати не возможем проторей всех и великих долгов, что наложили на великую Церковь Христову и святой и животдарованный Гроб и на нас: до пятидесяти тысяч золотых по счету, и оттого в великое убожество впадохом и в нужду. И николи ж не престанут нам дати покоя зломышленники, наругался хрестьянской вере, и всегда хотят нас изгнати вон от Святаго Гроба и от Лобнаго места, идеже распяша Господа нашего Иисуса Христа. А мы силою Христовою о Боге надеяся, что пресветлое лицо царствия твоего видехом и милостину прияхом, и вперед от державы царствия твоего помощи чаем, против их всегда стоим и не дадим им, нечистым псом, завладети и потесните живодарованнаго Гроба Христа Бога нашего». Далее патриарх просит государя принять посланных его «пресветлым лицом против нашего лица», уведомляет о получении от царя присланной с Иваном Гавриловым и Тихоном Васильевым (нашими послами в Турции) задравной милостыни и особой – на помин по князе Федоре Ивановиче Мстиславском – и просит, чтобы государь «прислал ко Святому Гробу на высвобождение от тяжкого долгу милостыны; а мы развее Бога и вас, великаго государя, инаго помощника и теплаго заступника ко Церкви Христовой [С. 48] не имеем. Буди свободитель и покажи милосердие святаго самодержавнаго царствия своего от нас к посланным нашим для любви святаго и живодарованнаго Гроба и свободитель будеши роду нашему».

В другой грамоте Феофан просил государя сотворить милостыню монастырю св. Саввы Освященного, «за-не же они (иноки этого монастыря) великою нуждою пребывают в той святой обители, занеже арапляня во дни и в нощи их нудят. И пречудно есть во днех сих, как они в пустынях пребывают и держат ту святую лавру, потому что преж сего было близ Иерусалима и в пустыни иорданской 300 монастырей, а ныне только они остались, и днесь пребывают со многими труды и помощью твоею царскою, что прияха твою царскую милостыню, во дни и в нощи молят беспрестанно Бога о твоей святой царской державе, да сохранит вовеки царствие твое, а не имеют ни откуда помощи, развее от Бога и от твоей царской державы, и то пустынное место и святую лавру св. Саввы держат насилу».

Писал Феофан с архимандритом Кириллом и к боярину князю Ивану Борисовичу Черкасскому о нуждах и бедах, претерпеваемых христианами на Востоке от врагов веры Христовой. «Ведомо буди честнейший – пишет патриарх боярину, – что нужды и беды вседневно принимаем от врагов веры нашея Святаго Гроба, что невозможно и писати к тебе от великих бед и от тяжкого долгу, что есть на великие Христове Церкви; а мы все терпим для любви Христовой, и для того послахом ко благочестивому великому царю» архимандрита Кирилла для милостыни, «прими и ты их милостиво и боголюбиво и милостину достойну сотвори им, что тебе благий Бог подаровал [С. 49] для любви Христовой и для Божья и живодаро-

³⁵ Греческие дела 7131 г. № 1.

ваннаго Гроба». Такие же просительные письма о помощи писал Феофан к Ивану Никитичу Романову, к князю Ивану Михайловичу Воротынскому и к Федору Ивановичу Шереметеву.

Вифлеемский митрополит Афанасий, в особой грамоте государю указывая на великую важность Вифлеема, куда волхвы с Востока принесли золото, ливан и смирну, о котором православные древние блаженные цари радели и куда они «присылали множество казны», извещает, что посланную ему милостыню принял, а теперь снова посылает инока Германа, да примет милостыню от царя, «занеже нам многие налоги и убытки от иноплеменных делаются, да к тому ж обрушилась от многолетства во святом Вифлиеме у церкви одна сторона, и мы молим, да поможеш нам своею государскою милостынею, и мы церковь починим по-прежнему». В заключение просит, чтобы государь прислал «от казны своя, что вам Бог известит», «якоже и персидские цари принесоша ко святому Вифлеему о рожестве Христове дары», «занеже, – поясняет митрополит, – не имеем нигде главы приклонити, разве святых державы царствия твоего».

Царским указом приказано было посланным Иерусалимского патриарха Феофана архимандритам и их старцам первого мая быть у государя. «И того дни у государя архимандриты и старцы были. А послан по них на подворье с лошадьми и ехал с ними в город пристав их Тимофей Оладьин, а лошади по них посланы с конюшни (царской); а келари и строители и черные попы и старцы шли в город пеши. А приехав архимандриты в город, ссели с лошадей у Посольской палаты и шли в Посольскую [С. 50] палату и дожидались государева выходу в Посольском приказе, а келари и строители и черные попы и иные старцы сидели в передней палате. А как они в городе были, и в то время были в городе стрельцы в цветном платье без пищалей. А вверх ко государю в золотую палату из Посольского приказа с архимандриты и старцы шел Тимофей Оладьин. А государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси в то время был в золотой средней в подписной палате в опашенке в золотной. А при государе царе и великом князе Михаиле Федоровиче всеа Руси были бояре и окольниковые и думные люди в опашенках нарядных с кружевы и в черных шапках, а в сенех проходных и по крыльцу были дворяне, и дьяки, и подьячие всех приказов в чистом платье. А как архимандриты и старцы вошли ко государю в палату, и явил государю челом ударить посольской думной дьяк Иван Грамотен, а молвил: великий государь царь и великий князь Михайло Федорович, всеа Русин самодержец и многих государств государь и обладатель! Ерусалимского патриарха Феофана архимандрит Кирилл, да Саввинского монастыря архимандрит Григорей, и келарь и старцы вам, великому государю, челом ударили. И архимандрит Кирилл правил государю от патриарха челобитье, и подали архимандриты грамоты. И государь велел грамоты принять думному дьяку Ивану Грамотину и велел государь спросить архимандритов о спасенье и велел призвать к руце. А после того явил государю поминки думной дьяк Иван Грамотен, а молвил: великий государь царь и великий князь Михайло Федорович, всеа Русин самодержец и многих государств государь и обладатель! [С. 51] Ерусалимского патриарха Феофана архимандрит Кирилл привез к тебе, великому государю: мощи великаго чудотворца Николы в серебряном ковчежце, мощи св. великомученика Георгия Победоносца, 2 свечи от Гроба Господня, меру Гроба Господня, вода св. Иордана-реки, в ней же Христос крестися; да от вифлеемскаго митрополита: мощи св. мученика Меркурия; Саввина монастыря архимандрит Григорей привез к тебе великому государю: мощи св. Иоанна Златоуста, мощи св. апостола Нассона, свечи от Гроба Господня, вода иорданская. И государь велел мощи принять казенным дьякам и велел государь сказать архимандритам свое государево жалованье и отпустил на подворье».

После приема у царя подобный же прием посланным Феофана был устроен и у патриарха Филарета Никитича. Особенности этого приема заключались в следующем: «А великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русии сидел в крестовой палате в бархатной манатке и в клобуке с сажеными херувимы; а от государя святей-

шаго патриарха по левой стороне в лавке сидели Крутицкий митрополит Кипреян, а под ним сидели боярин князь Андрей Васильевич Хилков, да думной дьяк Иван Грамотин. А по другой стороне сидели архимандриты: чудовской Иосиф, да Спаса-Нового монастыря Иосиф, да симоновский Левкий, да андрониковской Геннадей, да богоявленский игумен Илья, да архидиакон Дионисий, да казначей Сергей Ладыженский. А на лавке у дверей сидели государевы святейшаго патриарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Руси приказные люди». Когда архимандриты вошли в патриаршую палату, «явил [С. 52] их государю святейшему патриарху челом ударить посольской думной дьяк Иван Грамотин, а молвил: великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Руси, Ерусалимскаго патриарха Феофана архимандрит Кирилл, да Саввинскаго монастыря архимандрит Григорей и келари, и старцы вам, великому государю, святейшему патриарху, челом ударили, приехали от вашей государские святительские руки принять благословение и бити челом о милостыне».

Затем племянник Феофана архимандрит Кирилл «правил великому государю святейшему патриарху от Ерусалимскаго патриарха Феофана, да от Александрийскаго патриарха Герасима челобитье и подал грамоты. И государь святейший патриарх спросил о патриархове Феофанове и Герасимове спасении и здоровье, встав, а молвил: о Святем Дусе братью нашу Феофана, патриарха Иерусалимскаго, и Герасима, патриарха Александрийскаго, как Бог милует, во спасении ль пребывают? А грамоты велел принять думному дьяку Ивану Грамотину», после чего они были отпущены на подворье.

Точно таким же образом посланные Феофана приняты были государем на прощальной аудиенции «на отъезде», как тогда говорилось, причем думный посольский дьяк Иван Грамотин от лица государя обратился к архимандритам с такою речью: «Архимандриты Кирилл и Григорий! Великий государь царь и великий князь Михаил Федорович, всеа Руси самодержец и многих государств государь и обладатель, велел вам говорити: приезжали есте к нашему царскому величеству и к отцу нашему, великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичу Московскому и всеа Руси, бити челом о милостыне, и мы, великий [С. 53] государь, и отец наш, великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русин, пожаловав вас нашим жалованьем, велели вас отпустить назад к святейшему Феофану-патриарху, а с вами посылаем мы и отец наш великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русин, и мать наша благородная государыня инока Марфа Ивановна, в дар ко Гробу и к распятью Господню золотыя и иная потребная церкви Божии, о чем к нам писал патриарх Феофан в грамотах своих. Да и к патриархам Иерусалимскому и Александрийскому и в Саввин монастырь досылаем с вами нашего и отца нашего великаго государя святейшаго патриарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Русин жалованья милостыни. И вы от нас то жалованье патриархом отвезите, а патриархи б, Александрийской и Иерусалимской, молили б Бога и Пречистую Богородицу и всех святых о нашем царском многолетном здравии и о отце нашем, великом государе святейшем патриархе Филарете Никитиче Московском и всеа Русин, и о матери нашей благородной государыне иноке Марфе Ивановне о спасении, и о здравии, и о нашей жене, царице Евдокее, о здравии, чтоб милосердый Бог царство наше устроил мирно и иодировал бы нам благородные чада в наследие государств наших». Точно так же архимандриты приняты были «на отъезде» и точно такую речь выслушали от патриарха Филарета Никитича, причем и царь, и патриарх послали от себя с архимандритом Кириллом грамоты к Феофану, в которых одинаково извещали его о посылаемых ему дарах, просили его молить, и только в грамоте Филарета Никитича находится такая приписка: «да ваше святительство [С. 54] писал к нам и прислал переводы с греческих с древних потребников о освящении богоявленские воды, о прилоге огня и о иных духовных делех, о которых мы, по совету сына нашего, великаго государя... советовали с тобою, как еси был у нас на Москве, и мы то приняли от вашего

святительства любительно и о прилоге, и исправили, и утвердили по вашему совету во веки неподвижно», и затем пишет, что данная ему в Москве Феофаном настольная грамота сгорела во время пожара, почему и просит его прислать новую вместо сгоревшей.

Государева и патриаршего жалованья всего дано было «на приезде»: архимандриту Кириллу, кроме образов, на 140 руб.; саввинскому архимандриту Григорию на 120 руб.; келарям двум человекам по 64 руб. человеку, иерусалимскому дьякону 44 руб., человеку патриарха Феофана 38 руб. и саввинскому старцу 20 руб. На «отъезде» дано было: архимандриту Кириллу на 40 руб., саввинскому Григорию на 35 руб., келарям по 20 руб., иерусалимскому дьякону на 12 руб., саввинскому старцу на 8 руб. Всего посольство Феофана лично для себя только от царя и патриарха получило подарков на 625 руб., что, принимая тогдашний рубль за четырнадцать нынешних, будет около 8000 нынешних рублей. Кроме того, за все время пребывания в России оно пользовалось ежедневным царским содержанием. В Москве, например, «поденного корма» давалось: архимандритам Кириллу и Григорию по 3 алтына на день, да питья: по 3 чарки вина, по 3 кружки меда, по 3 кружки пива; келарям их по 10 денег, саввинскому старцу да патриаршу человеку по 8 денег, а питья им давалось: по 3 чарки вина, по 2 кружки пива и по 2 кружки меда.

[С. 55] В докладе Посольского приказа (который ведал всех приезжих в Москву иностранцев, в который последние обязательно являлись немедленно по прибытии в Москву и где они подвергались допросам) государю о приезде архимандрита Кирилла говорится, что патриарх Феофан просит государя о милостыне вообще и, кроме того, просит еще серебряную чашу для освящения воды «рублей в 200 и болши и иная потребная ко святыне сотворить, елико им, государем, Бог известит». Кроме того, Феофан просит у государыни инокини Марфы образ вроде того, какой она пожаловала ему, когда он был в Москве, а также елей серебряный, да на масло деревянное, как Бог известит.

По этому случаю сделана была в Приказе выписка о тех дачах, какие до сего времени уже получил от русского правительства Иерусалимский патриарх Феофан. Из этой выписки оказывается, что лично Феофану, когда он был в Москве, всего дано подарков от государя, патриарха и государыни инокини Марфы на 2236 руб. с полтиною. С нашим послом в Турции Кондыревым в 1622 году Феофану лично послано было соболей на 120 руб., да к Воскресению Христову ко Гробу Господню в дар 100 золотых; в придел Распятия, что на Голгофе, 30 золотых; саввинскому и вместе архангельскому игумену 3 золотых, келарю 2, двум человекам попам, да двум дьяконам по золотому человеку; на братью на 60 человек 30 золотых; вифлеемскому митрополиту 20 золотых. В 1624 году с послом Иваном Бегичевым патриарху Феофану было послано соболей на 120 руб., к Воскресению ко Гробу Господню 50 золотых, в придел Распятия на Голгофе 15 золотых, архангельскому [С. 56] игумену 2 золотых, келарю один золотой, двум попам да двум дьяконам по полузолотому человеку, да на братью на 60 человек по чети золотого на человека – итого 19 золотых с полузолотым; вифлеемскому митрополиту 10 золотых, церкви Рождества 10 золотых.

Теперь с архимандритом Кириллом Феофану послано было от государя и патриарха соболями на 350 руб., да от царицы Марфы лампада серебряная и сверх того 100 руб. на масло. Кроме того, государь послал Феофану «чашу серебряную с поддонником для освящения воды, а Филарет Никитич рукомойник да лахань серебряные позолоченные, ширинка сажена жемчуги с кистями; в лахани весу 17 гривенок 34 золотника, а по цене деньгами 88 руб. 18 алтын; в рукомойнике весу 14 гривенок 6 золотников, а по цене деньгами 70 руб. 21 алтын; всего в лахани и рукомойнике весу 31 гривенка (т. е. около 16 фунтов) 40 золотников, а стоят на деньги 159 руб. 6 алтын; ширинка в счет не положена». С архимандритом Кириллом еще послано было: к Воскресению ко Гробу Господню 100 золотых, в предел к Распятию на Голгофе 30 золотых, архангельскому и вместе Саввинскому игумену 3 золотых, келарю 2 золотых, двум попам и двум дьяконам по золотому, на братью 60 человек 30 золо-

тых, вифлеемскому митрополиту 20 золотых, в церковь Рождества 20 золотых. А послана эта милостыня для того, «что турецкие люди наложили на Церковь Христову и Святой Град Господень многую дань и многую тягость учинили».

Иерусалимское посольство было возвращено назад не обычным путем через Путивль и Польшу, а морем на Архангельск, через Англию, причем государь послал [С. 57] С НИМ к английскому королю особую грамоту, в которой объясняет, что иерусалимское посольство он велел отпустить «на ваше английское королевство для того, что им на иные государства в Иерусалим проехать не мочно: в польской и литовской земле греческой вере от латынь неистовство многое, и чрез польскую и литовскую землю не пропускают и тесноту им чинят многую», ввиду чего просит короля посодетствовать им на корабле переправиться в Иерусалим, «а мы, великий государь, вам, брату нашему, потому ж будем воздавати нашу государскую любовью, где будет нам пригоже и возможно»³⁶.

Отправив в Москву своего племянника архимандрита Кирилла, Феофан, между тем, воспользовавшись случаем, снова писал государю и Филарету Никитичу от 15 сентября 1625 года с синайским архимандритом Малахиею, отправлявшимся в Москву, жалуясь на притеснения армян и латинян, почему и просил оказать милость посланному им в Москву архимандриту Кириллу. «Многие печали и тесноты в нынешних днех приимаем, – писал он государю, – и пребываем в нуждах и печалех от иноплеменных врагов – от армен и от латын, которые имеют у себя многое богатство и хотят у нас отнять Святые Места из рук наших на похуление православным хрестьяном. А мы в том надежды не имеем опричь вашии государские милости, и сего ради молим: да поможете нам и милостину пошлете с нашими людьми, которых послали есмя к вам преж сего (разумеет архимандрита Кирилла), а мы во дни и в нощи надежду и упование на святую державу твою имеем, да освободимся от врагов своих». В грамоте к Филарету [С. 58] Никитичу писал между прочим об отпуске из Москвы его архимандрита Кирилла с милостынею для того, «что Святой Гроб и иные многие Святые Места нужды принимают от еретик иноверных, и чтоб их латыня и армена своим богатством не обладали и благоверным хрестьяном позорища не было, потому что иные надежды и помощи, развее вашего царствия не имеем и сего ради молим: сотворите милость!»³⁷.

В конце 1629 года в Москву прибыло новое посольство из Иерусалима: вифлеемский митрополит Афанасий, иерусалимский архимандрит тоже Афанасий и монастыря Саввы Освященного архимандрит Исаия. С митрополитом Афанасием Феофан прислал государю грамоту, писанную от 28 июля 1629 года, в которой он извещает царя о получении милостыни и подарков, посланных к нему с архимандритом Кириллом, благодарит за них и затем пишет, «что злый недруг ныне, некоторый князь нечестивый тиран пришел и восприял Святой Град Иерусалим без указу и без изволения царскаго и великий убыток нам учинил, не только едино к нам, но и к природным своим нечестивым языком агаряном, боле штидесять тысяч ефимок нам учинил он – от Бога проклятый князь... два года держал Святой Град Иерусалим и нечего было нам ему сотворити и инде прибегну ти», ввиду чего и обращается к государю с просьбою о милостыне. В грамоте к государыне Евдокии Лукьяновне Феофан пишет, чтобы она, подобно святой царице Елене, соорудившей многие церкви и надзиравшей Святые Места, обновила церковь Воскресения. К государыне инокине Марфе Феофан между прочим пишет: «Сотвориши им милостыню, яко же и [С. 59] преже того нас миловала еси, аже тою святою иконою (которая дана была государынею Феофану в бытность его в Москве), что есть творит ныне многие чудеса и здравие подает и всяк, ее видя, честь и хвалу воздает, что есть даяние от рук царских». Привез митрополит Афанасий от Феофана и новую ставленную грамоту Филарету Никитичу. На этот раз милостыня к Феофану была послана

³⁶ Греческие дела 7133 г. № 5.

³⁷ Греческие дела 7134 г. № 17.

не великая. Так как в 1629 году нашими послами в Турции, Яковлевым и Евдокимовым, дано было Феофану пять сороков соболей на 170 руб., то теперь (в 1630 г.) к Феофану послано было на милостыню с вифлеемским митрополитом только два сорока соболей на 100 руб., о чем царь и патриарх известили Феофана особою грамотою³⁸.

Посылая в Москву вифлеемского митрополита Афанасия, Феофан рассчитывал получить через него от русского правительства большую богатую милостыню, а получил только 100 руб., т. е. на наши деньги 1400 руб. Феофан был обижен, увидел в этом нерасположение к себе русского правительства, которое, по его мнению, поддавалось зловредному влиянию некоего враждебного ему, проживавшего тогда в Москве, веррийского митрополита Аверкия, против которого и решился теперь ополчиться Феофан. Дело тут заключалось в следующем.

[С. 60] Феофан, уезжая из Москвы, после поставления в патриархи Филарета Никитича, оставил в Москве своего старца Иоанникия на вечное житье здесь. Этот Иоанникий стал называться у нас Новоспасским келарем, греком Иоанникием и пользовался особым расположением царя и патриарха. В лице Иоанникия Феофан хотел иметь при московском дворе преданного ему агента, который бы служил в Москве представителем и надежным истолкователем патриарших нужд и интересов и, что особенно важно, который бы направлял щедрую русскую милостыню главным образом в Иерусалим. Иоанникий действительно сделался в Москве радетелем интересов Иерусалимского патриарха, который не раз в своих письмах к Иоанникию просит его устроить то или другое дело и особенно, указывая на его влияние при дворе, просит хлопотать о милостыне Святому Гробу. Иоанникий, конечно, хлопочет об этом, хлопочет и по другим делам Феофана. И не только сам Феофан обращался к Иоанникию, прося его содействия при московском дворе по тому или другому случаю, но и разные просители милостыни, отправляясь в Москву, старались запастись рекомендацией к Иоанникию как сильному и влиятельному в Москве, от которого много зависит успех ходатайства просителя о милостыне. Действительно, Иоанникий успел приобрести в Москве сильное влияние на раздачу милостыни просителям, так как наше правительство обращалось к нему за сведениями относительно приезжавших в Москву просителей милостыни и относительно разных греческих монастырей. По просьбе Филарета Никитича Иоанникий даже написал особую докладную записку о монастырях, имеющих в Цареграде, Иерусалиме и во всей греческой [С. 61] земле. Когда персидский шах прислал в дар Михаилу Федоровичу ризу Господню, то в Москве остереглись сразу поверить в подлинность этой ризы и, между прочим, обратились за справками к келарю Иоанникию, не знает ли он чего про «Христову срачицу» и про иные святыни, где они и в котором государстве, не слыхал ли он чего об этом в Греции, когда был там³⁹.

Между тем в июле 1628 года прибыл в Москву и остался здесь на житье веррийский митрополит Аверкий. То же сделали митрополиты Селунский Паисий, приехавший в Москву в 1629 году, и Севастийский Иосиф, приехавший в 1630 году. Эти три иерарха, поселившись в Москве, жили при дворе, пользовались у царя и патриарха почетом и влиянием. По мысли русского правительства, выезжие иерархи должны были быть посредниками между просителями милостыни с Востока и правительством: они должны были давать правительству сведения о личности просителя, о монастыре или епархии, представителем

³⁸ Греческие дела 7138 г. № 80. 5 мая 1630 г. послы Яковлев и Евдокимов возвратились из Константинополя и привезли грамоту Феофана от 25 февраля 1629 года, в которой он писал государю: «Ведомо буди самодержавному твоему царствию о сем, державный царю, что есмы богомольцы святаго твоего царствия, пришли есми в то время от Святаго Града Иерусалима в Константин град и обрели есми послов царствия твоего... и были у них и благословили их и приняли от них из рук... милостыню пять сороков соболей. И монастырь Святыи Град Иерусалим до днесь цел и нерушим» (Греческие дела 7138 г. № 23).

³⁹ Греческие дела 7135 г. № 19; 7136 г. № 11; 7137 г. № 22. Дворцовые разряды. Т. II. С. 768 и 788.

которой проситель является, о действительных нуждах и потребностях епархии или монастыря, должны были разоблачать обманы и проделки разных самозванных просителей милостыни и т. п. Очевидно, что роль их в этом отношении была очень важна и влиятельна, так что дело раздачи милостыни просителям почти исключительно перешло в их руки. Самым видным и влиятельным лицом из этих трех иерархов был митрополит Веррийский Аверкий, скоро приобретший сильное расположение к себе Филарета Никитича и полное его доверие, которым он, впрочем, воспользовался [С. 62] исключительно в видах личной наживы. Как и следовало ожидать, Аверкий не ужился ни со своими сотоварищами, выходцами-иерархами, ни тем более с келарем Иоанникием, ранее тоже сильным и влиятельным при московском дворе. И вот Аверкий начинает инсинуировать: «На него-де всякое зло умышляет спасский бывший келарь Иоанникий, вместе с Селунским митрополитом Паисием, всегда с митрополитом сходятся и пьют, а на Аверкия умышляют, как бы его чем опозорить и от государские святейшаго патриарха милости отлучить своими лживыми доносами». Аверкий заявлял еще, «что Селунский митрополит Паисий, умысля с Иоанникием, севастиийскаго митрополита наговаривают, чтобы с ними ж в совете был и звал его к себе Селунский митрополит дважды и с ним о том говорил, чтобы с ними ж был в совете на него Аверкия. И севастиийский митрополит Иосиф у Селунскаго митрополита был, а он, Аверкий, опасается от них всякаго дурна, и великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичу Московскому и всеа Руси про то было бы известно». В этой затеявшейся борьбе между выезжими греками из-за влияния при московском дворе Аверкий оказался сильнее своих противников. В 1631 году ему удается сослать на Соловки племянника Иоанникия, черного дьякона Иоасафа, что указывает на упадок влияния при дворе келаря Иоанникия, который, впрочем, вскоре после ссылки своего племянника «умер скорою смертью без приказу (духовной) и без отходных». Теперь у Аверкия остался один противник, Селунский митрополит Паисий, но с ним соединился скоро другой, всех более опасный и влиятельный в Москве, – сам Иерусалимский патриарх Феофан.

[С. 63] Феофан, как сказали мы выше, имел в Москве в лице келаря Иоанникия безусловно преданного ему человека, который являлся всегда ходатаем и представителем интересов Иерусалимского патриарха перед царем и Филаретом Никитичем. Но с появлением в Москве Веррийского митрополита Аверкия авторитет и влияние Иоанникия значительно пали; Аверкий враждебно столкнулся с Иоанникием, одержал над ним победу и тем самым необходимо возбудил против себя Феофана. Последний скоро увидел, что в Москве пользуется влиянием уже не его креатура – Иоанникий, а другой человек, который не имел причин направлять русскую милостыню в Иерусалим или на лиц, рекомендуемых главным образом Иерусалимским патриархом. Когда поэтому отправленный Феофаном в 1629 году в Москву вифлеемский митрополит Афанасий привез ему милостыни только 100 рублей, то Феофан увидел в этом следствие пагубного влияния при московском дворе Аверкия и решился действовать. В письме к Селунскому митрополиту Паисию в 1630 году Феофан просит его словом и делом ходатайствовать за просителей монастыря св. Анастасии, благодарит его, «что прислал нам икону и не забываешь Святаго Гроба», а про Аверкия говорит, что слышал, будто он отсек милостыню от Святаго Гроба, за что грозит ему наказанием в будущем веке и анафемою от Седми Соборов св. отец.

Писал Феофан от 12 июля 1630 года особое письмо к самому Аверкию, в котором, благодаря его, с одной стороны, за любовь, писал далее: «С другой стороны показал ты зельную кручину, словеса неприязненные к патриарху и царю, и отсек милостыню к Святому Гробу, так что возвратился назад [С. 64] праздным митрополит вифлеемский, издержав более, нежели сколько привез с собою милостыни, вопреки нашему чаянию. К нам писал царь, чтобы прислали за милостынею, и мы прислали, надеясь, что обретет помощь Святой Гроб, ибо погибает от великаго долга и еретиков; ведаешь ты сам, что никогда не пребывают

в благе благочестивые христиане; а ты, если так учинил, достоин анафемы, какую произносили на недруга, супостата церковнаго Ария и прочих, святые отцы Седми Соборов. Не мне учинил ты зло, но Церкви Божией, которой поклоняется вся вселенная и все православные христиане; всех ты обидел и милостыню у нас отнял, сказав, будто я милостыню христианскую или царскую здесь христианам отдал и учинил своих митрополитами; ничего такого не бывало, все, что собрали, послал я в церкви Божии. Если сказано про тебя несправедливо, буди тебе благословение и молитва; но вифлиемский пришел порожним и кто не услышал о том, дивился, ибо принес от царя и от патриарха только два сорока соболей, да сто рублей денег Святому Гробу. А мы надежду имеем истинно и ныне, ради того еще написали к царю и пресвятейшему патриарху, чтобы хотя немного прислали; мы и о том благодарим». В конце грамоты находится такая приписка: «Святый Веррийской! Хотели есми много еще говорити и писати, а ныне молчим до тех мест, покаместа будем в Константине-граде, увидим и разсудим, что как ты тут у царя и наговариваешь и доводишь того-сего, да их напраснишь и обманываешь царя, а он того не ведает. А мы начаялись и ждали покаяния от злых дел твоих, а ныне на старости твоей не будем покрывати злоразумие твое многое. Многих в напасть ввел [С. 65] еси! Полно окаянне! близь еси смерти! Начал еси хотеньем своим и показал еси неверие ко многим»⁴⁰.

Наконец, Феофан в том же 1630 году прислал об Аверкин особую грамоту и Филарету Никитичу, в которой писал: «Святейший брат по духу! да знаеши, яже не скорблю о царствии вашем малыя ради милостыни, яко присласте с митрополитом вифлиемским господином Афанасием, елико скорблю о некоем Аверкии, некогда митрополите Веррийском, о нем же слышах, яко ложно глаголет о мне к вашей пресвятости, его же и слушаеши и веруеши ему. Обаче, аще восхоцете, да познаете лжа его, се первее: повину царство ваше писати к нам и сотвори себе некоего братанца, и он несть ему братанец, точию есть един купец, иже прииде тамо, да купит купля, яже суть соболи и будто бы сам Аверкий имел виноградники в Константинополе; но он не только не имел здесь виноградников, но ради нищеты своей и лукавства уже двадцать лет как изгнан из епархии Веррийской, и около десяти лет как переселился в Молдовлахийскую⁴¹. Стыдно говорить все то, что он сделал: по его клевете удержал воевода Александр у меня тысячу златниц и часть той милостыни, которую вы [С. 66] мне дали. Посему и пришел я сюда в Влахийскую область, чтобы взыскать утраченное, которое мне возвратили, и чтобы озаботиться у строеньем подворьев Святаго Гроба, которые здесь имею. Не подобало бы мне о нем или о ком-либо другом что рассказывать, но поелику слышали, что он начал ложно говорить о нас вашему царствию, не могли мы сего перенести. Или не довольно ему, скольких он ввел в напасть и что научает царствие ваше заточению неповинных? и вот еще хочет смущать патриархов между собою, а не сидит спокойно, благодаря Бога, который привел его в такое христианское царство, где обрел и честь и покой и где бы мог мирно проводить дни свои, заботясь о том, что полезно душе его, дабы пребывала она в покаянии; но однако зло его не оставляет и он не помнит о своей смерти, и что еще буду о нем писать? – И еще да знайте, яко елицы приходят и приношают отвсюду к вашему царскому величеству послания, он, с Борисом-преводником, протолкуют якоже сами хотят, не показующе царству вашему истину, и нищие исходят от царства вашего оскорблени от них,

⁴⁰ Греческие дела 7138 г. № 31.

⁴¹ Феофан понимает здесь следующие обстоятельства: Аверкий, вкравшись в Москве в доверие царя и патриарха, наговорил им, что у него на родине есть вотчины и виноградники, которые-де он принужден был заложить. Из Москвы он посылал некоего грека Дементия, ложно назвав его своим племянником, для выкупа своих имений и виноградников и для продажи их, причем царь и патриарх помогали ему не только деньгами, но и рекомендательными грамотами к Константинопольскому патриарху Кириллу Лукарису. В действительности же у Аверкия в Константинополе вовсе не было никаких имений и виноградников, все это он придумал с целью выманить у царя и патриарха побольше денег, на которые он покупал товары и посылал их для продажи в Константинополь то со своим келарем Пахомием, то с купцом греком Дементием, которого он ложно выдавал в Москве за своего племянника.

яко вами данную им милостыню взимают, и сему (Аверкию) не подобает ниже епитрахиль, ниже омофор возложить. Прочее ваша пресвятость возми и самого сего келейника нашего посланного к вам – Мелентия-инока тай в клеть свою и исповесь ти вся. Прочее же, святейший патриарше господине брате Филарете, аще речет кто от враг наших, яко милостыня царствия вашего не доходит на Гроб Божий и сосуди, иже посласте, не пришли, послите некоего верного архимандрита вашего с двема или с тремя старцы, иже да облекутся во одежды здешних инок и да приидут да поклонятся [С. 67] местом святым и помолятся о благоздравии и спасении царском и о вашей пресвятости, и да не токмо яже доньше вашим тамо прислася царством увидит, но и яже от древних святопочивших царей, дедов и прародителей вашего царства, от блаженнаго Феодора-царя и прочих, ибо и до днесь есть едино Евангелие и митра едина, яже достохвальнейшия суть вещи; долг бо аще и имамы, добре тако есть, имамы бо доволен, яко же и писахом вам. А сосуды царские церковные, глаголю, никакоже изнуреваем, но и зело опасно сохраняем их на память сотворших я царей. О вышереченном же Аверкин весно буди вашей пресвятости, како посла он некогда ко мне моление, купно и се дары, кое же простити его, и абие получи прощение от смирения нашего. Ныне же паки слышав оболгательная его, еже о мне, словеса к царскому величеству и вашей пресвятости, веждь святейший брате, яко паки оскорбихся нань».

На эту обвинительную против Аверкия грамоту Феофана отвечал ему оправдательной грамотой Филарет Никитич. В ней, дословно повторив всю грамоту Феофана, он затем пишет: «Аз же, Филарет патриарх, отвеща убо о сем нашим писанием о том митрополите Аверкии: ей! ей! глаголю о Христе, не лжу, по своему святительству в правду, не слыхал есми от Аверкия про ваше святительство, великаго господина, брата нашего и сослужбника, никакого зла, разве хвалился твоим благословением и духовною о Христе любовью. А о малой милостыни, что прислана к тебе от царскаго величества и от нас, патриарха, с вифлеемским митрополитом, и о том ни царь, ни аз, патриарх, воистину от Аверкия, митрополита Веррийскаго, не слыхали ничего, а [С. 68] учинилася та от нас малая милостина по самой нужде, что недруг наш и супостат польской король, по умышленью папы Римскаго, хочет царства нашего достигнуть и до конца его погубить, и веру нашу истинную христианскую православную, греческого закона, разорить и свою папешскую еретическую веру ввести и утвердить. И мы готовимся против недругов своих, и казну многую роздали многим ратным людям и ты, господине-брате, на нас о том не подиви, бесхитростно учинилось, а не от Аверкия. А про большую милостыню, которая послана от царя и от нас с архимандритом Кириллом вашим и с келарем Акакием, и будто тот же Аверкий, ссориваючи нас, патриархов, говорил про тое большую милостыню, что будто ты, патриарх, той милостыни большой в предыдущие годы в свою казну сохранно не доложил и ныне-де тое большой милостыни в вашей казне нет, и мы от Аверкия того не слыхали же, и ни от кого того не слыхали же, и верим тому, что та большая милостыня, посланная от нас к животворящему Господню Гробу, в вашей казне и ныне цела, айв предыдущие годы будет сохранена цела. А что писано от тебя про Аверкия, что он изгнан из своей Веррийской митрополии от нищеты его и от лукавства его двадцать лет, а того именно не написано: от мирских людей или от духовнаго Собора за его недостойное житие изгнан. А что Аверкий извещал нам на Гречин, на двух Григорьев архимандритов и на Константина Ларева, да и иные гречане нам извещали, что они нашему царству не доброхоты и многую хотели смуту чинить и похвалялись всяким лихом; и мы, сыскав их воровство, рассылали по городам, ни в заточенье, ни в тюрьму, разве для [С. 69] смиренья... И аз, патриарх Филарет, мню себе, что общий наш враг диавол между нас смуту учинил, возненавидев нашу духовную любовь и аз, господине-брате, о том вельми оскорбляюсь...»⁴²

⁴² Греческие дела 7139 г. № 7.

Очевидно, Аверкий пользовался в это время таким большим доверием Филарета Никитича, что даже донос на него самого Феофана не произвел в Москве ожидаемого впечатления; Филарет Никитич оправдывает Аверкия от всех возводимых на него обвинений. Но Аверкий продолжал злоупотреблять своим влиятельным положением в Москве, так что Филарет Никитич принужден был, наконец, неизвестно по какому частному случаю, предпринять против него самые решительные меры, именно: снять с него митрополичий сан и в качестве простого чернеца сослать на житье в костромской Ипатьевский монастырь, откуда, по ходатайству Константинопольского патриарха Кирилла Веррийского, он был взят и отправлен за границу.

Вмешательство Феофана в дело Аверкия едва ли могло произвести в Москве благоприятное впечатление, так как побуждения, руководившие в этом случае Феофаном, были не особенно высокие – это подозрение, что ему под влиянием Аверкия прислана скудная милостыня, тогда как он рассчитывал на получение большей. По этому только побуждению Феофан решается раскрыть Московскому патриарху глаза на Аверкия и все его проделки, о которых он знал ранее, но о которых умалчивал, пока не счел себя обиженным Аверкием. Впрочем, этот случай не оказал никакого заметного влияния на дальнейшие сношения Феофана с русским правительством.

[С. 70] 7 июля 1682 года Феофан извещает государя, что посланная с русскими послами в Турции Прончищевым и Бормосовым от царя и патриарха милостыня 6 сороков соболей им получена, причем благодарит царя, что он не забывает святых мест и посылает ему разные благожелания⁴³.

29 июня 1638 года Феофан писал Филарету Никитичу: «Буди ведомо, что в нынешних временах от великих теснот невозможно человеку в здешних странах в покои пребывать, и подобает всякими делами и покорным сердцем просить помощи и облегчения от тяготы своей... А в здешних странах наших до сего дни погибают, аки в огни горяще от вседневного насилия и налогов от нечестивых агарян и от их гонения, и не имеем где главы своей приклонить»⁴⁴.

В грамоте к государю от 25 января 1634 года, присланной с подьячим Лазаревым, Феофан пишет: «Буди ведомо, державный царю и христороубный сыну нашего смирения, что мы случились пребывать в Константинополе для неких причин: учинились во Святых Местех от немец, роду латинского, многие беды и споры с ними для ради святыя пещеры святого Вифлиома, где Иисус Христос родился для нашего спасения, и хотели нас совсем оттоле отставить, и денежные многие протори учинились нам с ними. Только Божие просвещение далось в сердце многолетному царю салтан Мурату, учинил нам крестьяном праведно, а немец много опозорил и к царствию твоему многу помощь и любовь оказывает, а полякам весьма страх воздал. А послы царствия вашего, Яков Оксентьевич да Матвей Михайлович, [С. 71] разумно живут здесь и досужи и царь в доброй чести имеет, и скончавши дела царствия вашего, поедут по Божией милости, и мы с ними пошлем наших людей и тогда отпишем, что над нами учинилось». К Филарету Никитичу от 1 февраля Феофан писал: «Буди ведомо, святейший владыко, что беды и нужи чинятца и терпим всегда от недругов веры нашея святого ради Гроба и святого Вифлиома, и болши от гордых еретиков роду папезскаго, похваляются и надеются на богатство свое, а мы всегда прибегаем к Божией силе, и к надежде, и к помощи, и к благочестивому самодержцу Михаилу Феодоровичу всея Руси... А здесь видим царство Турецкое добро вам помогает: Абазу-пашу послал и великую страсть поляком воздал с воеводами с волоским и с мултянским, и шел большой посол литовской и послал воротить ево назад, и то есть помочь царствию вашему. А с которыми с великими

⁴³ Греческие дела 7140 г. № 9.

⁴⁴ Греческие дела 7142 г. № 2.

людьми знаемся, и мы всегда их понужаем на помощь царствию вашему, и видим, что в доброту пошло дело»⁴⁵.

Особой грамотой от 28 февраля 1634 года государь извещал патриарха Феофана о кончине отца своего патриарха Филарета Никитича 1 октября 1633 года, о поставлении на его место в Московские патриархи Псковского архиепископа Иоасафа, причем пишет, чтобы имя Филарета Никитича было записано во все синодики для вечного поминовения, «донеже его святительство бысть в жизни своей к вашему крайнему святительству о Христе и по духу во всем присный собеседник, и всем Святым Местам великия Палестины твоя святая паствы бысть незабытнй и щедрый назирател». Эта известительная царская грамота отправлена [С. 72] была с послами Коробьиным и Матвеевым, с которыми отправлена была и царская милостыня: к Воскресению Христову ко Гробу Господню в дар 50 золотых, да в придел к Распятью Господню 15 золотых, да на помин по Филарете Никитиче 25 золотых; в иерусалимские монастыри (13) 88 ½ золотых, в Вифлеем к пещере Рождества Христова 10 золотых, да митрополиту 10 золотых, в четыре монастыря около Вифлеема 21 ½ золотой, архиепископу Лидскому 8 золотых, газскому митрополиту 8 золотых, в Синайскую гору 34 ½ золотых; да столько же было роздано указанным лицам и местам на помин Филарета Никитича. Самому патриарху Феофану послано по душе Филарета Никитича соболями на 500 руб., да на милостыню 150 руб. соболями⁴⁶.

Между тем в начале 1635 года в Москву прибыл ранее уже бывший в ней племянник Феофана архимандрит Кирилл. С ним Феофан прислал грамоту государю, в которой писал, что «учинилась у них в Иерусалиме великая смута и изязание меж православных христиан и латин, тамо живущих, о божественной, святой и великой Пещере, в ней же плотью родися Господь наш Иисус Христос, и о иных же Святых Местех, и видя-де они то, что не мочно тех дел там докончати, приехали в Царьгород и многожды с латыни и иными роды в царском диване судились, а то-де и государевы первые послы – Афонасий Прончищев да дьяк Тихон Бормосов и другие послы – Яков Дашков да дьяк Матвей Сомов, видели. И Мурат-салтан посылал в Иерусалим людей своих, и велел ключи святой Пещеры у врагов их взять и привести в Царьгород; [С. 73] и теде ключи в Царьгород привезены и отданы ему, патриарху, в руки, и во всем-де они врагов своих одолели. А учинились-де в Иерусалиме и в Царьграде им в том многие и великие протори и убытки, а помогали-де им в те протори христиане, которые там живут, кто ж по своей силе. Да они ж-де заняли для тех же дел 25 000 рублей у иноплеменных иудеев в великие росты, а заплатить-де им того долгу нечем, и для того послал он, патриарх, к государю бити челом о освобождении Гроба Господня и Святой Пещеры и иных Святых Мест для милостыни архимандрита Кирилла... И государь бы пожаловал к тем Святым Местом велел дати милостыню, чтоб им освободиться от долгу, и был бы в тех местах новый соорудитель, яко же св. царь Константин и мати его царица Елена, которые те Святые Места сооружали». О том же Феофан писал и к Филарету Никитичу, но его уже не было в живых. Государь указал послать Феофану с архимандритом Кириллом милостыни на 150 руб., да на освобождение Гроба Господня соболями на 1000 руб.⁴⁷

В начале того же 1635 года воротились в Москву царские послы из Турции Иван Коробьин и дьяк Семен Матвеев и привезли с собою грамоту Феофана к государю, писанную 1 ноября 1634 года, в которой Феофан подробно рассказывает о последних событиях в Иерусалиме. «Воздаем ведомо, – пишет он, – державному твоему царствию: в то время как имели многие нужи и обиды от неверных латын, которые хотели насильством отнять Святой Гроб и Вифлеем, как есми писали преж сего с архимандритом Кириллом с товарищи, и вам о том

⁴⁵ Греческие дела 7142 г. № 7.

⁴⁶ Греческие дела 7142 г. № 6.

⁴⁷ Греческие дела 7143 г. № 1.

есть [С. 74] ведомо, что есми и проторились проторми великими и несметными, и посем святой Бог послал помощь Свою и осилили есмя их опять и взяли ключи Святаго Гроба и Вифлиема. И посем, пришед небольшое время, нашла иная беда и нужда от армен-еретиков, и те арменя обнищали в щете своем, и потеряли пасхалью свою и разговелися в Фомину неделю. И то ведаючи еретики преже того от позору и не имеют, что делати, и затворили Святой Гроб силою иноплеменных, и не пропустили православных христиан по старому закону сотворити во святую и Великую субботу сподобитися и видети свет Господень. И в те поры было слезолития от православных христиан, только праведный Бог, что любит всегда правду, милости не оставил на многое время, и помилова раб своих, уповающих на него. И так иноплеменные берегли со оружием с надворья, а двери были запечатаны, а хрестьяны отгонены от церкви стояли в скорби со слезами, и в тот час учинилось яко некий глас и земное трясение, а святой огонь явися от щелей кровли Святаго Гроба и осветил всю церковь и врагов ослепил, и людие иноплеменные берегли и водою заливали, чтоб огонь не выходил, и не возмогли учинити ничего, а выходил огонь трижды. Только одна жена старая прилучилася близко, и свечи имела в руках, и те свечи загорелися собою. И в те поры враги хотели тое жену убить и у них великая помешка учинилась меж собою. И в те поры христиане с радостью и со слезами к Богу возопияли: Господи, помилуй! а иноплеменные и еретики, которые православных христиан прочь от церкви отгоняли саблями и ослопы, все ослеплены быша. И потом видячи арменя, что Господь яви святой огонь, и они, покрываючи позор свой, [С. 75] роздавали деньги мешками иноплеменным, чтоб никто в понос не сказывал, что святой огонь явися, яко ж иудеи хотели дарми утаити воскресение Христово. Тем же державный и боговенчаный царю, никто же возможе рассказать вся истину, яко ж они свидетельствуют, которые были на поклонение и те все сказываются христиане, и мы возрадовались. И арменя, помнячи таковой меж собою срам, учили сердитовати и не имели, что иное сделать, только мздою над нами злополучают, и учили искушати всю анатолейскую страну и по всему Черному морю церкви христианские позатворили и поколебали, и бед и пакостей неизреченно чинили всем православным Христианом, что весь свет вострепетал от их дел». Затем рассказывает, что армяне явились в Адрианополь к султану со многими дарами, чтобы отнять у греков Святой Гроб, но султан, обо всем расспросив, отказал армянам, а велел попрежнему владеть православным, «и отдали нам ключи и всю власть». Но армяне не успокоились. Прибыв вместе с султаном в Константинополь, заручились здесь благоволением Абаза-паши, «собрались на царский двор и воскликнули велиим гласом, а хотят прежней суд пересудити». Султан потребовал патриархов Цареградского и Иерусалимского, «и снова суд был и распрос царской был». Султан повелел «казнити двух попов армейских, и они отошли с срамотою и со страхом», а греки получили султанские грамоты на владение. «И нам, – замечает Феофан, – протори великие сталися и одолжали есмя великим долгом для ради православной веры»⁴⁸.

Отправивши свою грамоту к государю, писанную 1 ноября 1634 года, с царскими послами, Феофан [С. 76] почти сейчас же посылает государю вторую грамоту от 25 ноября того же 1634 года с греком Иваном Петровым, сделавшимся тайным русским политическим агентом. В этой грамоте Феофан прежде всего сообщает государю разные политические вести. «Буди ведомо многолетний царю, – пишет он, – что делалось в здешной стране о Литовском царстве походе: пошел царь-салтан Мурат в Ядринской город и там собрал и изготовил войско, и с войсками послал Мурат-пашу, и приказал ему быти над войском первым человеком. И переехал Дунай на волоской рубеж, был готов на поляков, только ждал вести от царствия твоего по вашему слову, что есте имели между собою. И ему пришла весть, что есте помирились с Литвою, и он, тому не поверя и хотя проведать подлинно, посылал

⁴⁸ Греческие дела 7142 г. № 6.

от себя в Литву Шаис-пашу за посла место, и там ему сказали, что есте помирились. И они тож у царя просили, чтоб турецкой царь с ними помирился и велел войску воротиться в Царьград. И в тож время приехали послы царствия вашего, Иван Гаврилович да Сергей Матвеевич, и с приезде царь велел принять добре честно. А как после проведали подлинно, что есте помирились с Литвою, и царь то поставил в великую кручину, что есте не поддержали на слове, что вы, великие государи, имели, и так произволил послов царствия вашего из Царя-города отпустить на корабле вскоре ноября 1-го; 5 число и выехали послы царствия вашего, постояв на губе за погоду. И после пришла весть с Кафы, будто ходили многиа казаки и билися и хотели Азов взять. И слыша то, царь раскручинился гораздо, и для того будут имети послы царствия вашего боязнь, покамест проедут Азов. А zde безпрестанно [С. 77] царь готовил войско на персидскаго на весну, а того подлинно не ведаем: сам ли пойдет или нет. А с Литвою турецкой царь помирился, только того не ведомо, на сколько лет. А здесь царь владеет, и страх великий объявляет и лихие люди не имеют силы и не смеют делати никакого зла и во всем Царегороде смирно. Сам царь, переменяя свое платье, ходит по всему Царюгороду и досматривает и мучит лихих супротивников». Сообщив политические вести, Феофан переходит к рассказу о своей борьбе с армянами из-за Святых Мест, причем почти буквально повторяет все то, что уже ранее он писал государю в грамоте, присланной с царскими послами. Свой рассказ Феофан заканчивает заявлением, что борьба с армянами «стала нам больши пятидесять тысяч ефимков, и от того мы, нищие, не имели, где голову приклонити, только поспешила милостина великаго твоего царствия, и тем есми искупились и обрели освобождение, яко есми нищие, и бедные, и беспомощные, и молим Господа Бога день и ночь о многолетном здравии державнаго твоего царствия». Затем говорит, что, когда узнали о смерти Филарета Никитича, «о том вельми оскорбились все малые и великие христиане, потому что едино солнце светлое от роду христианскаго и столп милостивый зайде». В заключение патриарх просит государя: «Да пожалуешь произволишь бояром и князем царствия твоего, чтоб воздали милостыню к Гробу Господню всякой по силе для ради любви и веры Христовой, чтоб нам оплатится от того великаго долгу и да возрадуютца православные христиане». Феофану послано было с греком Иваном Петровым соболями на 150 руб.⁴⁹

[С. 78] В 1636 году в Москву прибыли посланные Иерусалимского патриарха: игумен Паисий, будущий патриарх, и грек Иван Петров. С игуменом Паисием от 1 декабря 1635 года Феофан писал царю, благодаря его за присланную с греком Иваном Петровым милостыню, «чтобы государь не оставлял его своею милостью и впредь», «а беды наши иерусалимские не как цареградские (Константинопольскому патриарху было послано с греком Иваном Петровым соболей на 250 руб., а Феофану только на 150 руб., на какую разницу в посылке милостыни он теперь и намекает), что имели от еретиков армян и от латын, мы их ничем не замаем, только они нас избегают денежною силою и хотят отнять Святой Гроб. И о том обо всем писали есми к тебе государю с твоими государевы послы и с нашим архимандритом Кириллом, что се учинилась у нас с латынями и с армянами и пострадали от них, и благодатию Божиею одолели мы их, только нам долгу получилось, и того ради посылали есми нашего архимандрита Кирилла к царствию твоему, имеючи надежду получить великую помощь от обиды еретиков. Они похваляются своими, а мы похваляемся царствием твоим. И как был наш архимандрит у твоего царскаго величества, и было не время и милостыни ему не сотворили (?) и к нам не прислали своего царскаго жалованья⁵⁰, а архимандрит еще и по ся место не бывал и имеем великую кручину... А ныне опять посылаем священноинока игумена Паисия», чтоб иметь силу противиться [С. 79] еретикам Церкви Христовой. С гре-

⁴⁹ Греческие дела 7143 г. № 7.

⁵⁰ Это заявление Феофана, что с архимандритом Кириллом «милостыни ему не прислали... и царскаго жалованья» является несколько странным, так как с Кириллом было послано к Феофану на 1150 руб., т. е. на наши деньги более 16 000 руб.

ком Иван Петровым Феофан писал государю, «что которое жалованье четыре сорока соболей на 150 руб., послано было к нему с тем греченином Иван Петровым, и то до него дошло, и чтоб государю пожаловати его и впредь к нему послати своего жалованья милостины, как ему Бог известит. Да к нему же бы прислати к Гробу Господню на поминок 1200 ефимков, что заняли в Царегороде государевы послы Яков Дашков да дьяк Матвей Сомов у греченина у Осипа Зиновьева, и те ефимки ему не заплачены и он себя сам для того с кручины убил и по нем бы то прислати на помин». По произведенному розыску оказалось, что греку Осипу действительно недоплачено до 600 руб., каковые немедленно и были посланы Феофану вместе с царскою грамотою и милостынею при ней соболями на 150 руб.⁵¹

От 15 июня 1636 года Феофан писал государю: «Буди ведомо, тихомирный царю, что честную и святую вашу грамоту приняли с радостью и с веселием от нашего игумена господина Паисия и от Ивана Петрова. Да они ж привезли мне восемь сороков соболей Иосифа Зиновьева, а у меня того Осипа живет здесь племянник его. А игумен Паисий да Иван Петров поехали в Царьгород покупать товару, что есте приказали им, а как возвратятся оттоле, а мы их пошлем, как к нам писано от царствия вашего, и тогда отпишем обо всем»⁵².

3 ноября 1636 года приехал в Путивль игумен Паисий и объявил, что он послан в Москву к государю от Иерусалимского патриарха Феофана нарочно «с листы и с дары» о царском деле против [С. 80] прежних государевых грамот, каковы были посланы ему из Москвы. 3 декабря он прибыл в Москву и подвергся здесь обычному допросу в Посольском приказе относительно разных вестей. В грамоте государю, привезенной Паисием, Феофан просит и ходатайствует за некоторых бедных гречан, разоренных турками. Прислал Феофан особую грамоту и патриарху Иоасафу, в которой он описывает положение дел в Иерусалиме. «Наша Иерусалимская Церковь, – пишет Феофан, – всегда от еретиков армен и от иных всяких народов имеет обиды для ради поклоняемого и святого места, ибо Ветхий и Новый Завет отуда исшел во всю вселенную и Христова всякая тайна там есть, и сего ради все народы приезжают туда для поклонения и все любят те места. Только недруги благочестивых христиан ненавидят, и денежною силою, при нынешних агарянех-турках, добиваются того места из наших рук и всеми святыми поклонными местами они хотят завладеть. И всегда многожды терпели есмы от еретиков, и про то наше терпение царю ведомо, что есми преж сего писали к державному и ко благочестивому государю и великому князю царю Михаилу Феодоровичу всея Руси, и про ту нашу тесноту всегда и святительству твоему ведомо ж, и силы и помощи просили от великаго и превысочайшаго государя царя, чтоб над еретиками и недруги наша благочестивые и православные христианские веры иметь верх, и было б, чем даже еретиков утолить, чтоб православный род в срамоту и позор и бедствие не ввести. И сего ради докучаем и прибегаем к страннолюбивым и православным Христианом помощи ради, чтоб нам возможно было беречь то святое и честное место от сопротивных, [С. 81] и посылали есмя нашего архимандрита Кирилла с братиею к превысочайшему и великому государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу всея Руси для помощи, что имели нужду велию и споры с еретиками. Дай Господи, чтоб государь царь и великий князь Михаил Феодорович вся Руси здрав был на многия лета и милостина его не отстала от нас всегда! А в те поры еще была надобна такова великаго государя царя помощь для святого и живодавнаго Гроба и для святого Вифлеема, где родился владыка Христос для спасения мира. А мы всегда во имя царствия его похваляемся и утверждаемся и на недругов еретиков возмогаемся и побеждаем их. И ныне паки посылаем игумена кир Паисия с келарем кир Даниилом, роду московскаго, понеже бо они приезжают службою царскою, как им было приказано приехать. И сего ради молимся пресвятительству твоему, да попечалуешися боговенчанному самодер-

⁵¹ Греческие дела 7144 г. № 9.

⁵² Греческие дела 7144 г. № 19.

жавному царю, яко да сотворит помощь ко святому и живодавному Гробу от бесчисленного долгу, что имеем до днесь». Указом государя от 7 января 1637 г. велено послать Феофану за присланные им подарки (четыре объяри по серебрянной земле) четыре сорока соболей на 150 руб., и 11 января игумен Паисий был отпущен из Москвы⁵³.

15 декабря 1637 года в Москву прибыли греки Роман Савельев и Исаия Николаев, и привезли с собою грамоту к государю от патриарха Феофана, который писал: «Пишем и объявляем, что деетца в Цареграде и о том у нас бывает великий страх, о том бо есть и вам ведомо, только наша великая любовь и для благочестия твоего и для милостыни, что [С. 82] имеете к нам, понуждает нас писати и объявляти. Буди ведомо, что прежний крымской царь как поднялся с великим войском на Кантемира, а сказывают, что было с ним 180 тысяч ратных людей, и в то время был у них бой и Кантемир побежал с детьми в Царьгород, а брат его и сродичи поклонились крымскому царю, и в Кантемирово место посадил крымский царь своего брата и отшел оттоле прочь. И не во многие дни убил Кантемиров брат крымского царя брата и двух его сродичей, и в те поры у крымского царя силы не стало, потому что были в разезде. А турской царь как услышал, что поднялся с такою великою силою, и еще слух был, будтося с ним 10 000 казаков, и оттого добре утрашился, чтобы не переехали чрез Дунай до Едринна города, и собрал великое войско и послал их Едринскому городу на сбереженье, и в те поры вскоре послал инаго царя с каторгами в Крым. И как Кантемир приехал в Царьгород к царю и царь-де его сперва пожаловал; и после того, месяц спустя, опалился на него и казнил сына его, а самого посадил в тюрьму. И прежней крымской царь, видя, что брата его казнил Кантемиров брат, а в его место пришел иной царь, пошел и сам в Царьгород, надеясь пощады у царя. И в те поры как приехал в Царьгород, призвал его царь и распрошал, а распрося его, велел удавить июня в 26 день. И в те дни пришли вести, что донские казаки Азов взяли, и о том турской царь добре поскорбел и роскручинился: и в те поры говорил турской царь, что будто твоим царским повелением казаки Азов взяли, и велел крымскому царю идти воевати твою царскую землю. И для сего извещаем и пишем, а которой [С. 83] вам привезет сию грамоту, и тот вам будет сказывати изуст все сполна». (Грамота писана 1 июля 1637 года и в Москву попала, значит, довольно поздно.)

10 августа 1638 года прибыл в Москву грек Дмитрий Филиппов и привез грамоту Феофана к государю, писанную еще 29 сентября 1637 года. В ней Феофан пишет: «Писали есмы преж сего о здешних вестях и нынече пишем с некоторыми хрестьяны с господином Порфирьем Офонасьевым, да с господином Дмитрием Филипповым, которые приедут к царствию твоему, и те есть люди наши добрые, и они будут сказать обо всем наизусть о здешнем царстве вестей: что турской царь хотел ехать Кизыл-башскую землю воевать, – так славитца здесь, а подлинно неведомо, только велели татарам итти воевать украину царствия твоего, и украину б царствия твоего оберегал великим береженьем. А которые нам быти невозможно писати к царствию твоему, и те вести будут сказати те хрестiane царствию твоему наизусть, и еще что они ведают, а после того, что здесь объявитца в царстве нашем, и мы будем про то писати к царствию твоему». Затем Феофан переходит к рассказу о своих иерусалимских делах. «А что имели мы недружбу, – пишет он, – с еретиками с арменами о святых местех для Святаго Гроба Господня и для святаго Вифлеема, слышал царствие твое преж сего». Когда он находился по делам Святаго Гроба в Молдовлахии, «немцы посулили Байрам-паше и иным начальником тайно сто тысяч ефимков, и турской царь, не ведаючи их неправды, дал им наказ, чтоб им отнять у нас ево жалованную грамоту, которая была нам дана. И как мы услышали [С. 84] про то, и мы ждали времени, как царю выход будет, и был царю выход в Воздвиженье день, и я послал к нему бити челом пять старцев с челобитною, и ту нашу челобитную смотрел турской царь сам и послал тотчас капычейскаго голову к каймакану

⁵³ 7145 г. № 5.

к Магмет-паше, чтоб он пришел к царю тотчас. И в те поры турецкой царь нас пожаловал, велел по-прежнему дати свою жалованную грамоту, и ту грамоту написав, велел положить пред себя, и ту грамоту нам отдал и послал своего человека с моими старцы в Иерусалим и отняли у тех еретиков все, что было отняли они у нас. Так пребываем мы здесь, всегда недружбу имеем с еретиками в Иерусалиме, и всегда убытки и долги от нас не отставают, только ныне нам немного убытков стало, потому что турецкому царю ничего не дали».

10 августа 1638 года Феофан пишет государю: «Пишем и извещаем, благочестивейший царь и великий князь Михаил Феодорович всея России, о том, что писал есмь, как турецкий царь на самый свой праздник, февраля в 7 день, велел удавить брата своего, а ныне пишем, что преже того, как пошел турецкой царь в Кизылбаши, марта в 1 день, и после себя велел задавить двух братьев своих, чтоб их не посадили на ево место. А сказывают, что еще у него остался меньшей брат, – а своих детей у него не было, один сын и тот умер»⁵⁴.

С греком Иваном Петровым Феофан писал государю 20 сентября 1638 года, извещая его о насильственной смерти Константинопольского патриарха Кирилла Лукариса. Он так описывает смерть знаменитого константинопольского первосвятителя: «Старого патриарха Кирилла поклепали и огласили визирю Байрам-паше, будто он изменник. И тот визирь, Байрам-паша, будучи советник веррийскому митрополиту Кириллу (известному врагу Лукариса и претенденту на Константинопольский патриарший престол), донес турецкому царю, и турецкой царь дал им наказную грамоту к каймакану. И как они ту наказную грамоту принесли во Царьгород и взяли потом патриарха старого и засадили его на беломорской башне. И после того не во многие дни предали его смерти и вкинули его в море, а море его на берег выкинуло. И некие православные христиане, сыскав тело его, похоронили, а бывшего веррийскаго митрополита Кирилла советники его насильством на патриаршестве посадили. А мы были в те поры в Брусе-городе для дела Святаго Живодавцева Гроба, а Александрийский патриарх Митрофан был в те поры здесь, и он, видя такую его напрасную смерть, тому удивился. И тот бывший веррийский митрополит прислал по нас, чтоб нам с ним вместе служить, и мы не хотели с ним служить, и он учал на нас грозиться нечестивыми агаряны». Затем Феофан переходит к сообщению разных политических вестей. «И в те дни вскоре пришли вести, – пишет он, – что Байрам-паши не стало, а о том нам не ведомо, своею ли смертью или от царя умер. А царь-салтан Мурат ныне воюет пред Богдатом, а сказывают, будто он возмет Богдат, а подлинно не ведомо для того, что ныне зачинаетца война вначале. И еще буди ведомо царствию твоему, что венецкаго агента в великом береженье держать для того, что ходили 18 каторг барбарейских под венецкую землю и разорили многия села, а побрали живьем полону 6 тысяч [С. 86] и большии; и как проведали венецкие каторги малые и большие, и они за ними гонялись до города Авлона, и отбили у них под Авлоном городом полон свой и каторги у них взяли. А из города по них из наряду стреляли и венецкие люди, напротив, по городу стреляли и городовую стену попортили и прочь отъехали. И после, их люди барбарейские, приехав в Царьгород, и били челом на венецких немец и по их челобитью писали к царю. И как услышал турецкой царь зело роскручинился о том, что они по городу стреляли и городовую стену порозбили, а каторги побрали, потому что они имели между собою записи от прежних царей в том, буде поймут барбарейских людей за рубежом, и им было вольно их казнить и в полон имати, також и барбарейским людям над венецкими. А о том нам подлинно проведати невозможно, как турецкой царь сам приедет и о которых нам вестях писать невозможно, и о тех будет рассказывать наизусть Иван Петров. – И аще произволит ведати царствие твое о Святом Гробе и о Вифлиеме – и Вифлионом турецкой царь всем нас пожаловал»⁵⁵.

⁵⁴ Греческие дела 7146 г. № 5 и 9.

⁵⁵ Греческие дела 7147 г. № 7.

4 апреля 1641 года Феофан писал государю с греком Фомой Ивановым: «Аз еще пребываю в Цареграде для неких дел, что имеем для Святаго Живодавцова Гроба, и объявился нам от вас частный господин Фома и сказал нам о многолетном здравии великаго вашего царствия, и мы возрадовались есми зело. И посем сказал есми, что он хочет ехать к вашему царствию о многих нуждах и делех объявити великому вашему царствию, и написали есми [С. 87] сию грамоту, а о множестве писати не можно, а расскажет он изустно, что он видел, и мы ему наказывали о всем. Еще некий архимандрит Амфилохий, что имел я его прежде сего у Святаго Гроба, и он, от меня сбежав, пристал к прежнему патриарху Кириллу (Лукарису) и посылал его двжды к вашему царствию, а ныне он ни у Цареградскаго патриарха, ни со мною у Святаго Гроба. Еще он пишет и посылает к вам, государю, грамоты от нас обоих патриархов с ложью мноюю, и ему б не верити, а сказывают, что еще от него пострадал Иван Петров и иные многие и он есть недобрый человек. – Да оберегайте и призирайте ваши дальные украинные места, многие изменники идут до вашае украины до самого Терека, а вы оберегайтеся неоплошно, и ныне о сем пишу»⁵⁶.

13 ноября 1643 года прибыл в Москву бить челом государю о милостыне архимандрит Иерусалимского патриарха Феофана Анфим с патриаршим племянником архидьяконом Неофитом и со старцами. В присланной с архимандритом грамоте Феофан [с. 88] писал государю: «Что они от народов, их держащих, пребывают повседневно в дачах, а только им не учнут давать, и они им не дадут святых, и божественных мест держати. И от еретиков они многие беды приняли, и протори им учинилися многие, и писали-де они к нему государю, бити челом посылали людей своих – архимандрита Кирилла тому лет с десять, и тогда-де им ничево не дано (?), и окупил-де их молдавские земли князь Василей, прислал к ним 45 000 ефимков. Да аще они окупилися, токмо Святым Местам надобна милостина и помощь от великие державы царскаго величества. Сего ради посылает он своего архимандрита Анфима с иными, и молит и просит у государя, чтоб его царскому величеству их восприяти и возрить милосердно для любви и Святаго Живодавцова Гроба Господня, подати ему мил остину, как ему, государю, Бог известит. И еще имеют они о святом Вифлеоме долгу 20 000 ефимков, а старое строение от древних лет – стены попортились и кровли их погнили, а чтоб им от царского величества помощь и обновление видети, и вечное воспоминание будет царствию его. И чтоб государь позволил архимандриту его со иными попросить помощи у бояр и у князей, и у архиереев, и у архимандритов, и у прочих в миру пребывающих в державе царскаго величества». В другой грамоте Феофан писал царице Евдокии Лукьяновне, которую он также молит о помощи и милостыне Святому Гробу. Кроме того, с архимандритом Анфимом Феофан прислал святыни государю: мощи великомученика Пантелеймона, ладан черный иерусалимский, 4 свечи да 3 меры Гроба Господня, воду освященную иорданскую, перст от Вифлеема и от иных [С. 89] святых мест спущено со святою водою иорданскою, мыла иерусалимского 20 печатей; государыне он прислал часть мощей св. великомученика Кирика, ладан иерусалимский и пр.

Архимандрит Анфим обычно представлялся государю и получил обычную для архимандритов милостыню: камку смирную добрую, сорок соболей в 30 руб. и денег 30 руб., а племянник Феофана архидьякон Неофит: камку смирную добрую, сорок соболей в 20 руб.

⁵⁶ Греческие дела 7149 г. № 12. Оговор Феофаном архимандрита Амфилохия основан на каком-то недоразумении. Амфилохий был одним из самых ревностных и преданных наших тайных политических агентов в Константинополе. Он был доверенным лицом знаменитого Константинопольского патриарха Кирилла Лукариса в его сношениях и с Москвой, и с нашими послами в Турции, не раз приезжал в Москву в качестве доверенного лица от Лукариса с тайными от него наказами к нашему правительству. Он присылал и от себя в Москву очень обстоятельные известия о положении дел в Турции, почему он пользовался особым вниманием и расположением московского правительства, которое правильно посылало ему в Константинополь известные суммы в награду за его усердную службу. Вполне естественно было, что в Москве не поверили оговору Феофана, так что и после этого Амфилохий по-прежнему пользовался полным доверием нашего правительства, на службе которого он и оставался до самой своей смерти, последовавшей уже в 1663 году.

и денег 15 руб. После представления Анфим бил челом государю от имени Феофана и своего, чтоб государь велел написать в Иерусалим ко Гробу Господню десять образов местных больших и те иконы обложить серебром, да патриарху сделать святительскую шапку, ибо прежняя его шапка сгорела в Царьграде во время пожара. По государеву указу десять образов местных больших, по размеру, указанному Анфимом, написаны и серебром обложены из его государевой казны басменные с окладом, а венцы у образов чеканные и резные. Образа же написаны: Спаса на престоле – длина доски 2 аршина 5 вершков, ширина 2 аршина без 3 вершков; Пречистые Богородицы Одигитрии – одной меры с предыдущим; Воскресения Христова – длина доски 2 аршина полшесть вершков, ширина один аршин 5 вершков; Архангела Михаила мерою, как и Воскресения; царя Константина и матери его Елены – длина 2 аршина полшесть вершков, ширина один аршин 6 вершков; св. апостола Иакова, брата Господня, – одной меры с предыдущим. Местные образа к царским дверям по обе их стороны: Спаса Вседержителя на престоле во архиерейской одежде; Пречистыя Богородицы Страстные со архангелы; Иоанна Предтечи; [С. 90] царя Константина и матери его Елены – все эти иконы одной меры – по 2 аршина без полудва вершка длины и по одному аршину 4 вершка ширины. На все иконы из государевой казны было затрачено всего 637 руб. 28 алтын 3 деньги. Кроме того, патриарху сделана была святительская шапка: дробницы все золотые с чернью и финифтью и с камнями— с яхонтами, с лалами и с изумрудами, и жемчугом обнизана. Цена той святительской шапке и с влагалищем 880 руб. 29 алтын⁵⁷. В новой челобитной государю Анфим [С. 91] заявлял, «что писал к нему, государю, надеясь на его царскую неизреченную премногую милость, Иерусалимский патриарх свою святительскую грамоту о милостыне, чтоб ему, будучи в таком святом месте – в граде Иерусалиме, от еретиков и от агарян было чем окупиться, и от того святого места не отженутися и веры христианские не порушить. А преж сего в Иерусалим-град была его государская неизреченная милость – давано им на милостыню и от агарян на окупление». Ввиду этого, согласно просительной грамоте и самого Феофана, архимандрит Анфим и просит государя, чтобы он «о милостыне велел свой государев указ учинить, как ему Бог известит». По указу государя архимандриту Анфиму вручены были приготовленные для патриарха Феофана 10 икон, святительская шапка и пять сороков соболей на 200 рублей, и затем повелевалось отпустить его из Москвы⁵⁸.

В феврале 1645 года в Москву явился с грамотою Феофана грек Фома Иванов. В присланной грамоте Феофан рекомендует государю грека Фому Иванова как верного слугу и радетеля царского и пишет, «что приказали есмя тайно объявити из уст о подлинной истине

⁵⁷ «На оклад на те иконы пошло ефимочного серебра, которое взято из сибирского приказу пуд 8 гривенок и 25 золотников, цена по 7 рублей фунт, итого 337 рублей 27 алтын 3 деньги. Да на тот же оклад пошло листового золота 7300 листов, цена по 9 рублей, по 24 алтына, по 2 деньги тысяча, итого 71 руб. 6 денег. Да на венцы и на подписи взято из казны 44 золотых, по рублю золотой, итого 44 рубли. Да серебряным мастерам от того иконного оклада от дела дано 65 рублей. Всего на иконной оклад изошло 517 рублей, 28 алтын, 3 деньги, опричь того, что дано от письма иконописцам, а с тем 637 рублей, 28 алтын, 3 деньги». Сделана святительская шапка. «В тое шапку золота пошло и с угаром 2 фунта, 82 золотника с ползолотником, цена по 40 алтын золотой. Да в тое ж шапку поставлено камня, а взято из мастерские палаты: 2 яхонта лазоревых сержных, цена 70 рублей, и те яхонты растерты на два и сделано четыре яхонта и огранены, да четыре яхонта лазоревых в гнездах, золотых, цена по 8 рублей яхонт; да из приказу золотого дела взято: яхонт червчатой в гнезде золотом, цена 6 сержный 18 рублей; 5 яхонтов червчатых по 20 алтын яхонт; 20 искорок изумрудных, цена 5 алтын по 2 деньги искорка; 8 яхонтиков червчатых, по полтине камешек. Да в тое ж шапку поставлено на дробницы палини 44 зерна бурминских, по рублю зерно; да на обнизку около дробниц пошло жемчугу 51 золотник с четью, цена по 4 рубли золотник. В тое ж шапку пошло аршин атласу, цена 30 алтын, поларшина камки вишневоы, цена 15 алтын; 2 аршина тафты лазоревой на рубль на 13 алтын 2 деньги; поларшина сукна темно-вишневоы на один рубль, 6 алтын, 4 деньги; 2 аршина киндяку лазоревы на 6 алтын 4 деньги; 8 горностаев по 2 алтына с деньгою горностаей; да на оболочку лагалища пошло 2 сафьяна зеленых, цена рубль, 6 алтын, 4 деньги; да полтора золотника шолку белаго и лазоревы на 10 денег; поларшина полотна белаго на 6 денег; бумаги хлопчатой круг венца фунт – 3 алтына; да от лагалища и за дерево дано от дела 36 алтын, 2 деньги. И всего той шапке цена 880 рублей, 29 алтын». Шапка и иконы выданы были архимандриту Анфиму из Посольского приказа с распискою (Греческие дела 7162 г. № 3; 7202 г. № 20. Греческие статейные списки № 12, листы не занумерованы).

⁵⁸ Греческие дела 7152 г. № 3.

– о лукавом воинстве, что хотят воевать ко святому Господню стаду», заявляет, что чего было невозможно ему «писати и объявити подлинно», то он поручил устно передать посланному им Фоме Иванову. Это была последняя грамота в Москву патриарха Феофана. Привезший ее грек Фома [С. 92] Иванов заявил в Посольском приказе, «что Иерусалимский патриарх Феофан дал ему к великому государю грамоту декабря в 10 день, а приезжал Иерусалимский патриарх во Царьград к турецкому Ибрагим-султану для обновления грамот и грамоты у него обновил, а стало-де ему за обновление 9000 ефимков. А как он, Фома, из Царяграда поехал, декабря в 11 день, и после того пришла весть из Царьграда в молдавскую землю, что того Иерусалимского патриарха Феофана в Цареграде не стало, а представился он декабря в 15 день, и о том-де, чаю, писал ко государю Александрийский патриарх (Александрийский патриарх Никифор действительно извещал государя о смерти Феофана), а кому-де быть во Иерусалиме патриархом на Феофаново место, про то-де еще не ведомо. А приказ-де от Иерусалимского патриарха Феофана был нынешнему Цареградскому патриарху Парфению, да молдавскому владетелю и воеводе Василию, чтоб они после его, Феофановой, смерти учинили Собор, собрав многих властей, и с Собору бо выбрали на его место в патриархи духовнаго чину добраго пастыря».

Скоро получены были в Москве известия и от других лиц, подтвердившие сказанное о смерти Феофана греком Фомою Ивановым. Так, тайный русский политический агент в Константинополе, халкидонский митрополит Даниил, извещал государя, что Феофан представился в Константинополе 15 декабря 1644 г., «а в 16 день погребли его в халкидонской области в Богородицком монастыре, возле Иеремия-патриарха». Иерусалимский архидиакон Макарий, извещая государя о смерти Феофана, делает такое курьезное замечание: «Иного еще не поставили, а надеемся [С. 93] поставить в патриархи митрополита Симона⁵⁹, что приехал к вам от вашего царствия с грамотою. Мы послали грамоты в Иерусалим (из Константинополя) к нему, буде он захочет быть патриархом, но к нам еще вестей от него не бывало». Вифлеемский митрополит Афанасий со своей стороны писал государю: «Услыша молдавский воевода господин Василий про смерть блаженнаго патриарха, повелел изобрести из вотчин Святаго Гроба из монастырей строенья Петра-воеводы и бурновскаго воеводы игуменов, а избрав, поставити властью и послати в Иерусалим. А мы, – добавляет Афанасий, – на ево Васильево повеленье полагаемся». Наконец, приехавший в Москву грек Исаия Остафьев сообщил, что Василий-воевода и иные избрали в Иерусалимские патриархи архимандрита Паисия, который жил в Яссах, в вотчинах Святаго Гроба⁶⁰.

Феофан не только сам часто обращался в Москву с просьбами о милостыне Святому Гробу, но нередко ходатайствовал перед русским правительством и за других просителей милостыни, которые, зная о влиянии и значении Феофана в Москве, старались заручиться его рекомендацией, благодаря которой они встречали в Москве радушный прием и получали достаточную милостыню.

Особенным расположением Феофана, исключая собственно палестинские монастыри, пользовалась прежде всего знаменитая Синайская обитель, которую он считал принадлежащей к его патриархату и за которую он не раз ходатайствовал перед русским правительством.

[С. 94] В первый раз синаиты обращались в Москву с просьбой о милостыне еще в 1519 году при великом князе Василии Иоанновиче, который очень радушно принял прибывших в Москву двух синайских старцев, посланных игуменом Даниилом, и послал с ними в монастырь милостыню: «шестьсот золотых вещми, собольми и белкою, и зубом рыбьим, и лисицами». Во второй раз синаиты приезжали за милостыней при царе Иоанне Васильевиче

⁵⁹ Сербский скопийский митрополит Симеон, навсегда поселившийся в России, в 1644 г. ездил из Москвы на поклонение Святым Местам и после был у нас казанским митрополитом.

⁶⁰ 7153 г. № 21, 30, 36; 7154 г. № 6.

в 1558 году с рекомендательной грамотой Александрийского патриарха Иоакима, знаменитого своим долголетием и святостью жизни. Тогда царь послал в монастырь «рухляди на восемьсот золотых угорских», да синайскому архиепископу «шубу соболью под бархатом». В 1571 году царь послал архиепископу Евгению на помин царицы Анастасии 100 руб., да на помин своего брата 50 руб. с особою грамотой, в которой замечает: «А послали есмь ныне к тебе по них милостыню не сполна для нынешняго путнаго дальняго шествия... а еже даст Господь Бог вперед для вечнаго поминания большую свою милостыню, к вам по них пришлем». Это обещание Грозного исполнил уже сын его Феодор, который послал на Синай милостыни 850 руб., причем грамотой просил архиепископа Евгения устроить две неугасаемые лампы, одну – у неопалимой купины, другую – над мощами великомученицы Екатерины, на что особо послал 54 рубля с тем, «чтоб те кандила (лампады), покаместа тех денег на масло станет, горели день и ночь непрестанно за наше здравие и нашей царицы и о чадородии нашем в наследие царствия нашего». В то же время царь Феодор дал синаитам свою жалованную грамоту, по которой они без всяких препятствий и задержек могли всегда [С. 95] приезжать в Москву за милостынею. В 1593 году, по случаю учреждения в Москве патриаршества, когда на Восток была послана большая милостыня, Синайская обитель получила 430 золотых. Приезжали синаиты в Москву за милостынею и в 1605 году, так что между Москвою и Синайским монастырем установились вообще определенные добрые отношения, которые, однако, при Феофане подверглись раз опасности нарушиться.

В 1623 году в Москву приехал за милостынею так называемый в тогдашних приказных делах «синайский митрополит Иеремия» с просительною грамотой к государю о милостыне от всей братии Синайской горы и всего Собора Палестины и с рекомендательною грамотой патриарха Феофана. Последний писал государю: «Ведомо буди, самодержавный царю, что род наш обладай бысть агарянскими языки, многую нужду терпит и труды для православной веры; и святые монастыри здесь имеют и терпят великую нужду и харчи великие чинят. Да большии иных всех монастырей терпит Синайская Богоявленская, и не имеет нигде главы приклонити, и прибегнути, и милости обрящити. Прибегают к тебе, милостивому, к милосердному царю, потому что ведаем царствие твое и потому послали есмь сего преосвященнаго митрополита, брата и сослужбника смирения своего, господина Иеремия, что бывал преж сего в Радосе-граде, мужа верна и любезна святые горы Синайские, послан бысть от епископа боголюбиваго и от всего Собора к тебе, государю, для милостыни и помощи. О том молим к тебе, государю, да приимешь его». В грамоте к Филарету Никитичу Феофан также рекомендовал Иеремию и просил патриарха, чтобы он со своей стороны ходатайствовал [С. 96] перед государем о неоставлении милостыней бедствующего Синайского монастыря.

Благодаря рекомендации Феофана Иеремия был принят Филаретом Никитичем с особенной честью и одарен им щедрее, чем другие греческие митрополиты, бывшие тогда в Москве. Поощренный этим первым успехом, Иеремия, конечно, в видах получить еще большее, подал Филарету Никитичу любопытную челобитную, в которой говорится следующее: «Молим Богу и весь поработенный род греческой, чтобы нам сподобил Бог видеть на Вселенском Константинопольском престоле царя царей, великаго государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всея Руси самодержца, да и мы обрящем покой и легкость». Затем, благодаря патриарха за милостыню ему, митрополиту, просит ему пожаловать еще три образа, «да отвезу их к трем патриархам: Константинопольскому, Александрийскому и Иерусалимскому, занеже путное наше шествие будет мимо их, и им буду рассказывать, что те иконы я на них выпросил». Далее Иеремия повествует в челобитной: «Да в месяце октябре в сновидении видел я, смиренный грешник: явился мне святой Сергей, как бы я с ним был на горе Хориве, ид еже видяше Илия пророк Божие видение, и рек ми и указуя пещеру: тут-де был Стефан-чудотворец, занеже тут пустынничал. И аз грешный и недостойный не возмог есми с святителем поговорити (здесь Иеремия сильно ошибся: он, очевидно,

не позаботился навести более точные справки о прп. Сергии и потому неудачно назвал его святителем), зряще величество его и страшное зрение, только пал на землю безгласен. По сем молю много-много для любви Христовой и для любви [С. 97] святительевой, отпустите меня, да облобызаю и поклонюсь святому сему Сергию, да ми простит согрешение мое, а большая мзда да будет на святительстве твоём». Очевидно, Иеремия был ловкий бывалый человек, смело пускавший в ход все средства для своей наживы. Испрашивая иконы для поднесения восточным патриархам, он основательно рассчитывал, что эти иконы должны быть, как царский подарок, очень ценны, так что от продажи их он может выручить себе порядочную сумму. Его рассказ о видении ему прп. Сергия был рассчитан на то, что ради этого обстоятельства богатый Троице-Сергиев монастырь, куда он отправлялся, окажет ему особую щедрость, так как сам прп. Сергий явил к нему небывалую относительно греков милость – удостоил его, еще на Синае, своего видения.

Все это так смело и, по-видимому, удачно веденное Иеремией дело совершенно неожиданно рушилось. На него последовал донос со стороны сопровождавших его синаитов, архидиакона Неофита и старца келаря Паисия, которые заявили, что Иеремия патриаршим Собором был лишен митрополитства и ему запрещено служить, что после запрещения он был в Риме, служил с папою, целовал его в ногу и вообще отпал от Православия, но потом вернулся из Рима в Синайскую обитель, которой он был постриженником, и слезно просил архиепископа и братию снова принять его в монастырь. В надежде на его раскаяние и исправление его приняли и потом послали в Россию, придав к нему их, старцев, для наблюдения за ним. Дорогою они собирали милостыню, но Иеремия скрывал ее от них и обращал в свою пользу. Получив в Москве милостыню, он не хочет теперь возвращаться [С. 98] в монастырь и задумал убить их в литовской земле. Поэтому они просят отпустить их из Москвы отдельно от митрополита и отобрать у него все принадлежащее монастырю.

Донос должен был произвести сильное и удручающее впечатление на царя и патриарха. Митрополит, которого патриарх Феофан называл своим сослужбником, мужем верным и любезным, которого ради этой рекомендации Феофана приняли в Москве с особой честью, который, конечно, за свою добродетельную и святую жизнь, удостоился будто бы видения прп. Сергия, в действительности оказывается лишенным сана папешником, каким-то пройдохю. Кому же и чему после этого верить? Пришлось произвести допрос с очными ставками, причем Иеремия заявил, что 19 лет тому назад он был поставлен митрополитом в Родос, но через три года добровольно удалился на Синай, не желая давать трех тысяч золотых Константинопольскому патриарху Рафаилу, которые тот просил у него, «а если сыщется, что он от митрополитства отставлен, то он уже не будет у государя и патриарха просить пощады». Затем Иеремия показывал, что из Синая он ездил в Индию, потому что португальская королева Екатерина оставила в Индии для Синайской горы на помин своего мужа 500 золотых, которые он вместе с другою собранною им милостыней привез в Синайский монастырь и затем был послан в Испанию. В Риме он действительно был по следующему случаю: дает-де испанский король в Синайскую гору по 500 золотых, и так как те золотые он не присылал, то Собор синайских старцев послал его и еще четырех старцев с ним в Испанию за теми золотыми. [С. 99] В Испанию они отправились через Рим и были у тогдашнего папы Павла V, но от греческой веры не отставали и с папою он, как его ложно обвиняют, не служил, тем более что папа со властями никогда не служит, а всегда один. Папа писал к королю испанскому о выдаче тех золотых, да и сам послал от себя в Синайскую гору 500 золотых, на что есть у него листы. Были затем они во французской земле, а французский король посылает в Синайскую гору ежегодно 1000 золотых – эти присылки от французского короля начались уже лет двадцать назад. Всего за милостыней он ходил лет с пять. Это совсем неожиданное и очень соблазнительное для русских показание Иеремии о милостыне Синаю со стороны папы и католических королей оспаривалось бывшим тогда в Москве силистрийским

митрополитом и обвинителями-синаитами, которые заявляли, что папа и короли испанский и французский в греческую землю ни в какие места никогда ничего не присылали, что от всех греческих патриархов то заклято, чтобы не только от папы, но даже и от всякого простого человека папезской веры милостыни ни одной денги не принимать и ни в чем с ними не сообщаться. Но Иеремия в доказательство справедливости своего показания представил листы: один от папы Римского в Синайскую гору, другой – от английского короля, третий – от испанского. Иеремию поспешили отправить в Константинополь, «чтобы он там очистился от всего пред тамошнею властью... А в Рим к папе, и в англицкую, и во французскую землю ему не ездить; а буде он в те неверные государства поедет, и он будет проклят в сем веке и будущем»⁶¹.

[С. 100] Как сильно смутило и огорчило царя и патриарха дело Иеремии, видно из того, что Филарет Никитич решил написать о нем особую грамоту самому Вселенскому Константинопольскому патриарху с подробным изложением всего прискорбного дела. «Буди ведомо вашему святительству, – пишет он в грамоте, – из давних лет с тех пор, как греческую власть захватили измаильские внуки, обычай имеют приходить к благочестивым и христоролюбивым царям российским, греческой области святейшие патриархи, и митрополиты, и архиепископы и прочие священные иноки милостыни ради и искупления святых мест, захваченных турками, и донныне приходят. Мы таковых принимать привыкли, и дарами и милостынею не только их обогащать, но и святым местам потребное посылать, и тем плачущих и оскорбляемых утешать и, таким образом, почтивши приходящих к нам, отпускали восвояси. Ныне же пришел к нам от святой горы Синайской митрополит Иеремия, объявляя, что прежде был родоссаго острова митрополит, милостыни ради, с ним же вместе и другие пришли. Мы, по обычаю нашему, человеколюбно приняли их, ибо они принесли с собою грамоты от блаженнаго Феофана, патриарха Иерусалимскаго, которого, как говорят, встретили в Константинограде. Потом, не знаю какой ради вины, Иеремия начал враждовать с пришедшими с ним, называя их чуждыми христианскаго звания и жития недостойнаго, истиннаго же свидетельства о том против них привести не мог. Они же, видя его злые поступки, восстали против него и во многом обвинили». Затем он подробно сообщает самые обвинения и произведенные по поводу их допросы⁶².

[С. 101] В 1625 году, 15 сентября, прибыло в Москву новое синайское посольство с архимандритом Малахией во главе, долженствовавшее изгладить то дурное впечатление, какое ранее произвело в Москве посольство митрополита Иеремии. И это посольство привезло с собою рекомендательные грамоты Феофана, которому, впрочем, и необходимо было так или иначе объяснить с московским правительством относительно посольства митрополита Иеремии. Действительно, в грамоте к Филарету Никитичу Феофан пишет: «Прежде сего присылали к вашему святительству из Синайские горы некотораго бывшего родоссаго митрополита и с иными монастырскими людьми, не знаючи его дела и разума, что он за злой свой разум отставлен от патриарха», а теперь посылает верных царских богомольцев архимандрита Малахию с другими старцами, которых просит принять милостиво. «И сего ради пишем, – продолжает Феофан, – что Синайская святая гора под нашею Иерусалимскою областью, и архиепископ того монастыря поставляетца у нас в Иерусалиме, и что есть ныне архиепископ господин Иоасаф писал к нам со всем Собором святаго монастыря, моля нас, чтоб мы отписали к великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси и твоему святому великому святительству с молением, чтоб вам их принять милостиво, понеже бо раби и богомольцы ваши истинные, а они от беззаконных арапов многие нужды и харчи терпят». В грамоте государю Феофан просит его милостиво принять послан-

⁶¹ Греческие дела 7131 г. № 5.

⁶² 7132 г. № 3.

ных от синайского архиепископа Иоасафа и от всего святого Собора от царской обители, которая «создана от царя Устиняна, который воздвиг св. Софию Премудрость Божию». Русское правительство, [С. 102] желая показать, что оно уже забыло дело Иеремии и не придает ему более никакого значения, не только очень радушно приняло новое посольство синаитов, но и одарило его с большею на этот раз щедростью, чем обычно⁶³.

В 1629 году прибыл в Москву за милостынею синайский архимандрит Исаия, с которым Феофан писал государю, чтобы он оказал милость посланным в Москву синаитам, «понеже они с великою нужею и бедностью исправляют святой монастырь сей в пустыне той великой меж многих араплян», которым они платят постоянную дань. В грамоте от 15 июня 1686 года, присланной в Москву с синайским архимандритом Паисием, Феофан пишет государю о синаитах: «Ныне пишем, что приехали отцы святые Синайские горы преподобный архимандрит господин Паисий вместе с келарем Евгением и с товарищи, а едут к святому, и к державному, и превысочайшему твоему царствию милостыни ради. По своему царскому обычаю пожалуеши их, милостивой царю, для святого и царскаго монастыря, а тот монастырь под нашею областью и престолом. Сию благодать воздаем и свидетельствуем истинно и праведно, что имеют они великие протори, и о том молим и просим твоего царскаго величества, да восприимеши их в тихом образе и помощь сотворишь им»⁶⁴.

Покровительствовал Феофан и некоторым афонским обителям, о которых он посылал в Москву рекомендательные грамоты. Так, в 1623 году прибыл в Москву за милостынею афонского Ватопедского монастыря [С. 103] игумен Никодим, с которым Феофан от 10 июня 1622 года писал государю: «Послан есть по святую милостыню преподобный отец Никодим, игумен святогорской Ватопедской, зане многая нужная потреба монастырская понуди его, не точию же, но и долги и бесчисленные напасти агарянские; еще ныне и глад у них есть. Тем же аз знаючи место тое святое и его честную особу, прилежно молю, да усердным сердцем и благословенною рукою изобильно подайте руку помощи и святую милостыню». В 1631 году прибыли в Москву за милостыней просители из афонской лавры св. Афанасия, за которых Феофан просил царя и патриарха, свидетельствуя о бедственном состоянии лавры и о необходимости для ее существования царского вспоможения. Из этого же монастыря в 1641 году приезжал в Москву за милостыней архимандрит Иосиф со старцами, причем Феофан писал государю, что когда он, Феофан, был в том монастыре, то старцы просили у него рекомендательной грамоты к государю. «И мы ныне, – заявляет Феофан, – пишем к великому твоему царствию, молим и просим, да пожалуешь приимеши их в милостивом образе и воздашь им милостыню, да будешь новый соорудитель для того, что они имеют великую налогу от иноплеменных держащих нас и имеют неоплатный долг... Посем молим и мы великаго твоего царствия, да восприимеши их, что они люди добрые и верные от святого и славнаго монастыря, да пожалуй им свою царскую жалованную грамоту, чтобы им держать в монастыре для памяти вашего царскаго величества жалованья». В том же 1641 году Феофан ходатайствует перед государем за посланных афонского Благовещенского Филофеева монастыря, [С. 104] чтобы государь дал им свою милостыню «и на монастырское строение, чем им кельи починить, и оплатить долг»⁶⁵.

И за другие греческие монастыри нередко ходатайствовал Феофан перед русским правительством. В 1630 году в Москву приехал Парфений, архимандрит Никольского погорянинского монастыря. С ним Феофан писал государю, что монастырь «иже во святых отца нашего Николая, архиепископа Мирликийского, Чудотворца пребывал в добре в руках греческих и в богатстве, и ныне наводнениями лукаваго диавола раззорили агаряне многие пречудные

⁶³ 7134 г. № 17.

⁶⁴ 7138 г. № 12; 7144 г. № 19.

⁶⁵ 7131 г. № 4; 7140 г. № 3; 7149 г. № 15 и 20.

церкви Божии и монастыри в месте том. И ныне таким же делом сей монастырь раззорился от безбожных агарян до конца, – тому есть лет сто, как разорен. А еже всеблагий и милосердый Господь, всем Церквам глава, что есть дал по божественному своему по ревнованию сему архимандриту господину Парфению, смыслом своим и разумом, опять соорудил и воскресил от основания, и обновил и украсил, якоже по-прежнему, и собрал до 30 человек братии. Но ненавистник всякой добродетели диявол вложил мысль некоему вельможе агарянскому опять раззорить до основания святую обитель. Только 60 000 денег, обещанных безбожному вельможе, спасли монастырь от уничтожения. Вследствие сего обещания архимандрит задолжал и теперь прибегает к его царскому величеству за помощью и милостынею на освобождение от того тяжкаго долга». В 1644 году 26 октября Феофан писал государю рекомендательную грамоту об архимандрите Иеремии морейского Успенского монастыря. [С. 105] В ней он говорит: «Промеж двух областей – Коринфы и Палеопатры – пребывает славный монастырь во имя Пресвятой Богородицы в великой пещере, строение блаженнаго и благочестиваго царя бывшаго – Андроника Палеолога, и в нем пребывает святая икона, что писал апостол и евангелист Лука, образ Пресвятыя Богородицы, своею рукою, и многие чудеса творит, исцеляет всяких немощных и недужных, которые прибегают к ней с верою по сей день. И ненавистник роду христианскому научил некоторых злых людей, и зажгли около монастыря, и монастырь весь стгорел, только Бог сохранил одну божественную церковь, и учинился им великий изьян и протори. И се та церковь от многих лет развалилась, и они, отцы, с великими долгами и трудами изнова ту церковь от основания всю каменную со сводами для крепости ото всякого страху построили, и от того тот монастырь одолжал неизреченным долгом, и, сверх того, в проторех на всяк день от приезжих стоялыщиков. И они, тамо пребывающие братия, хотя от такого долга оплатиться, заложили святые церковные сосуды и не возмogli оплатиться от такого долга, у смыслили промеж себя, избрали и посылают к великой вашей царской милости преподобнаго архимандрита господина Иеремия помощи ради». Затем Феофан просит государя дать милостыню бедствующей обители в размере, как ему заблагорассудится⁶⁶.

Между рекомендательными грамотами Феофана встречаются и такие, которыми он ходатайствовал перед государем и патриархами за отдельных каких-либо [С. 106] лиц. Так, в 1630 году приехал в Москву греческий архимандрит Григорий, о котором Феофан писал государю: «Извещаю самодержавному твоему царствию, яко писание се о священномонахе, о господине Григорие, архимандрите великие церкви: от Бога удался, освободил (Григорий) двух невольников – бегали от стороны измаильские и взял их доедучи в молдавской земле, и прибежали за ними хозяева их, и поймали и посадили в тюрьму, и ограбили житие его все и хотели его казнить. И некоторые христиане о нем тружались, окупили его от безбожных агарян и из тюрьмы освободили за 28 000 турецких денег, а взяти им того долгу негде, и головы своей приклонити не имеют нигде, – приедут к благоутробному царствию твоему и призри его милосердным своим оком и пресветлым лицом, яко подобает, и милостину ему подай, како благоизволишь, чтоб возможно было ему тяжкий долг свой оплатить – 28 000 денег». В том же году Феофан писал государю об архиепископе Македонском из погоянинского Петропавловского монастыря Софронии, что он разорился от тяжкаго долга, наложенного на него агарянами, которым он заложил все сосуды церковные и священные одежды, чтобы тем хотя сколько-нибудь облегчить свое бедственное положение, почему Феофан и просит государя помочь бедному архиепископу освободиться от долга и тем избежать тесноты агарянской. В грамоте к Филарету Никитичу, извещая его о горькой участи Софрония, просит не оставить достойнаго архиерея ходатайством перед государем и дарованием ему от себя милостыни. В том же году в Москву прибыло два грека, о которых Феофан писал государю,

⁶⁶ 7138 г. № 17; 7153 г. № 26.

«что сперва они были благодатны и [С. 107] покойны, но нечестивые и безбожные агаряне, яко суть всегда они недруги и ругатели веры нашей, ограбили их ношью разбойническим обычаем и все животы их побрали и, сверх того, двух из детей обусурманили в свою нечестивую веру и ушли. Было у них иные четверо детей, и они заложили их у безбожных в руках за 40 000 денег, и ныне им долгу оплатить нечем – взять негде и головы свои приклонити не имеют нигде, прибегают к милосердому святому твоему царствию, просящи помощи. И сего ради молим великому твоему царствию, призри их». В том же году Феофан прислал в Москву своего служителя Андрея с грамотою к государю, в которой просит его дать Андрею милостыню на окуп его родителей, которые арестованы турками. Или, например, Феофан так пишет о некоем греке Константине: «Сей крестьянин, именем Константин, жил в Царьграде на Калате, ремеслом серебряный мастер. И скорым делом учинился пожар и выгорела одна сторона на Калате и сгорела у него лавка со всем товаром, что имел дела чужие – боярские и те дела растопились, а иные разграбили серебряное и золотое – счетом на две тысячи ефимков. И потом сей Константин, продав все свое имение – дом и винограды, и заплатил 1200 ефимков, а осталось еще 800 ефимков. И заложил жену свою и детей в иноплеменных руках у турчен и, не имея, где прибегнути», обращается за помощью к царю⁶⁷.

Справедливость требует, однако, заметить, что далеко не все рекомендательные грамоты, писанные от имени Феофана и привозимые в Москву разными просителями [с. 108] милостыни, в действительности принадлежали патриарху Феофану. Между этими грамотами, несомненно, немало было и подложных, сфабрикованных разными проходимцами в Молдавии, где умели подделывать и патриаршие подписи, и самые патриаршие печати. А так как патриарх Феофан был особенно почитаем и уважаем в Москве и его рекомендации имели здесь особенно веское значение, то и злоупотребления его именем были поэтому особенно часты. Это хорошо знал и сам Феофан, почему он и решился предостеречь от наглых обманщиков русское правительство. В 1636 году прибыл в Москву грек Иван Петров, который от имени Феофана сделал в Посольском приказе на имя государя такое заявление: «Молит (патриарх Феофан) великому твоему царствию: которые приезжают с грамотами к великому твоему царствию монастырские старцы и бельцы, и вам бы им не верить, потому что блаженнейший патриарх грамот никому не дает, только своим людям о милостыне»⁶⁸. Что злоупотребления патриаршим именем со стороны разных проходимцев, являвшихся в Москву в качестве бедствующих просителей милостыни с подложными рекомендательными патриаршими грамотами, были действительно значительны, это видно не только из приведенного заявления Феофана, но и из того, что преемник Феофана, патриарх Паисий, вскоре по вступлении на патриарший престол счел необходимым предпринять против этого сильно распространившегося зла особые меры, вполне справедливо полагая, что наглые обманщики своими проделками и недостойным [С. 109] поведением в Москве могут дискредитировать в глазах московского правительства как настоящих, действительно заслуживающих помощи просителей милостыни, так и самих патриархов, именем которых они прикрываются. В этих видах в 1646 году патриарх Паисий писал государю: «Извещаю великому и державному и святому вашему царствию о некоторых торговых людях и черньцах: что они научились составлять ложные печати и пишут грамоты будто от меня и привозят к царствию вашему, и за то им подобает великое наказание и поучение, чтобы не обманывали народ христианский, также и царей. И сего ради посылаю сие мое знамя (печать), чтобы вам вперед было ведомо и верно: которые люди учнут вперед приезжати от нас с двумя печатями: большая печать по

⁶⁷ 7138 г. № 5, 7, 17, 24; 7156 г. № 20.

⁶⁸ 7114 г. № 9.

достоянию внизу грамоты под подписью, а меньшая печать поверх грамоты с правой руки у титула, – по тому учнете узнавать вперед те наши грамоты»⁶⁹.

Таким образом, сами патриархи указывали русскому правительству на существующие злоупотребления со стороны просителей милостыни, внушали ему осторожность и разборчивость в отношении к ним, предпринимали и со своей стороны некоторые меры, чтобы предохранить московское правительство от возможных обманов со стороны недобросовестных просителей милостыни. Но нашему правительству очень трудно, однако, было разобратся в массе просителей, чтобы отличить между ними настоящих от обманщиков и уличить последних, так как все просители обыкновенно старательно прикрывали друг друга и [С. 110] наше правительство не имело средств, а часто и охоты заниматься раскрытием обманов со стороны некоторых просителей милостыни. Только в тех случаях, когда просители, не поладив почему-либо между собою, подавали правительству жалобы друг на друга с взаимными обличениями, оно поневоле начинало расследование этих жалоб и уличенных в обманах и разных неблагоприятных проделках или высылало за границу, или посылало на смирение в какой-либо русский монастырь, пока не исправятся.

Представленный очерк сношений Иерусалимского патриарха Феофана с русским правительством приводит к следующим заключениям.

После падения Константинополя Феофан был первый греческий патриарх, который получил возможность оказать и действительно оказал влияние на внутреннюю русскую церковную жизнь в смысле ее сближения с тогдашней греческой церковной жизнью. Благодаря ему у нас были оправданы и признаны правильными книжные исправления, совершенные прп. Дионисием под влиянием книжных исправлений прп. Максима Грека и отчасти при помощи греческих печатных книг; благодаря Феофану изменены были у нас некоторые старые неправые церковные обычаи вроде трикратного раздавания Святых Даров в Таинстве Евхаристии и, вероятно, другие, так как государь и Филарет Никитич советовались с Феофаном о разных духовных делах и руководствовались его внушением «древних уставов четырех патриаршеств не отлучатися». Благодаря этому обстоятельству, со времени пребывания Феофана в Москве русская церковная жизнь, со времени падения Константинополя почти совсем было отстранившаяся от тогдашней [С. 111] греческой церковной жизни, начинает снова заметно подчиняться греческому влиянию, которое развивается затем в полной силе уже при патриархе Никоне.

Со времени пришествия в Москву Феофана устанавливаются самые близкие и постоянные сношения между иерусалимскими патриархами и русским правительством, которое благодаря постоянно присылаемым в Москву патриаршим грамотам и устным разъяснениям в Москве патриарших посланных знакомится с тогдашним положением Святых Мест, из-за которых шла упорная борьба православных с католиками и армянами, причем русское правительство начинает принимать хотя и косвенное, но все-таки деятельное участие в этой борьбе, посылая Иерусалимскому патриарху более или менее значительные подарки и денежные дачи на искупление и поддержание Святых Мест в Палестине. Эта именно сторона в сношениях нашего правительства с Феофаном составляет центральный пункт этих сношений ввиду того, что Феофану во время его патриаршества действительно пришлось вести продолжительную и упорную борьбу из-за Святых Мест то с католиками, то с армянами, почему он постоянно нуждался в денежной помощи. В 1629 году католики овладели Святою Пещерою и Голгофою и даже искали убить самого Феофана, который только благодаря счастливой случайности избежал смерти. Ему, однако, удалось выхлопотать у султана фирман, возвращавший православным отнятые было у них Святые Места. В 1634 году латиняне снова возобновили борьбу с православными и благодаря подкупу турецких властей

⁶⁹ 17154 г. № 18.

овладели было Святыми Местами; но православные перенесли дело на рассмотрение верховного [С. 112] суда и остались победителями. И сильные своим богатством армяне точно так же задумали было в 1633 году отнять у греков первенство при Святом Гробе, опираясь на расположение к ним визиря и на подкуп одного пашы, друга султана. Беда угрожала православным серьезная, тем более что армяне тратили на подкуп огромные суммы (до 160 тысяч флоринов). Но и на этот раз греки нашлись и ловко сумели обратить дело в свою пользу, так что султан приказал даже казнить своего подкупленного армянами друга пашу, а также важнейших армян, зачинщиков этого дела⁷⁰. Борьба с латинянами и армянами требовала больших денежных затрат, так что Феофану приходилось закладывать и утварь Святого Гроба, и свою собственную митру, приходилось занимать деньги под большие обременительные проценты, вследствие чего у патриархии явились большие долги, которые нужно было уплачивать. Этим тяжелым материальным положением Иерусалимского патриархата и объясняется, почему Феофан чуть не в каждой грамоте, посланной им государю, жалуется обыкновенно на беды и тяжелое положение Иерусалимского патриаршего престола, особенно вследствие притеснений и несправедливостей, какие тогда приходилось терпеть православным от происков латинян и армян, почему он чуть не в каждой грамоте просит и молит государя о присылке милостыни Святому Гробу, постоянно твердит о том, что без царской поддержки и милостыни они могут окончательно погибнуть под натиском неверных и иноверных; этим же объясняется и то обстоятельство, почему Феофан так ревниво и подозрительно отнесся к Веррийскому [С. ИЗ] митрополиту Аверкию, предположив в нем враждебного ему человека, способного умалить посылаемую из Москвы милостыню Святому Гробу. Русское правительство со своей стороны всегда очень внимательно относилось ко всем просьбам и ходатайствам Иерусалимского патриарха, выражало полное сочувствие его бедственному положению и оказывать посильную денежную помощь бедствующим Святым Местам стало считать с этого времени своею прямою, непременною обязанностью.

Наконец, с Феофаном выступила и совершенно новая сторона в сношениях иерусалимских патриархов с русским правительством, какой вовсе не было ранее при патриархах Германе и Софронии – Феофан первый из иерусалимских патриархов делается тайным русским политическим агентом в Турции, сообщаящим в Москву разные политические вести, касающиеся тогдашнего положения дел в Турции. Уже в настольной грамоте Филарету Никитичу Феофан заявляет, что им, восточным иерархам, пользующимся милостями царя, «надлежит всею душою и мыслию святому и великому его царствию служить и услуги показывать», хотя практически он начал служить русскому правительству в качестве его тайного политического агента значительно позднее. Русское правительство не имело тогда при иностранных дворах постоянных послов, которые бы на месте следили в той или другой стране за течением политических дел, а между тем знание современного положения этих дел, особенно в Турции, имело для нашего правительства исключительную важность, почему оно и завербовало с конца XVI века к себе на службу в качестве тайных политических агентов разных греков, [С. 114] начиная с патриархов и других духовных особ и кончая простым греком-купцом. Эти агенты обязывались внимательно следить за всем, что происходило в Турции, и обо всем, что узнают, немедленно уведомлять московское правительство через особые вестовые письма, которые пересылались в Москву с верными людьми. Наше правительство сильно дорожило этими вестями, идущими прямо из Турции, и всячески поощряло и награждало за это ревностных и опытных агентов, умевших сообщать в Москву и свежие, и более или менее важные вести. Феофан увидел, какую большую цену придают в Москве сообщаемым из Турции политическим вестям и каким особым расположением московского правительства пользуются его тайные политические агенты в Турции, и потому

⁷⁰ Досифей Иерусалимский. История патриархов Иерусалимских. Кн. XII, гл. I, §§ 3, 6 и 9.

решил поступить в их число, чтобы этим приобрести еще большие милости и расположение русского правительства. В грамоте к Филарету Никитичу в 1634 году Феофан пишет: «А с которыми великими людьми знаемся, и мы всегда их понуждаем на помощь царствию вашему», и тем дает понять, что он, пользуясь своими связями, готов оказывать политические услуги нашему правительству. И действительно, с этого года Феофан начинает более или менее правильно присылать в Москву такие грамоты, в которых, наряду с просьбами о милостыне и известиями о делах Святого Гроба, сообщались и разные политические вести, хотя, правда, очень неважные и почти всегда запоздалые по сравнению с вестями, присылаемыми другими агентами. Побуждения, которые в этом случае руководили Феофаном, он сам довольно откровенно высказывает в одной из своих грамот к государю в 1638 г.: «Пишем и объявляем, что деетцав [С. 115] Цареграде, и о том у нас бывает великий страх – о том бо есть и вам ведомо. Только наша великая любовь и для благочестия твоего и для милостыни, что имеешь к нам, понуждает нас писати и объявляти».

Таким образом, в лице Феофана иерусалимские патриархи знакомятся с русской церковной жизнью и оказывают на нее некоторое влияние, успевают укрепить в московском правительстве убеждение, что оно обязано оказывать материальную помощь и поддержку Святым Местам, и, наконец, сами патриархи поступают на службу к русскому правительству в качестве его тайных политических агентов в Турции.

Глава 3

Сношения патриарха Паисия с русским правительством

[С. 116] Первого декабря 1645 года в Москву прибыл сербский митрополит Симеон, который привез государю известительную грамоту от нового Иерусалимского патриарха Паисия, писанную 18 июля 1645 года. Эта грамота Паисия начинается так:

«Трисолнечная и светона начальная Троица, Бог наш: Отец, Сын и Святой Дух, всю тварь премудростью сотвори неизчетною своею благодатью, Его же славят немолчными устнами со страхом и трепетом многоочитая Херувим и шестокрыльная Серафим и все Небесные Силы; тож и мы на земли, вкупе с ними, недостойными устами поем, и благословляем, и кланяемся, славословим, и глаголем: сей есть Бог наш, а мы людие Его, яко умножи милость Свою на нас и восприя нас неизчетными человеколюбия чудесы и показа нам путь спасению, о Нем же живем и движемся и есмы, Ему слава и держава во веки. Аминь от Бога Вседержителя и Господа нашего Иисуса Христа».

После такого вступления Паисий извещает государя о смерти Феофана, «оставившаго святейший и апостольский престол без наследника, без пастыря [С. 117] и учителя», вследствие чего, согласно древним преданиям святых отцов и церковному чину, составился Собор из преосвященных митрополитов, архиепископов и епископов, преподобных архимандритов и игуменов для выбора и поставления нового патриарха. «Святой архиерейский весь Собор, милостью всеблагаго Бога, избрали и нарекли по закону и церковному преданию меня, богомольца святаго великаго вашего царствия – инокосвященника Паисия, бывшего игумена в божественной и государской обители у Вознесения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, пребывающаго в молдавской земле в Яссах, по повелению благочестиваго и пресветлаго государя Василия, воеводы всея молдавские земли, о Духе сына возлюбленнаго нашего смирения и вернаго друга святаго великаго вашего царствия. И благодатью Пресвятаго Духа стал есми патриархом природным на святом и апостольском престоле Святого Града Иерусалима, месяца марта в 23 день, в воскресной день, в божественной и государской обители иже во святых отец наших Василия Великаго, Григория Богослова, Иоанна Златоустаго, от экзарха преосвященнаго митрополита св. митрополии Ларсы господина Григория, и тутошние молдавские земли преосвященнаго митрополита господина Варлаама и от боголюбиваго епископа господина Анастасия Роудицкаго, и господина Лаврентия Косандрейскаго, по повелению святейшаго и Вселенскаго патриарха господина Парфения, о Святом Дусе возлюбленнаго брата и сослужителя нашего смирения, – и почтили все меня, Паисия, богомольца великаго вашего царствия, природным и истинным Патриархом Святого Града Иерусалима и всея Палестины. И сего ради, благочестивый, державный и великий государь князь Михаил Феодорович всея Руси, [С. 118] объявляем и мы, богомольцы к великому и святому вашему царствию сею нашею смиренною патриаршескою грамотою, сие наше законное восхождение и поставление ко святому и апостольскому сему престолу». Затем Паисий заявляет о своей непрременной обязанности как всегдашнего царского богомольца непрестанно молить Бога о царе, царице и всей царской семье, извещает о получении царской грамоты и милостыни, что была послана государем с архимандритом Анфимом. В заключение грамоты новый патриарх пишет: «Мы, богомольцы ваши, здесь пребываем на нашем патриаршеском престоле, терпим повсядневно великие нужи и труды, и протори неизчетные имеем, и погибаем зело обидимы от безбожных еретиков, что всегда они ищут времени отнять у нас некоторые поклонные Святые Места и стоят с денежною силою и иноплеменными людьми... А мы, богомольцы великаго вашего царствия, стоим преже Божию помощию, а потом силою и

помощию вашего царскаго величества, и всяким раденьем и любовию большою, покаместа живем, да соблюдаем святые и божественные места, якоже соблюли и прежд меня святейшие патриархи, имеючи надежду и упование на великое и святое ваше царствие, что всегда распространяешь благочестивую и высокую святую державу и царскую десницу ко святому и живодавному Гробу Христову, соблюдати от всякие измены сопротивных врагов. Посем не имеем, где восприбегнути и помощи получитьи во многих наших бедах и напастех, токмо к человеколюбию и к милосердию царствия вашего, благочестивый святой царю. Посем Господь наш Иисус Христос да воздаст победу и державу на врагов видимых и невидимых, да распространит и умножит державу [С. 119] великаго вашего царствия в сие земное временное царствие, потом сподобит небесному и безконечному царствию»⁷¹.

Эта первая грамота Паисия вместе с тем есть и первая известительная грамота, какие с этого времени уже обычно стали посылать в Москву все новые последующие иерусалимские патриархи. Вместе с тем она показывает, что Паисий, уже ранее два раза бывший в Москве, позаботился немедленно по вступлении на патриарший престол войти в сношения с московским правительством в видах получения от него на будущее время милостыни и поддержки для Иерусалимской патриархии. Наконец, эта грамота интересна и в историческом отношении, так как в ней сам патриарх Паисий говорит о том, где, кем и при каких условиях произведены были выборы и поставление его в патриархи Иерусалимские.

Смерть царя Михаила Феодоровича и вступление на царский престол Алексея Михайловича дали повод патриарху Паисию послать в Москву с греком Феофилом Ивановым новую грамоту, писанную им от 21 сентября 1646 года, в которой он заявляет по поводу смерти Михаила Феодоровича: «Слышали есми, что весь благочестивый народ имели его (Михаила Феодоровича) единопохвальную и единокровную славу и много неисчетное веселие, якоже да был Богом венчанный православный царь на посрамление еретиком и отпадшим; но и паки к бедным и обидимым от нечестивых – ко архиереом и к архимандритом и ко всем церковным и к мирскому житью и чину – к благочестивым греческим христианом, тоже и мы и апостольский и святой наш престол Святаго [С. 120] Града Иерусалима со всем нашим святым Собором святаго и живодавнова Гроба о Христе с братнею – едино имели его великаго поборника и утверженнаго сильнаго столпа и теплаго помощника ко всякой нужде и надобью ко святому и живодавному Гробу». Нового государя патриарх Паисий просит умножить милостыню ко Святому Гробу, и за это Господь его прославит, как некогда прославил Соломона, соорудившего храм в Иерусалиме. Заявляет, что он, патриарх, пребывает в великих долгах, «и то нам чинят еретики, наиболе арменя и латыни, и те арменя учинили нам великие протори, и для тех проторей мучуся ныне в Цареграде», и в заключение пишет, что по умершем государе не только сам служит сорокоуст, но и дал приказ в Иерусалиме, чтобы там ежедневно служили не сорок дней, а целый год.

В другой грамоте от 25 сентября 1645 года Паисий благодарит государя за все те милости, какие явил Святому Гробу его отец: «Милость ваша царская богатоударная аки солнце восияет и светит во всю вселенную и к теплости его движутца и живут всячески; такожде и святое ваше царствие воскаплет едину каплю росы от милости вашей неизреченные и напоит всех». Затем говорит в грамоте о торговых людях и чернецах, что являются в Москву с подложными патриаршими грамотами, почему он указывает признаки, по которым московское правительство на будущее время всегда может отличить его подлинные грамоты от возможных поддельных⁷².

Патриарх Паисий, ранее уже два раза бывший в Москве в качестве посланца патриарха Феофана, сумел понять и оценить великую важность все более [С. 121] усиливавшие-

⁷¹ 7154 г. № 6.

⁷² 7154 г. № 18.

гося Московского царства для всего православного Востока, почему он и решился войти с московским правительством в близкие сношения не через грамоты только, но через личное посещение Москвы в сане патриарха, как это уже сделал его предшественник Феофан, причем Паисий имел в виду не одну только получку богатой милостыни в Москве, но и иные цели. Так как дело о приезде в Москву патриарха Паисия дошло до нас, то мы и опишем это важное во многих отношениях событие с возможною подробностью.

1 декабря 1648 года в Москву приехали Афонской горы зографского великомученика Георгия монастыря черные попы: Петроний, да Палладий, да Сильвестр, бить челом государю о милостыне по имеющейся у них жалованной грамоте. На допросе в Посольском приказе афонские старцы объявили, «что они из Молдавские земли поехали октября во 2 день вместе с Иерусалимским патриархом Паисием и приехали октября в 19 день в Литовскую землю до города Веницы, и в том городе патриарх остался для того, что из Молдавские земли посылал он, патриарх, к гетману Хмельницкому, а для чего посылал и кого посылал, про то они не ведают. А после того гетман Хмельницкий прислал в Молдавскую землю к патриарху Паисию полковника и он, патриарх, с тем полковником поехал из Молдавские земли в Литовскую землю и приехали в Веницу, а из Веницы полковник поехал к гетману Хмельницкому, а патриарх в том городе Венице остался, – дожидается вести от гетмана Хмельницкого, а какой вести дожидается и о чем меж ними ссылка была, про то они не ведают. И с тем Иерусалимским патриархом едут старцы и [С. 122] бельцы человек с тридцать; а слышали они от патриарха, что он будет к великому государю к Москве для милостыни, и в Путивль хотел быти вскоре».

В тот же самый день, когда афонские старцы заявили в Посольском приказе, что в Москву едет Иерусалимский патриарх Паисий, прислал в Москву государю донесение и путивльский воевода Плещеев с известием, что один приезжий грек на допросе сказал ему, «что в Киеве объехал он Иерусалимского патриарха Паисия, а едет он, патриарх, к великому государю в Москву челом ударити его царскому величеству и в Путивль-де будет он вскоре». Ввиду этого воевода спрашивал государя: «Как Иерусалимской патриарх в Путивль приедит, как его принимать и по чему ему корму давать, и из Путивля его к Москве отпускать ли, и сколько подвод и в дорогу корму дать?» Вследствие этого донесения воеводы к нему немедленно, 2 декабря, послана была в Путивль государева грамота, в которой ему приказывалось: «Как Иерусалимский патриарх в Путивль приедет, и его велено принять и поставить на добром дворе, и в разговоре с ним поговорити про цареградские и про литовские вести, и отпустить его совсем к государю к Москве с приставом, выбирая из путивльцев из лучших людей сына боярского добраго, а корм и подводы дать, как им мочно подняться»⁷³. О времени прибытия патриарха в Путивль, о том, когда он выедет из Путивля, сколько ему дано было корму и подвод, велено было с нарочитым гонцом [С. 123] прислать немедленно отписку в Москву, а посланному с ним приставу немедленно прислать весть в Москву, лишь только патриарх приедет в Калугу, где он должен побывать до царского указа.

Сделаны были и другие предварительные распоряжения на случай приезда в Москву патриарха Паисия. Так, 10 декабря приказал государь послать в Калугу «его государева жалованья – две шубы, в чем ему, патриарху, ехать из Калуги до Москвы: одну соболью под камкою, а другую песцовую под тафтою против прежняго, каковы были посланы из Москвы в Тулу ко прежнему Иерусалимскому патриарху Феофану». Между тем в Москве 19 декабря допрашивали афонских монахов Петрония и Палладия о Иерусалимском патриархе Паисии, из которого монастыря взят он на патриаршество и в котором году и каков он собою ростом⁷⁴.

⁷³ Корму патриарху от Путивля до Москвы велено было дать по алтын на день, да питья: по 3 кружки меду, по 3 кружки пива надень; архимандриту и келарю по 10 денег на день человеку, архидьякону 9 денег, дьякону и простым старцам по 8 денег, людям патриаршим по 6 денег человеку на день.

⁷⁴ Странный на первый взгляд допрос о том, из какого монастыря взят в патриархи Паисий, в каком году и каков он

И зографского монастыря черные попы Петроний и Палладий сказали: Иерусалимский патриарх Паисий был наперед сего в молдавской земле в монастыре Успения Пречистые Богородицы архимандритом и из того монастыря взят в Иерусалим на патриаршество, а в котором году, того они подлинно не упомнят, а ростом тот патриарх Паисий средним, а в плечах широк⁷⁵. Указом государя от 29 декабря [С. 124] велено было послать в Калугу патриарху Паисию с дворца разной рыбы и питья, что давать едучи от Калуги до Москвы патриарху «в почесть», т. е. сверх положенной ежедневной дачи корму и питий.

Между тем путивльский воевода извещал государя, что 5 января 1649 года в Путивль приехал Иерусалимский патриарх Паисий, в свите которого, кроме духовных лиц, было еще «патриарших детей боярских и слуг 25 человек», в которых воевода признал хорошо ему известных греческих купцов. Воевода спрашивал-де патриарха, чтобы он «сказал именно про торговых людей», так как-де в 1648 году состоялся царский указ, чтобы гречанам торговым людям подводы под себя и под товары нанимать на свой счет и поденного корму им в дорогу не давать. Но патриарх про сопровождавших его торговых людей заявил воеводе, что они «хотя и были прежде сево торговые люди, только-де ныне служат ему, патриарху».

Десятого января патриарх Паисий был отпущен из Путивля в Москву, и в тот же день государь отправил в Калугу для встречи там патриарха Федора Мякинина, который должен был поступить по следующему наказу: приехав в Калугу и отдав там воеводе государеву грамоту о патриаршем отпуске, Федор тотчас же должен был идти на подворье к патриарху и здесь сказать ему «от государя речь: Божию милостию [С. 125] великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Руси самодержец (следует полный царский титул)... тебе, святейшему Паисию патриарху Святаго Града Иерусалима, велел поклониться и велел тебя о здоровьи спросить: здорово ли еси дорогою ехал? – А после того говорить: Божию милостью великий государь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Руси самодержец и многих государств государь и обладатель, велел мне тебя встретить в Калуге и велел мне с тобою ехати к Москве и корм тебе давати. Да к тебе ж, святейшему патриарху, великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Руси самодержец, прислал для дорожнаго проезда платья: две шубы, одна соболья под камкою, другая песцовая под тафтою, да сани с полостью и санником, в чем тебе дорогою ехать. А изговоря речь, то государево жалованье ему, патриарху, дати, да ехати с патриархом и с архимандритом его и со старцы и со всеми служебники, которые с ними, к Москве». Кроме того, Мякинину наказывалось: «Дорогою береженье к патриарху и к архимандриту и к старцом и ко всем служебником держать великое, чтоб им в дороге ни от кого безчестья никакого не было, и разведывать, что и ныне он, патриарх, патриаршество Иерусалимское держит ли, нет ли кого на его место иного, и для чего он к государю едет – для милостыни или для иных каких дел, и есть ли с ним какой приказ к государю ото всех Вселенских патриархов?» Сверх того, Федору Мякинину приказано было расспросить про Хмельницкого и вообще про дела малороссийские и польские, «а проведовати Федору приказано было про то опознався с ним (патриархом) гораздо в разговорех, а не явно». В Калугу с Мякининым послано было для встречи патриарха десять стрельцов.

25 января Федор Мякинин доносил государю, что 24 января, в первом часу дня, он встретил за 50 верст от Калуги патриарха Паисия и 25 января расспрашивал его по наказу

роста, когда Паисий ранее два раза был в Москве и ранее прислал в Москву обстоятельную грамоту о времени и обстоятельствах своего избрания в патриархи, просто объясняется тем, что эта инструкция о допросе была составлена еще при приезде в Москву патриарха Феофана и, по тогдашнему обычаю, механически воспроизведена была, когда от приказа потребовали составить инструкцию для встречи и приема патриарха Паисия.

⁷⁵ Досифей говорит про патриарха Паисия, «что он ростом мал, с бороною длинною, смугл, общителен, мужественен, правдолюбив, сановат». Досифей передает ходивший про него, Паисия, рассказ, что будто бы «он один поверг на землю двадцать человек (напавших на него) разбойников и лошадей их взял» (Кн. XII, гл. 1, § 10).

царскому, и патриарх говорил [С. 126] в расспросах, что патриаршество Иерусалимское держит он сам, а в Москву едит он «на твоих великих и преславных государствах российского царствия поздравити и благословити, а от Вселенских патриархов к тебе, государю, никакого приказы с ним нет». Вместе с этим Федор Мякинин, извещая царя, что 26 января патриарх будет ночевать уже под Москвою, в селе Семеновском, на подхожем стану, спрашивал, как поступить ему в этом случае относительно въезда в Москву.

Въезд патриарха в Москву назначен был на 27 января. По указу государя, патриарха должен был встретить за городом князь Евфимий Мышецкий и проводить его до самого Чудова монастыря, где Паисию назначено было жить во время пребывания в Москве. При встрече князю наказано было говорить патриарху: «Милостью Божию и государское имянованье с полною титлою, а после того править от государя патриарху поклон и о здорovia спросити. А после того молвить государское имянованье и что велел государь его, патриарха, ему, князю, встретить и на двор ехать, где ему, патриарху, стоять. А как патриарх приедет к Чудову монастырю, встретить его во святых воротех чудовскому архимандриту Кириллу со всем Собором в ризах, с крестом и кандилы. И как патриарха встретят и патриарх, взем у архимандрита крест, приложится наперед ко кресту сам; потом архимандриту и всему Собору от патриарха благословитися, и пойдет патриарх в соборную церковь архистратига Михаила и ко Алексею чудотворцу, и учнет прикладываться к образам и к чудотворцов раке, и слушать ему литургии соборные, и служить архимандриту самому, а с ними священником и диаконом, а от [С. 127] церкви патриарху идти в келью, где ему велено стоять».

Князю Мышецкому дан был затем наказ, как он должен был вести себя при отправлении им должности пристава при патриархе. Наказ говорит: «А князю Евфиму (вместе с Федором Мякининым) к патриарху береженье держать и над переводчики и над детьми боярскими надсматривать, чтоб патриарху и архимандриту его и старцем и всем его служебником корм давати сполна до росписи⁷⁶. А чего патриарх и в запрос попросит, и им про то сказывать в Посольском приказы, и береженье им во всем к патриарху держать великое, и к нему приходить честно и его чтити потому ж, как и первопрестольника Российскаго государства, святейшаго патриарха Московскаго. Да и того князю Евфимию и Федору беречи, чтоб к патриарху никто не приходил гречан и турчан и иных никаких иноземцов, и его людей никого с монастыря не спускати; а что от патриарха [С. 128] и от митрополитов и от иных властей московских почнут приходить с кормом, – и князю Евфимию и Федору тех людей с кормом пущати велети. А хто иноземцов учнет к патриарху проситься, а патриарх их велит к себе пущати, или патриарх про которых иноземцов учнет говорить, чтоб к нему пущати, – и князю Евфимию о том патриарху говорить, что он про то скажет государевым бояром и посольскому думному дьяку, а без боярскаго ведома таких людей иноземцов пущати он не смеет, покаместа он, патриарх, у государя будет. А буде патриарх спросит о летех и возрасте великаго государя, царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии, и им говорить: великий государь наш, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии самодержец, его царское величество, ныне в совершенном возрасте – двадцать лет, и дородством и разумом и

⁷⁶ Лично патриарху во все время пребывания его в Москве велено было выдавать на каждый день «прут белые рыбицы, прут семжины, да блюдо икры паюсные, да блюдо осетрины, да блюдо белужины, да два блюда пирогов пряженных, щука колодка, две уши разных перемеяясь, калач крупичатой». Питья лично патриарху выдавалось на день «кружка меду вишневаго или малиноваго, кружка меду боярскаго, кружка квасу медвянаго, полведра меду паточнаго, ведро меду княжего. Да из Большаго приходу на мелкое: на лук, на чеснок, на масло, на яйца, на крупы, на соль по 5 алтын на день». Всем лицам патриаршей свиты корм и питье выдавались каждому отдельно, причем количество их для разных лиц было различно – более получали высшие лица свиты и значительно менее низшие лица. По особым случаям как сам патриарх, так и вся его свита сверх обычной ежедневной дачи получали еще от государя особый корм и питье. Так, например, патриарху и всей его свите «на приезде» было послано «государева жалованья в почесть корму и питья: 3 кружки меду вишневаго, ведро меду обарнаго, ведро меду паточнаго, ведро меду цеженаго, ведро квасу медвянаго, калач крупичатой, три калача смесных, да людем их по калачу, на 18 блюд ествы добрые».

красотою лица и милосердным нравом и всеми благими годности всемогущий Бог украсил его, великого государя нашего, его царское величество, хвалам достойнаго, паче всех людей, и ко всем людем, к подданным своим и к иноземцам, его царское величество милостив и щедр, и наукам премудрым философским многим и храброму ученью навывчен, и к воинскому ратному рыцарскому строю хотение держит большое, по своему государскому чину и достоянию. А ныне Бог подаровал ему, великому государю нашему, его царскому величеству, сына, а нашего государя благовернаго царевича и великаго князя Димитрия Алексеевича, и нам всем, царскаго величества подданным, радость и веселье велие!» А если патриарх спросит, в каких отношениях государь теперь находится со всеми окрестными государями, говорить, [С. 129] что в дружбе. А если патриарх спросит о таких делах, про которые не сказано в наказе, «то ответ держати по делу и говорити посольскими речьми учтиво и остерегательно, чтоб государеву имени было к чести»; а если приставу вовсе не следует о чем-либо говорить патриарху, то в таких случаях он должен заявлять, что был в дальней службе, возвратился недавно и тех дел не знает.

27 января совершился въезд патриарха Паисия в Москву согласно с составленным ранее церемониалом, а 29 января приказал государь послать к нему спросить его от имени государя о здоровье и поговорить с ним о делах думного дьяка Михаила Волошенинова. Последний, придя к патриарху, говорил: «Великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа России самодержец и многих государств государь и обладатель, его царское величество, воздаючи честь тебе, святейшему Паисию, Патриарху Святаго Града Иерусалима и всеа Палестины, прислал своего царскаго величества думного дьяка меня, Михаила Волошенинова, и велел тебя спросить о твоём здоровье: здорово ли еси дорогою ехал, и где во здравии ль и во спасении пребываешь?» «И патриарх говорил, что он милостью Божиего и великаго государя, царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Руси, жалованьем в дороге ехал и где в Москве живет, дал Бог, в добром здоровьи, да и в Иерусалиме-де он жил его государским милостивым заступлением и призрением». «И бил челом государю патриарх, чтоб государь его пожаловал, велел ему быть у себя, государя, и видеть свои царского величества очи». В то же время патриарх просил Волошенинова, чтобы его из Чудова монастыря, где он угорает и где ему [С. 130] со свитою тесно, перевели на Кирилловское подворье, что и было исполнено.

«Патриарх говорил разговором: приехал-де он к великому государю для того, что в Иерусалиме Гроб Господень в великом долгу, а оплатиться нечем, и он-де для искупления Гроба Господня – для милостыни приехал бить челом государю...

И он-де, патриарх, едучи в Польской земле, в Виннице и в Шаре городе и в иных городах и до Киева, поляков крестил многих (?) и им говорил, чтоб они вперед на православную христианскую веру не посягали. И как-де он, патриарх, был в Киеве и приказывал от себя гетману Хмельницкому, что он человек крестьянские веры, а сложася с бусурманы, многие христианские крови пролил, а ему-де было о том мочно сослаться с царским величеством. И гетман-де писал к нему, патриарху, что ему о помощи писать было неколи, а покаместо было им о помочи писать, и ляхи б их всех побили и веру искоренили, и он-де, по ссылке с татары сложася, против поляков за православную христианскую веру стоял. Да гетман же Хмельницкий писал к нему, патриарху, что он ко государю о помочи писал, чтоб он, государь, ему, гетману, на поляков помощь велел учинить и войною на них с своей стороны послал и свои города, которые от Московскаго государства к ним, полякам, отошли, их поймал; и он-де, гетман, с своей стороны, с войском на поляков пойдет же и ему государю помогати учнет; а только бы-де государь на то изволил, что свои государевы города у поляков отымать, и он бы де, гетман, все города и до Смоленска под государеву руку подвел, и он-де, великий государь, помощи им, черкасом, [С. 131] учинити и городов у них взяти не изволил. А ныне они, гетман, и все войско запорожское велели ему, патриарху, бить челом царскому

величеству, чтобы он, великий государь, изволил войско запорожское держать под своею государскою рукою, а они, черкасы, будут ему, государю, как есть каменная стена, и чтоб он, государь, им помощь учинил ратными людьми, а они, черкасы, ему, государю, вперед будут надобны. И он-де, патриарх, Хмельницкому говорил, чтоб они всегда искали царские милости. И гетман говорил, что он весь в его государеве воле; как государь велит, так он и делать рад. И о том-де у гетмана будет сейм, а с сейму пришет ко государю послов, а что на сейме приговорит и с каким делом ко государю гетман послов пришет, того-де он не ведает. Да он-де, патриарх, как у них, черкасов, был, и он всю их мысль видал, что они под государевою рукою быти желают». Заявил патриарх при расспросах и следующее: «На то-де он, патриарх, слышал у Хмельницкого: как они, черкасы, с поляки помирятся и им, сложась с крымскими татары, итти многими людьми на турскаго чрез волоскую и мутьянскую землю, а волоской и мутьянской будут с ними ж, а только-де волоскому и мутьянскому с ними на турскаго нейти и им самим от них, черкас, и от татар опасенье большое, потому что ныне у них малоллюдно, многие побиты от венециана и меж себя междуособие».

О себе и о делах Святого Гроба патриарх заявил: «Он учинился во Иерусалиме в патриарсех на патриархово на Феофаново место тому ныне 4 года; а как он ныне поехал из Иерусалима, и он-де приказал после себя ведать духовные дела вифлиомскому митрополиту, [С. 132] а мирские дела иным своим приказным людям. А поставляют-де Иерусалимских патриархов Вселенские патриархи – буде коли который патриарх прилунится, а коли патриарха не случитца, ино Иерусалимские патриархи поставляемы бывают от вифлиомского митрополита и от иных властей».

«А православным Христианом ко Гробу Господню приходити довольно, а кому-де у Гроба Господня случитца помолиться и с ним емлют турки по 7 ефимков с человека. А на Гроб-де Господень благодать Святаго Духа небесным огнем сходит по-прежнему в Великую субботу: стоит-де у Гроба Господня 800 кандил, и турки-де те кандила все погасят в Великую пятницу, а в Великую субботу на вечерни отомкнут турки Гроб Господень, а с него, патриарха, снимут сак и коруну, и как на вечерни учнут пети литью и в то время входит патриарх ко Гробу Господню, а турки тут же входят и осматривают Гроба Господня – сшел ли на Гроб Господень огонь с небеси, и будет еще не сшел, от Гроба Господня выходят и ожидают, как на Гроб Господень огонь с небеси сойдет. А как огонь с небеси сойдет, и перво-де от того огню засветится в паникадиле христианском, которое стоит над Гробом Господним, свеча, а потом на камени, что на Гробе Господни, а потом по всему Гробу Господню рассыплется, что каплины, и от того-де огня он, патриарх, засвечает свечи и дает во весь мир. И было-де единова, что Софрония, патриарха Иерусалимского, как он из Царягорода приехал, турки в Великую субботу не хотели пустить в церковь, а просили у него за то подарков больших, и он им в том отказал и подарков ничего не дал, – и он-де то видел и вне церкви, как огонь [С. 133] с небеси в церковь на Гроб Господень сшел. Да в некое-де время прилунилось быть армянскому празднику – великому дню вместе с христианами, и они-де дали туркам 20 000 ефимков, чтоб им отпечатать Гроб Господень, чтоб огонь с небеси сшел на Гроб Господень при них – армянах. И как-де Гроб Господень отпечатали, и огонь-де с небеси при них на Гроб Господень не сшел, а сшел на руки и засветило свечи у некоторой инокини, которая прилунилась в то время в церкви Воскресения Христова⁷⁷. И во [с. 134] Иерусалиме-де есть люди

⁷⁷ Русские сильно интересовались небесным иерусалимским огнем и его свойствами, хотя относительно последнего очевидцы и разногласили. Так, русский паломник Василий Гагара (1634–1637 гг.) говорит: «Огонь же небесный багровиден, а не как прочий огонь естествен от земнаго огня. Аз же, Василий, у митрополита зажег в едину руку двадцать свеч и нача браду свою палити тем огнем, и не един от влас брады моя погибе и не сгоре; и аз грешный токмо уверовал, что небесный огонь есть, како не сожгло брады моя от огня какова бывает от естественнаго огня, что многие вещи пожигает; такоже и в другоряд и в третий палил браду свою, и никакоже прикоснулся огонь власом моим. Аз же, Василий, прощения просил у митрополита в том, что неверованием одержим был, чаях, что греки тот огонь составляют своим умышлением, а не небесный огонь сходит с небеси» (*Сахаров И.П.* Сказания русского народа. Ч. 2. М., 1837. С. 120). Иона Маленький,

десяти разных вер, только-де они, православные христиане, с ними совету не имеют и церковь христианская их не приемлет». Кроме того, патриарх говорил, что в отсутствие его из Иерусалима во время Пасхи, на вечерне Светлого Христова Воскресения, огонь с небеси на Гроб Господень сходит таков, как и при нем.

О своих отношениях к другим патриархам Паисий объявил: «А Вселенские-де три патриарха, Александрийской, Антиохийской и он, Иерусалимский, меж себя советы держат, покаместа и свет стоит, и меж себя ссылаются, а у Цареградскаго-де патриарха с своими властями живет временем смута и почасту ему живет перемена. А папа-де наперед сего к Иерусалимским патриархом присылывал, да как отняли у него, папы, Вифлиом и с тех-де мест у папы с ними, патриархи, ссылка перестала». В заключение патриарх Паисий предъявил привезенную им для государя, государыни и всей царской семьи святыню⁷⁸.

[С. 135] Четвертого февраля государь назначил быть у себя Иерусалимскому патриарху Паисию со свитою, да из Иерусалима же монастыря св. Саввы Освященного архимандриту Неофиту, да македонской земли Никольского монастыря архимандриту Гавриилу.

Представление патриарха государю совершилось по определенному, ранее составленному церемониалу. Государь ожидал пришествия Паисия в золотой палате на своем царском месте в царском платье, диадиме со скипетром в руках, а около него бояре, окольниковые и дворяне большие были в золотном платье. В проходной палате дворяне и дьяки из различных приказов были также в золотном и цветном платье, равно как и дворяне, и дети боярские, и подьячие всех приказов, стоявшие по крыльцу до благовещенской паперти. А у собора Благовещения стрельцы трех приказов в чистом платье стояли в Кремле без ружья – от благовещенской паперти до соборной церкви Успения Богородицы и по мосту до Кирилловского подворья и святых ворот, где надлежало идти патриарху. Когда патриарх входил на крыльцо, то, по государеву указу, его вышли встретить из проходной палаты против средней лестницы окольниковый князь Василий Ахамашуков-Черкасский и дьяк Мина Грязев, а при входе патриарха в царскую палату явил патриарха государю окольниковый князь Федор Федорович Волконский. Государь, встав, встретил патриарха от места с полсажени, и благословил патриарх

вместе с Арсением Сухановым посетивший Иерусалим в 1652 г. и видевший весь обряд при схождении небесного огня, замечает только: «А того не ведомо, как у него (патриарха Паисия) те свечи засветятся: огонь вещественн, как есть огонь». Сам Арсений Суханов, описывая церемонию небесного огня, не говорит того, как он появляется и каковы его свойства (*Белокуров С.А. Арсений Суханов Т. 1. С. 290*). Когда в 1653 году живший в Москве сербский митрополит Михаил отправился на поклонение святым местам, то ему дано было поручение разведать относительно небесного иерусалимского огня все пообстоятельнее. Воротившись в Москву 16 сентября 1657 года, Михаил дал такое показание о своих разведках относительно небесного иерусалимского огня: в Великую субботу перед вечернею, как пришло время идти в самый Гроб Господень, наместник патриарший (а самого патриарха не было) и он, митрополит, ходили около палатки трижды с незажженными свечами. Наместник вошел внутрь Гроба, и хотя давал митрополит почесть немалую турчину, чтобы ему войти в Гроб вместе с наместником, но он заказал турчанам, чтобы опричь его не пускать во Гроб ни митрополита, ни кого-либо иных, и дал им за то почесть большую. Наместник, войдя внутрь Гроба один, затворил за собою двери, был там полчаса и вынес с собою свечи зажженные, говоря, что они засветились от Гроба Господня действием Святого Духа, и раздавал свечи сии митрополиту, армянскому патриарху и прочим людям. «И митрополит-де Михаил того огня испытывал, и от него-де жар и палит так же, как и от прочего вещественного огня»; а каким образом у наместника патриаршего возжегся огонь у Гроба Господня, он не ведает, потому что его, митрополита, туда не пустили, а уже только по выходе наместника входил он и прочие люди для поклонения (Греческие дела 7166 г. № 3).

⁷⁸ Патриарх Паисий привез с собою святыню и подарков для государя: «складни – писано Спасов образ, а на другой стороне Богородица с Предвечным Младенцем, а позади Никола Чудотворец на золоте; крест резной деревян со многими праздники; мощи св. Меркурия, мощи св. Пантелеймона, мощи св. Феклы; из разных мест святая земля: от святого Вифлиема, где Христос родился, земля от Иордана-реки, от горы, где постился Христос 40 дней, от святые Голгофы, от Святого Гроба Господня; чертеж Святого Града Иерусалима со всеми Святыми Месты; свечи – святого огня схождение; поясы – мера Святого Гроба; святая вода из Иордана-реки; ладан росной, четки от Святых Мест неранжевые; водка сверборинная, водка неранжевая; бархат веницейской цветной серебряной; два полотенца шиты золотом волоченым; сорочка тонкая турская; полотенце большое; масло от Иерихона-града лечебное; мыла большие; сахару леденцу две коробки; два венчика веницейских». Государыне и членам царской Семьи Патриарх также привез от святых мест воду, землю, свечи, а затем мыла, атласы и т. п.

государя, причем патриарх поцеловал [С. 136] государеву руку, а государь спросил патриарха о спасении. После этого патриарх сказал государю следующую речь:

«Благочестивому, православному, Богом венчанному, державному, милостью Божиего великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Русин самодержцу и многих государств государю и обладателю, смирение наше молит вседержителя Бога и святого и живодавна Гроба Господа нашего Иисуса Христа, да подасти вашему царскому величеству здравие, благоденствие, умножение на всякое благое, державу и победу на врагов видимых и невидимых, душевное спасение и телесное здравие в бесконечные веки аминь.

Слышачи мал и велик достохвальное имя мудрости, и великолепие, и добродетяние, аще и юн сый в возрасте своем царь Соломон, но велию благодать дарова ему Царь царей и Господь, восприбегали ото всего свету с великою радостью и желанием видети и восприяти пресветлое лице его и слышати гласа его, и то имели великое дарование себе. Также благочестивый, христианский, Богом почтенный царю и самодержцу Московский и всеа Руси, государь и великий князь Алексей Михайлович, слыша и мы, богомольцы ваши, преславное и похвальное имя, добродетельное, разумное и Богом дарованное, им же никтоже не украшен, токмо святое ваше царствие бысть, и сего ради мы не утрашилися путных трудов, не побоялись погибели морские, разбойников, ни воинских людей, но приехали есми с великою радостью получитьи (видети?) Богом почтенное лице державного вашего царствия в юне возрасте, а в старости смышленаго разума, аки Соломон от святости подорован. Христианский [С. 137] царю! ино вам даровал великодарный Господь толикой дар милости и благословити вас, якож и преже мене блаженные патриарси бывших благочестивых царей и самодержцев, дедов и прадедов превысочайшаго вашего царствия, благословили. Пресвятая Троица – Отец, Сын и Сбитый Дух, едино царство и господство, благословит державное ваше царствие, да умножит вас превыше всех царей и покажет вас победителем и одолетелем на сопротивных видимых и невидимых врагов, якоже и древних и новых царей – царя Давида, царя Езекия и великаго царя Константина, да утвердит вас и умножит лета во глубине старости, благополучно сподобит вас восприяти вам превысочайший престол великаго царя Константина, прадеда вашего, да освободишь народ благочестивых и православных христиан от нечестивых рук, от лютых зверей, что поедают немилостиво; да будеши новый Моисей, да освободиши нас от пленения, якоже он освободил сынов израилевых от фараонских рук жезлом, знаменем лестнаго животворящаго креста. Якоже соблюл Господь невредимо трех отроков от печи огненной и пророка Даниила от лютых львов, также соблюдет и святое ваше царствие от всякаго зла и ото всякаго видимаго и невидимаго врага, да подаст вам всякое благое небесное и земное, и потом во глубокой старости сподобит вас святому его царствию и в лик благочестивых и православных царей праотцев ваших, якоже и великаго царя Константина, что он бысть первый сорудитель, и освободил сбитый и живодавный Гроб Господа нашего Иисуса Христа не токмо супротивных православные христианские веры, и еще от ненавистников и еретиков и агарян, и сего [С. 138] ради нарекся от святых отец равноапостолом. О сем молим державной силе Господней, також и великое ваше царствие, воспомянеши и пририши прежних деяний, и как ныне пребывает сия святая наша Церковь, мати всем Церквам, избижена и попираема от безбожных насильников-агарян и супротивных еретиков, для своей славы, и сего ради великое ваше царствие покажеша и объявиши милость и помощь к сей божественной нашей Церкви, получинш и будеши имети такое же имя равноапостолом царя Константина».

После речи окольничий князь Федор Федорович Волконский явил государю от патриарха святыню, перечисленную нами выше. Государь приказал принять сии священные дары казенным дьякам, а патриарха пригласил «сесть на лавке на правой стороне от себя меж окон». Затем явлено было патриарху государево жалованье через того же окольничего Волконского: «кубок серебрян золочен, бархат черн, бархат вишневы рытой, атлас гвоздичен,

атлас таусик, камка зелена, камка вишнева, два сорока соболей, денег 200 рублей», а всего патриарху дано на 426 рублей⁷⁹. Когда патриарх пошел из царской палаты, государь провожал его до тех же мест, где встретил, а бояре, и окольничие, и думные люди провожали патриарха из палаты в сени до дверей, что на красное крыльцо, и у патриарха благословлялись все; а встречники провожали до тех же мест, где встречали.

От себя государь указал идти патриарху в соборную церковь Успения Богородицы к святейшему Иосифу, патриарху Московскому и всея Руси. Патриарх [С. 139] Иосиф в то время готовился к служению в соборе и уже был во всем святительском облачении на устроенном месте, как чин ведется в службе; а от патриарха к амвону по обе стороны стояли митрополиты, архиепископы и епископы в святительских облачениях. Архимандриты, игумены, протопопы, попы и дьяконы были в саженых ризах. Патриарх Иерусалимский, пришед в собор, прикладывался к образам и чудотворцевым гробам и, обойдя всю церковь, дошел до ризы Господней, к которой и приложился, а затем подошел к Иосифу-патриарху, который встретил его, сшед с своего места на сажень, и меж собою во Христе целовались. Иосиф спрашивал Иерусалимского патриарха о здоровье, молвив: «Святейший патриарх Паисий Святаго Града Иерусалима и всеа Палестины во здравие ли и во спасение пребываешь»? После сего ходили к Иерусалимскому патриарху принять благословение митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены, протопопы и попы, которые с патриархом Иосифом в соборной церкви к службе были готовы. Певчие были государевой большой станицы. Паисию приготовлено было особое место: по правую сторону заднего столпа положены были ковер и орлец. Когда начали служить обедню, патриарх Паисий «говорил переводчику Ивану Боярчикову, что он, патриарх, той же православной христианской веры и чтоб ему в литургию стояти в олтаре и службы посмотреть». Об этом желании Паисия доложили Иосифу-патриарху. «И по выходе с Евангелием Иосиф-патриарх выслал из алтаря по Иерусалимского патриарха дьяконов и поддьяконов, а велел Иерусалимского патриарха взяти к себе в алтарь царскими дверьми, а во алтаре построено ему место у царских [С. 140] дверей от алтаря с правой стороны, и на том месте Иерусалимский патриарх стоял во всю обедню на орлеце». После обедни Паисий опять прикладывался к образам, к ризе Господней, к чудотворцевым гробам и, простясь со святейшим Иосифом-патриархом, пошел из церкви к себе, а провожали его до саней патриарший боярин Василий Федорович Янов, да дьяк, да пречистенский (соборный) ключарь.

22 февраля вследствие просьбы патриарха Паисия государь велел его отпустить со всею его свитою в Троицкий Сергиев монастырь помолиться. У Троицы царь указал сделать Паисию такую же встречу, какую обыкновенно оказывают там московским патриархам, т. е. «архимандрит, попы и дьяконы, – говорит царский наказ, – были б в саженых ризах и пели б вечерню и всенощное, учиня которому святому празднество, и почесть бы патриарху учинили против прежняго Иерусалимского патриарха Феофана, также и архимандритом, и старцом и всем служебником, которые с ним, патриархом, будут, любовь и приятельство показали; а на завтрее б учинити на патриарха стол большой и еству велети ставить на серебряных блюдах, а питье в кубках и братах серебряных, чтоб им во всем оказаться довольством стола». Кроме того, царский наказ повелевает троицким властям оделить патриарха и всю его свиту дарами, какие даны были прежде патриарху Феофану.

Перед наступлением Великого поста патриарх Паисий прислал в Посольский приказ лист, в котором, рассуждая о важности поста, желает государю провести его «здроаво и радостно и невредимо» и «соверша чисто сей святыи путь, потом видети свет Святаго Воскресения». В конце своего рассуждения [С. 141] патриарх пишет и следующее: «Еще пребываючи аз при вашей милости в прошлые дни, говорил есми со преподобным архимандритом

⁷⁹ На наши деньги несколько более шести тысяч.

спасским Никоном, и полюбилась мне беседа его; и он есть муж благоговейный, и досуж, и верный царствия вашего; прошу да будет имети повольно приходи к нам беседовати по досугу, без запрещенія великаго вашего царствия». После поставления архимандрита Никона в Новгородские митрополиты Паисий снова прислал в Посольский приказ письмо, в котором восхвалял государя за такой удачный выбор. «Похваляем благодать, – пишет Паисий царю, – что просвети вас Дух Святыи и избрали есте такого честнаго мужа, преподобнаго инокосвященника и архимандрита господина Никона, и возведе его великое ваше царствие на святыи престол святыи митрополии Новгородские, и он есть достоин утверждати Церковь Христову и пасти словесныи овца Христова, якоже глаголет апостол: таков нам подобаше архиерей, и будет молити Бога о многолетнем здравии великое ваше царствие». В заключение Паисий выражает желание, если позволит государь, подарить Никону одну мантию от святыи мест.

Не с одним только Никоном вел беседы Паисий по разным церковным вопросам, но и с самим государем, а также и с патриархом Иосифом он «учинил соглашение». В письме от 15 февраля Паисий пишет государю: «Относительно святой Четырдесятницы царствие твое изволило послать своего боярина спросить нас, чтобы мы относительно ее учинили соглашение со святейшим патриархом, братом и сослужителем; и я сказал, что в продолжение всего года должна совершаться божественная литургия в два [С. 142] часа, а в святую и великую Четырдесятницу, которой научил нас Господь наш Иисус Христос, должно поститься до отпуста вечерни, так как она есть одесятствование всего года, дабы исповедывались христиане для заглаждения грехов и очищения душ, если что они содеяли во весь год. И, как говорят божественные законы и устав, мы не должны ни прибавлять, ни исключать что-либо из установлений святыи апостолов и святыи отцов. Я же, долгоденствующий царь, сказал твоему боярину, чтобы было так, как решено тобой, ибо в праздник святаго я спросил твое царствие о литургии, и ты приказал, как пишет устав. И мы его неуклонно держимся, а новшества отвергаем; и святую Четырдесятницу мы должны соблюдать по мере сил. Если народы, не имеющие закона, делают законное, то тем более мы, православные, должны делать это. Ия, услышав царское твое слово, что указал следовать уставу, очень возрадовался; и поэтому-то я и сказал: как твое изволение, так как мы должны содержать не иное что, как то, чему научили нас святыи апостолы и что узаконили Соборы святыи отцов».

Второго марта патриарх Паисий прислал в Посольский приказ грамоту к государю, в которой писал: «С надеждой помыслил писати державному вашему царствию, благочестивый царю, яко ты еси похвала и слава всем благочестивым христианам всего света, и славу благочестиваго великаго вашего царствия имеем якоже солнце, освещающее весь мир своими лучами. Единый человек, многолетний царю, да воспросит единый дар от Бога с молитвою, со слезами и с молением, и то есть возможно восприяти прошение его; также и аз восприбегаю к милости [С. 143] и милосердию великаго вашего царствия: мочь имеете освободити сию святую великую Церковь, что погибает от еретиков и до вся дни поборающе дарами ко агаряном, для взятія святыи поклонных мест от наших рук; а мы труждаемся день и ночь, да не будет посрамления православным Христианом. Сего ради молим державному великому вашему царствию, да не отбудет великая ваша милость от тех святыи и богостепенных мест, да тут бысть спасение наше: тут прорекоша пророцы воплощение Христа Бога нашего, ту во всяком Вифлееме родися и во Иордани крестися и на Елеонской горе вознесся, и в сей божественной церкви распяся и погребен и воскрес, и ту же паки приидет вторый и страшный Его суд и воздаяние всякое по делам его, и ту будет восприяти благая своя. Воспомяни, великое ваше царствие, великаго царя Константина и его мать св. Елену, что они соорудиста Святой Гроб и Святой Вифлеем и все поклоняемыя Святыя Места и монастыри, и ныне, во времена вашего великаго царствия, да освободите Святой Гроб и церковь Христову, да наречешися и будешь воспомянен новый царь Константин, да услы-

шишь и сподобишися гласа Господня: приидите благословению Отца моего! да возмогу и аз ехати к престолу моему на упокой и буду молити Бога день и ночь о здравии и о спасении царствия вашего. Еще молим и о сем: аще будет произволение великаго вашего царствия, да повелите святым архиереем и святым монастырем и пресветлым вельможам, да воспомянути Святому Гробу, понеже великое ваше царствие речет – и бысть, да будете имети славу и похвалу от всего мира».

Обращался патриарх с просьбой о милостыне и к членам царской семьи. Царице Паисий писал: [С. 144] «Покажи милость свою... как вам Бог известит – ризами или церковными сосуды по вашему произволению». Царевне Ирине Михайловне патриарх предлагал на выбор одарить его «ризами, или иконами, или сосуды церковными, как вам Бог известит». Царевну Анну Михайловну просил пожертвовать «хотя ризы ерейские или архиерейские, или иным, и сосуды церковными, как вам Бог известит». Икон, риз и сосудов церковных просил Паисий и у царевны Татьяны Михайловны.

После Пасхи патриарх Паисий прислал в Посольский приказ челобитную государю о своем отпуске в Иерусалим. «Потому что, – писал он, – еретики тех мест нас ненавидят и не перестанут нечестивые тех наших святых мест обижать повседневно, потому что ныне им непомешка во всем избобжати тех наших святых мест для того, что я оттоды давно отъехал, и того для ныне им во всем пространно стало избобжати тех наших святых мест... Только для утеснения, и долгу, и обид, и налог еретических, яко выше сего писано, поспешаю ехати». Вследствие этой челобитной указом 5 мая государь приказал быть у него на другой день патриарху Паисию на отпуске, который и состоялся 6 мая. Государь принимал патриарха в золотой палате со скипетром в руках, в диадеме и царском платье, при той же обстановке и при соблюдении тех церемоний, какие были и при приеме патриарха «на приезде». Думный дьяк Михаил Волошенинов от имени государя говорил между прочим: «А яже о насилии святым местом от безбожных турок содеваемая, и сие с болезнию душа и сердца нашего слышим, но воли Божией противитися никто же может, той бо весть, яже [С. 145] ко спасению нашему устроить. Обаче же непрестанно попечение о сем имеем, чтоб Господь Бог Свой праведный гнев отвратил и Святой Гроб, о нем же и святой Град Иерусалим, возвратил в руке благочестивых царей, еже и уповаем на щедроты Его, яко, по наказании, восхоцет паки помиловати люди Своя, и очи наши возведет на первообразное. А ныне мы, великий государь, по вашему прошению, тебя, святейшаго патриарха Паисия, отпускаем во Святой Град Иерусалим. А мы, великий государь, вас, отцов и богомольцев наших, в забвении не учиним и нашим царским жалованьем милостыню, аж даст Бог, вперед не оставим». Затем дьяк объявил патриарху государево жалованье «на милостыню и на искупление святому животворящему Гробу Господню собольми на 4000 рублей». Лично же самому патриарху Паисию на отпуске дано было государем разных подарков столько же, сколько и на приезд, т. е. на 427 рублей. Кроме того, «Паисею же патриарху дано в трех столех, как был у государя и велик день и на ево государевы и на царицыны имянины, на 274 рубли, на 20 алтын, 3 деньги».

Как мы видели, еще 29 января патриарх Паисий заявил в Посольском приказе, что гетман Хмельницкий и все войско казацкое уполномочили его просить государя, чтобы он оказал им помощь войском в борьбе с поляками и чтобы принял их под свою высокую руку. Когда 6 мая Паисий был на прощальной аудиенции у государя, он, вышед из царской палаты, послал пристава князя Мышецкого просить государя, чтобы государь прислал к нему своего боярина, которому он объявит «государево тайное великое дело». Государь выслал к Паисию боярина [С. 146], дворецкого Алексея Михайловича Львова и думного дьяка Михаила Волошенинова. Паисий заявил посланным, чтоб ему объявлено было решение относительно привезенного им предложения о казаках. 9 мая Львов и Волошенинов были у патриарха Паисия и говорили ему, что они доносили дело государю и тот указал им передать патриарху, «что его царскому величеству своих государевых ратных людей на помочь войску запо-

рожскому за вечным dokonчанием дати и войска запорожского с землями в царского величества сторону принять нельзя, и вечного dokonчания никакими мерами нарушить не мочно. А будет гетман Хмельницкий и все запорожское войско своею мочью у короля и у панов рады учинятца свободны, и похотят быти в подданстве за великим государем нашим, за его царским величеством, без нарушенья вечнаго dokonчания, и великий государь наш, его царское величество, его, гетмана, и все войско запорожское пожалует, под свою царскаго величества высокую руку принять велит». «И патриарх говорил: про то-де, что у царского величества с короли Польскими и великими князи Литовскими и с Польшею, и Литвою вечное dokonчание ему, патриарху, было не ведомо; а коли-де меж обоими великими государи и их великими государствами вечное dokonчание, и он-де, патриарх, и сам то знает, что ему, великому христианскому государю, его царскому величеству, того вечнаго утвержденья по делу нарушить не мочно, а надобно остерегати. А казаки-де запорожские люди простые, говорят, не знаячи ничего». «И патриарху говорено: а будет черкасом за православную христианскую веру учинитца теснота и гонение, а пойдут они за царскаго величества сторону, и великий государь [С. 147] наш, его царское величество, для православные христианские веры их пожалует, велит принять без земель, потому что после вечнаго dokonчания с обе стороны переходить повольно». «И патриарх на государеве жалованьи бил челом, что-де царское величество пожаловал, велел ему о вечном dokonчании объявить, и он на государеве жалованьи бьет челом, и как будет в войске запорожском и он им про то скажет».

Двадцать первого мая патриарх Паисий прислал в Посольский приказ грамоту к государю, в которой извещает, что приехал к нему, патриарху, старец из Иерусалима, который привез к нему письмо о том, какие смуты происходят на христианском Востоке от еретиков, также и о долгах иерусалимских, причем патриарх писал между прочим: «Аще владыко наш вопросишь о царьградских вестях и о турецком салтане, и он есть в юне возрасте и будет великая победа во днеш его, потому что на великий их байрам ездил молитца ко святей Софеи, и пришед некие христиане, пред ним сняли шапки и кинули, – не возмogli терпеть обид великих и налог, что творят над ними, и говорили: побосурманите-де нас! И так испужалась лошадь под салтаном, и упала с него чалма и с пером, и все турки тому удивились и возопили: Боже, Боже! и рекли, что царству турецкому вскоре погибнуть. Еще и слыша про Московскаго царя, зело страшны пребывают: чают про казаков, что они делают царским повелением вся сия...»

Двадцать седьмого мая патриарх Паисий был на прощании у государя в селе Покровском, причем государь пожаловал велел дать патриарху своего государева жалованья [С. 148] – соболей на 300 рублей, да от государыни ему дано было соболей на 300 рублей, да от царевен соболей на 400 рублей.

10 июня патриарх Паисий выехал из Москвы в сопровождении пристава Ивана Юрьевича, причем на дорогу до рубежа ему велено было дать на корм деньгами 50 рублей, да множество всевозможных припасов – рыбы, хлебов, питий. Все его спутники получили также на дорогу деньги, корм и питье и, подобно патриарху, казенные подводы до рубежа. Вместе с Паисием отправились из Москвы во Иерусалим и русские люди: известный Арсений Суханов, Троице-Сергиева монастыря черный диакон Иона Маленький, Чудова монастыря черный поп Лукьян и клирики: Евфимий, Пахомий, Акила Босой и подьячий Васька Кудрин.

С первого же стана от Москвы патриарх Паисий прислал государю грамоту, в которой пишет: «Существовал древний обычай у Иерусалимских патриархов, чтобы когда Божественный Промысл хотел и бывало Божие венчание (на царство) православнейшего царя, (разумеется, Константинопольского), считал за нужное и обретавшийся тогда Иерусалимский патриарх пойти для поклонения новому царю, для молитв за него и для благословения его. А так как Божественному Промыслу и Божией премудрости, по благодати пресущественной, животворящей и нераздельной Троицы, угодно было от имени Бога венчать

благочестивейшаго, могущественнейшаго, православнейшаго великаго государя, царя и великаго князя, господина Алексея Михайловича, сына по духу вожделеннейшаго нашего смирения и самодержца всей России, – то по внушению Святаго Духа удостоился и я, богомолец великаго, [С. 149] святаго и могущественнаго его царствия, придти и поклониться новому царю и благословивши его и помолвившись, как надлежало, за него и за всю палату и воинство его. И он явил милость, и принял, и весьма почтил меня, и явился новым ктитором, подобно великому между государями Константину, помощником и милостивым защитником святейшей великой церкви святаго и живодавнаго Гроба». В заключение патриарх посылает свои пожелания царю и всей царской семье здравия, благополучия и т. п.

По прибытии в Путивль патриарх Паисий прислал государю (от 1 июля) грамоту, в которой сообщает некоторые цареградские вести, полученные им от одного полоняника, о ходе борьбы между казаками и поляками, заявляет, что «откуда ни поеду и что ни услышу, буду писати к царствию вашему», что он готов вообще на всякую службу государю, и затем в особой приписке пишет следующее: «Еще буди ведомо, благочестивый царь, про Арсения, который остался в царствии вашем, да распросите его добре, понеже он неутвержден в вере своей благочестивой христианской, а он был прежде инок и священник, и, шед, бысть бусурман; и потом бежал к ляхам и бысть у них учинился униатом, и имеет всякое злое на себе безделие, и распросите его добре и будете обрести вся. А те старцы, которые пришли от гетмана, мне все сказали подробну, и велите распросить великое ваше царствие, што мне те старцы рассказывали и люди Матвея воеводы (волошского): есть ли будет так или нет потому, что я писал к патриарху господину Иосифу, брату и сослужителю. Утишите притчу ту лучши, что он сам есть, штоб не было разврата церковнаго, и паки аз буду [С. 150] проведати подлинно и буду писать к великому вашему царствию, понеже есми должен, что ни услышу, то извещати и писати, потому что не подобает в ниве терну пребывати, чтоб не наполнилась нива вся тернием, и надобно отженуть такожде и тех, которые имеют ересь и есть двоеличны в вере. Я его обрел в Киеве, и зная он (Арсений) тот (русский) язык, говорил с полковником (т. е. был переводчиком между патриархом и сопровождавшим его гетманским полковником), и я взял его, а он не мой старец, как есми сказал я приставу. О беззаконии, что имеете, я не ведал, а ныне есми проведал и пишу к великому вашему царствию, да будете соблюдатися от таковы человек, чтобы не оскверняли Церквей Христовых такие поганые и злые люди». Арсений Грек, на которого доносил патриарх Паисий, явился в Москву в свите Паисия как его дидакал, с согласия Паисия был оставлен в Москве в качестве учителя риторики, но вследствие приведенного доноса патриарха был подвергнут допросу, подтвердившему справедливость извета, почему грек Арсений и сослан был на Соловки под крепкое начало, а впоследствии взят был Никоном и сделан им книжным справщиком⁸⁰.

Из Путивля Паисий прислал грамоту и государыне, в которой писал: «Для храма живодавнаго Гроба твое царствие явилось новой ктиториссой, благодаря великой твоей милости и священным сосудам, подаренным тобой, чем ты явила знак великаго благочестия подобно боговенчанной царице св. Елене. О если бы Господь наш Иисус Христос, подобно тому, как [С. 151] ты всем сердцем и душой пожаловала и облагодетельствовала великую Церковь Иерусалимскую, и тебя Он удостоил от росы небесной свыше и земных плодов, а ты увидела в плоде чрева своего государя боговенчаннаго на престоле великаго царя Константина, чтобы возликовало твое сердце, как у св. Елены. И да удостоит тебя Бог, чтобы ты всегда жаловала и заступала живодавный Гроб Христа. Много нуждается эта Церковь в твоём царствии и да благословит тебя Бог укрепить ее, подобно св. Елене, которая воздвигла его из основания. Еще об одном прошу твое царствие между многими прочими милостями, а

⁸⁰ См. нашу статью: Следственное дело об Арсении-греке // Чтение в обществе любителей духовного просвещения. 1881 г., июнь.

именно: приготовить один покров для святого и живодавнаго Гроба, чтобы и эта милость была с другими для вечной памяти о тебе. А священные покровы, посланные тобой нам, мы получили в городе Севске. Так как любовь и готовность твоя никогда не убывают по отношению к святым местам, то, мы возблагодарили и помолились Богу о долгоденствии твоей жизни».

Прислал патриарх Паисий грамоту из Путивля и думному дьяку Михаилу Волошенинову с доносом на переводчика Посольского приказа Ивана Боярчикова. Паисий между прочим писал: «Удивляюсь сему тому проклятому переводчику Ивану – дьявол и изменник есть многолетняго нашего царя, чтоб хлеб его убил, что он ест! И ходя оглашает и говорит из уст своих нечистых – от патриархов не прощенный, – и тайных дел царских не хранит, яже ходит по рядом с единомышленными ворами, которых он любит, и словеса им сказывает, что он хочет. Коли то бывало пред и ныне, что тайна царева бысть явственна в миру! И той есть не человек, но сатана и дьявол!» В объяснение этого энергического доноса [С. 152] Боярчиков заявил, что патриарх Паисий еще в Москве был сердит на него по следующему обстоятельству: патриарх, будучи на Москве, бил челом за кормовых московских гречан, которые постоянно ходили к нему, чтоб их поверстали поместьями, и то дело не состоялось, хотя после, по патриархову челобитью, этим гречанам прибавили поденного корму. Причину неудачи первого челобитья гречане видели и указывали патриарху в Боярчикове, почему «патриарх в Москве на него шумел» и не велел было вовсе ходить к нему, но потом простил его, взял к себе в провожатые до Путивля, где даже дал ему, за своею рукою, прощальную грамоту. Кроме того, Боярчиков заявил: «Приезжают-де к Москве многие гречане-бельцы, а надевают на себя чернеческое платье и привозят с собою о милостыне от патриархов ложные грамоты, а не за прямыми печатями. И он-де, Иван, узнав их воровство, преж сего сказывал про то думным дьяком Григорию Львову и Назарью Чистаго, и те-де гречане за то на него, Ивана, рьятца, и оглашают его патриарху всяким дурном». Но все старания Боярчикова оправдать себя были напрасны, он должен был отправиться в ссылку.

Двенадцатого июля патриарх Паисий прибыл в Киев, откуда прислал грамоту государю. В ней он писал: «Мы, долгоденствующий мой царь и самодержец... пишем, согласно своему обещанию, твоему великому царствию, чтобы ты обо всем узнавал и находился в ведении относительно казаков и ляхов. В день св. Владимира взял нас митрополит в св. Софию и угощал нас со всеми начальниками и полковниками. В тот день пришли от гетмана семь человек с грамотами гетмана о том, чтобы послать порох и ядра и свинец [С. 153] для войска, и было послано 12 бочек пороху и свинцу и премного ядер». Затем патриарх сообщает о положении армий казацкой и польской, о победах казаков вместе с татарами над польскими отрядами и потом пишет: «Если, даст Бог, мы будем здоровы, то не преминем известить царство твое обо всем, что ни случится. Я жду от гетмана ответа на письмо, которое было передано мной полковнику и которое я писал для ответа, чтобы, как условились мы с ним, возвестить его ответ твоему великому царствию. И для сего писал я об ответе этом гетману и сказал ему, что обо всем подробно говорил с послом царства твоего. Написал я гетману и все слова, которые говорило мне великое твое царствие, что не могло быть отвечено иначе, и относительно этого я написал ему: знаешь ты, гетман, что долгоденствующий царь имеет великую любовь к милости твоей. Но не понравились им слова долгоденствующаго царя: не призвали меня сперва для этого дела, хотя мое царство, благодаря Бога, изобилует и людьми и средствами; я способен вместе с ними разрушить и Ляхию и другие царства; но он, гетман, взял себе татар, турок и другой сброд, потому-то я, блаженнейший, и не подал им помощи; цари, когда намереваются воевать, ведут с неприятелями войну собственными силами, а не посредством сброда; поэтому-то я и не посылал. Но да ниспошлет Бог победу гетману с христианами, да победит своих врагов; и если он опасается чего-нибудь, то пусть не беспокоится: я ему помогу, так как я обязан охранять христиан и в особенности их, кото-

рых я считаю как бы своими сыновьями, соседями и сродниками своими; поэтому скажи гетману, чтобы он мужался и боролся с врагами [С. 154] веры; в случае нужды я готов подать помощь для защиты христиан, да не утратят они и другие многие блага... Опять напишем твоему царствию в подробности о том, что узнаем; у меня наготове люди, для того чтобы их послать сейчас же, если что-либо случится. Уповаю на Бога, что все случится по желанию твоего великаго царствия. И опять напиши мне, благоденствующий царь, если нужно тебе еще что-нибудь. Пошли нам письмо, чтобы оно нашло нас здесь, в Киеве... Извещай нас, долгоденствующий царь, нужно ли тебе еще что-нибудь, мы опять все исполним».

Патриарх Паисий приезжал в Москву с целью получить от государя милостыню на искупление Святого Гроба. Милостыня дана была ему от государя и царской семьи нескучная: ему пожаловано было государем на искупление Святого Гроба 4000 рублей соболями, да самому патриарху лично дано было разных подарков в разное время на 2000 рублей, а сверх того к Гробу Господню с ним посланы были церковные сосуды, ризы, иконы и покровы от царицы и царевен. Но кроме царя и царской семьи патриарху давали на милостыню власти, т. е. русские иерархи, начиная с патриарха Иосифа, монастыри, бояре и разные богатые лица, так что всего Паисий вывез из Москвы на наши деньги тысяч на полтора. Его многочисленная свита получила особые дары, соответственно положению и рангу каждого отдельного лица. Но, кроме получения милостыни, при посещении Москвы патриарх Паисий преследовал и другую цель.

Удачное восстание Богдана Хмельницкого против поляков произвело сильное впечатление на православном Востоке, и более пылкие умы посмотрели на это [С. 155] дело как на начало имеющего скоро наступить освобождения всех православных народов из-под турецкого ига. Казаки своими отважными набегами на все побережья Черного моря наводили сильный страх и на татар, и на турок, почему православные народности Востока видели в казаках ту грозную силу, которая способна была нанести туркам решительный удар, особенно если бы казаки соединились с единоверною Москвою, образовав из себя одно государство. Для достижения этой последней цели некоторые греческие иерархи добровольно взяли на себя роль посредников между московским правительством и казаками, стараясь привести их к взаимному соглашению. Одним из таких посредников между царем и Хмельницким, возлагавшим на их союз очень большие надежды в интересах всего православного Востока, был и патриарх Паисий. На пути в Москву он виделся в Киеве с гетманом Хмельницким, благословил его на решительную борьбу с поляками, убеждал его принять подданство московского царя и вызвался хлопотать в Москве перед государем, чтобы он принял казаков под свою высокую царскую руку и оказал им помощь войсками в борьбе с поляками. Значит, Паисий отправился в Москву в качестве уполномоченного от Хмельницкого, который отправил с ним и своего полковника Силюяна Мужеловского. Но посредническая миссия Паисия в Москве, как мы видели, потерпела неудачу. Московское правительство мало доверяло казакам, союзникам ненавистных в Москве татар, и решительно отказалось из-за казаков разорвать мир с поляками, о чем официально и заявило Паисию. Последний был очень недоволен таким исходом своей миссии и не [С. 156] стеснялся открыто выражать свое недовольство сопровождавшему его из Москвы старцу Арсению Суханову. Но эта неудача не охладила, однако, участия Паисия к делу казаков и не изменила его убеждения, что казаки должны принять подданство московского царя, чтобы потом общими силами действовать против турок. У Паисия были широкие политические планы, от выполнения которых он не думал отказываться. По возвращении из Москвы Паисий долго проживал в Молдавии, и здесь ему удалось склонить господарей Молдавского и Валахского вступить в более тесные сношения с Хмельницким и Москвой для совместной борьбы с турками. Но для этого необходимо было прежде всего устроить прочное соглашение между Москвой и Хмельницким, к чему Паисий и направлял, как мы видели, свои усилия, посредничая между царем и гет-

маном. С этой целью Паисий послал из Ясс, куда он прибыл из Киева 7 сентября, в Москву старца Арсения Суханова, грека Фому Иванова, с которыми послал государю две грамоты.

В первой грамоте государю от 4 ноября 1649 г. он пишет, что посылает к государю честнейшего мужа грека Фому Иванова, «человека верного величайшему твоему царствию, вместе с преподобнейшим строителем господином Арсением, чтобы они устно сообщили все то, о чем слышали и что видели... А здесь, долгоденствующий царь, Арсений нам сказал, что он имеет от твоего царствия приказания: если он узнает что в Ляхии и Богданин, то пусть возвратится назад и донесет царствию твоему; и потому я отправил его с верным человеком. Он даже оставил у нас часть своей рухляди, сказав, чтобы я его ждал здесь». Во второй грамоте, от 10 ноября, опять пишет о [С. 157] посылке к государю строителя Арсения и затем: «Да пожалуете, изволите прислати к нам святую вашу грамоту о каких делех изволите, а мы готовы о тех делех радеть и работать, яко же реклися великому вашему царствию; что ни услышим, будем всегда ведомо чинить, да будеши ведать друзей своих и недругов... А будет Арсений поизмешкаетца у вас, и нам бы вы прислали честную и святую вашу грамоту великаго вашего царствия, и мы опять каких дел ни проведем, и учиним о том ведомо своими людьми». Прислал Паисий свою грамоту и патриарху Иосифу, но она не дошла до нас. Арсений Суханов прибыл в Москву 11 декабря 1649 года и в тот же день докладывал в Посольском приказе: «А приказывал-де с ним Иерусалимский патриарх словесно, а велел известить государю: прежде-де сего писал он ко государю, что турецкой царь велел крымскому царю итти на Русь войною, а ныне-де в совете волоской воевода Василий с мутьянским воеводою Матвеем и с запорожскими черкесы, и хотят на лето итти на Царьгород. И патриарх велел государю о том объявити, чтоб он, великий государь, велел с своей царскаго величества стороны итти морем, хотя малыми людьми. И в то время, слыша про то, пойдут под Царьгород сербяне, и гречане, и волоской, и мутьянской воеводы со всеми людьми, а ныне-де турецкаго сила изнемогает, потому что венециане одолевают. А приказывал-де он про то объявить, слышав подлинно: говорят-де все христиане, чтоб им то видеть, чтоб Царем-градом владети великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, нежели немцам»⁸¹.

[С. 158] 26 января 1650 года Арсений Суханов отправился из Москвы в Молдавию к патриарху Паисию с грамотой государя, который извещал патриарха, что получил его грамоты, присланные с греком Фоמוю Ивановым и строителем Арсением, что Суханов выполнил данное ему патриархом поручение и что он посылает ему два сорока соболей добрых и просит Паисия радеть о государевых делах и обо всем уведомлять его, государя, обещая за это не полагать патриарха «в забвении». Получив эту грамоту от Арсения, Паисий писал государю: «Хотим ехать ко Святым Местам и приняли есми честную и премудрую вашу царскую грамоту и милостыню от господина Арсения – два сорока соболей; и приняв вашу царскую грамоту, по подобию поклонилися и благодарили есми вельми. Аще и мы у вас не пребываем, но всегда нас не забываете своею царскою милостынею, понеже первое Бог, а потом ваша царская милостыня держит и хранит Святые Места».

Восьмого декабря 1650 года в Москву прибыл назаретский митрополит Гавриил и в Посольском приказе заявил, что на Светлой неделе 1650 года он послан был от Иерусалимского Собора к патриарху Паисию проведать, где он находится и зачем медлит, так как весть о нем учинилась, будто не стало его в живых. Митрополит в Царьграде был проездом только три дня и, узнав, что патриарх Паисий в Молдавии, поспешил к нему. Патриарх Паисий, сведав, что гетман Хмельницкий вместе с татарами готовится напасть на Российское государство, помня к себе государеву милость, тотчас же послал к нему его, митрополита, со старцем Арсением (Сухановым) и писал к Хмельницкому и изустно наказывал [С. 159] со

⁸¹ Греческие дела 7157 г. № 6–8, 22; 7158 г. № 1. Некоторые грамоты патриарха Паисия напечатаны в приложении в книге С.А. Белокурова «Арсений Суханов».

многими прошением и клятвою, чтобы отнюдь не дерзал ходить войною на благочестивого государя христианского, а если на сие решится, то чужд будет христианства. Когда митрополит приехал в Чигирин, Хмельницкий тотчас же пришел к нему пешком, принял патриаршую грамоту и выслушал словесный приказ, затем велел всех выслать, и старца Арсения также, «но я удержал старца, говоря, что он послан от государя и ведает, о чем будем говорить. Хмельницкий говорил с клятвою, что он приказу отца своего духовного, блаженнейшаго патриарха Паисия, ни в чем не преслушает, только бы благочестивый великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, самодержец всея Руси, их челобитье и прошение не призрел и изволил бы держать под своею высокою государскою рукою, а ему, Хмельницкому, на государстве быть непристойно – не тое природы человек; а великий-де государь, его царское величество, издавна государскаго благочестиваго корени природный государь от колена благочестиваго великаго князя Владимира Мономаха, и ими владеть ему, государю, пристойно, понеже великий христианский государь благочестивый под солнцем един. И они ему, великому государю, поклоняются и хотят раби его быти, и чтоб-де великий государь для подлиннаго уверения изволил к ним прислать кого-нибудь с своею царскою грамотою с милостивым указом, чтоб как на его государеву милость быти надежным, и велел бы послати к ним в полк свое государево знамя, а они-де в его, государеве, во всем повелении быти готовы и его государеву указу ожидают с радостью. А как-де его государев указ о том к ним будет, и он-де, Хмельницкий, во всех тех [С. 160] городех, которыми ныне владеет, посадит воевод от царскаго величества и крепости всякие в городех учнет чинити». Это показание назаретского митрополита Гавриила было усилено показанием грека Исаии Остафьева, который приехал в Москву 3 января 1651 года и в Посольском приказе заявил, что, когда он был в Молдавии, призывал его к себе в городе Торговище патриарх Паисий и велел ему объявить в Москве, чтобы царское величество гетмана Хмельницкого и войско его жаловал. С тем же греком Исаиею патриарх Паисий прислал за своею печатью письмо Илье Даниловичу Милославскому и приказал сказать словесно, что прежде сего, когда перед волошскою войною крымский хан хотел идти на Московское государство и гетман писал к патриарху, что хан просит у него себе людей на помощь, то патриарх отвечал гетману, что «буде он на Московское государство начнет давать помощь крымскому хану, то все они, Вселенские патриархи, собравшись, учинят Собор и предадут проклятью и христианином называть его не будут, и чтобы он, гетман, с своим войском царскому величеству всеконечно покорность учинил и поклонился, потому что христианский государь под солнцем единый»⁸².

Таким образом, патриарх Паисий, пребывая по возвращении из Москвы в Молдавии, внимательно следил оттуда за ходом дел в Малороссии. Он поддерживал постоянные сношения с гетманом Хмельницким и московским правительством, всячески склоняя обе стороны к союзу и к окончательному соединению, устраняя, по возможности, в их отношениях все, что могло вести к недоразумениям или [С. 161] разрыву между ними. Когда же планы Паисия с этой стороны стали осуществляться, гетман Хмельницкий и все войско казацкое действительно сделались подданными царя Московского и вместе с ним начали счастливую войну с поляками, то Паисий пошел далее в видах достижения своей цели усилить Московское государство присоединением к нему разных православных народностей, чтобы создать из него силу, способную окончательно разгромить турок. Он хотел, чтобы вслед за Малороссией подданство московскому царю приняла бы и Молдавия, благодаря чему Россия прочно стала бы на Дунае, вошла бы отсюда в непосредственную связь и сношения со всеми другими поработанными турками православными народностями и, опираясь на их содействие, окончательно бы уничтожила турок. В пользу своих планов Паисий, проживая в Молдавии, успел склонить самого молдавского воеводу, который уполномочил его вступить по этому

⁸² Греческие дела 7159 г. № 11.

делу в сношения с московским государем, вследствие чего Паисий 8 октября 1655 года прислал в Москву с греком Мануилом Константиновым грамоту государю Алексею Михайловичу с просьбой о принятии в покровительство и оборону молдавского владетеля со всею его землей, которую агаряне часто набегами своими опустошают, святые храмы оскверняют и христиан берут в полон⁸³. В следующем, 1656 году, как известно, последовало и официальное предложение, привезенное молдавским митрополитом Гедеоном, принять, подобно Хмельницкому, и молдавского владетеля в подданство России. Под просительною грамотой подписался, между прочим, и Антиохийский патриарх Макарий, который при этом свидетельствовал, [С. 162] что и Иерусалимский патриарх Паисий одобряет это дело⁸⁴. Но, как известно, не только Молдавия не присоединилась к России, а и Малороссию на первое время удалось присоединить не всю. О войне же с турками для освобождения от их ига православных народностей, о чем мечтал патриарх Паисий и ради чего он так деятельно и горячо вмешался в тогдашние политические дела и отношения, Россия в то время не могла и думать.

Посещение Москвы Иерусалимским патриархом Паисием не осталось бесследным и в других отношениях. В это время русское правительство занято было мыслию учредить в Москве греческую школу, преподаванием в которой заведовал бы вполне надежный православный грек, приисканием которого оно в то время и занималось. Между тем в свите приехавшего в Москву патриарха Паисия оказался его дидаскал, старец Арсений, человек ученый и к тому же знавший русский язык, что было особенно важно. С согласия патриарха Паисия государь оставил Арсения в Москве «для риторического учения». Но, приехав в Путивль, Паисий, как мы видели, прислал на Арсения известный нам донос, вследствие которого Арсений вместо школы попал на Соловки под строгий начал. Тогда государь поручил патриарху Паисию приискать на Востоке другого православного учителя, который бы «не имел никакого пороку в благочестивой вере и был бы далече от еретиков». Паисий обещал исполнить это требование царя и в 1653 году, как увидим, прислал в Москву греческого учителя.

Приезд в Москву патриарха Паисия выдвинул у нас с особою силой и другой в высшей степени [С. 163] важный вопрос: о разности некоторых русских церковных чинов и обрядов с тогдашними греческими. Как известно, русские с течением времени порознились с греками в некоторых церковных чинах и обрядах, самые богослужебные книги их, как печатавшиеся со списков неодинаковых и не одного времени, оказались также в некоторых отношениях между собою не сходными. На это обстоятельство обращали внимание и русские, и приезжавшие в Москву за милостынею греческие иерархи. Некоторые из последних старались внушить русским, чтобы они держались одинаковых с греками церковных чинов и обрядов. Так, еще предшественник Паисия, патриарх Феофан, будучи в Москве, убеждал здесь «единомудрствовати о еже держатися старых законов греческаго Православия и древних уставов четырех патриаршеств не отлучатися». В этом же направлении и с особою энергией и успехом действовал в Москве и патриарх Паисий. Он вел беседы с самим государем о посте в святую Четыредесятницу, а с патриархом Иосифом «учинил соглашение» об этом, подавал свое мнение о времени совершения литургии и, вероятно, по другим вопросам. Но особенно важно и богато было своими последствиями знакомство Паисия с Никоном, тогда еще архимандритом Новоспасского монастыря, а потом митрополитом Новгородским. Паисий с разрешения государя нередко стал видаться с Никоном, много с ним беседовал, причем обращал внимание Никона на некоторые особенности русских обрядов, несогласные с тогдашними греческими, и убеждал его привести русские обряды в полное соответствие с тогдашними греческими. Эти беседы с патриархом Паисием произвели на Никона глубокое

⁸³ Реестр греческим грамотам № 137, 8 октября 1655 г.

⁸⁴ Полное собрание законов. № 180.

[С. 164] впечатление и возбудили в нем намерение и решимость, если он сделается патриархом Московским, произвести исправление русского церковного обряда в видах его соглашения с греческим. Никон действительно сделался Московским патриархом. Между тем патриарх Паисий, возвращаясь из Москвы, прибыл в Молдавию в сопровождении старца Арсения Суханова, который в присутствии патриарха Паисия затеял известные прения с греками о вере, всячески усиливаясь доказать, что именно русские сохранили у себя неизменными весь древний церковный чин и обряд, современные же греки в церковных чинах и обрядах отступили от священной старины и ввели у себя разные непозволительные новшества, почему теперь не греки, а русские должны считаться истинными хранителями и представителями чистого Православия. Патриарх Паисий, сам принимавший некоторое участие в прениях, необходимо обратил внимание на воззрения, так резко и решительно высказанные Сухановым во время прений с греками о вере, понял, что они грозят серьезной опасностью единению Церкви Русской с Греческою Вселенскою, и потому решил действовать – напомнить Никону о своих московских беседах с ним. Он послал в Москву назаретского митрополита Гавриила, который должен был посредничать между гетманом и московским правительством, а вместе с тем должен был побудить Никона позаботиться о приведении русского церковного обряда в полное соответствие с тогдашним греческим. Исполняя поручение патриарха Паисия, митрополит Гавриил действительно беседовал в Москве с Никоном, стараясь укрепить его в решимости произвести исправление русских церковных чинов и обрядов, [С. 165] поскольку они были не согласны с тогдашними греческими. Сам Никон потом торжественно заявлял: «Зазирали иногда моему смирению, мне, Никону-патриарху, приходящие к нам в царствующий град Москву, своих ради потреб, святые Восточные Церкви святители: Вселенский патриарх Афанасий и Паисий святого Иерусалима и Гавриил святого Назарета и прочие, и осуждали меня много за неисправление Божественного Писания и за другие церковные вины, из коих одна, что мы неправильно изображаем крестное знамение двумя перстами... И мы, Никон-патриарх, не только ища пользы себе, но и прочим, по апостолу, дабы им спастись, возбужденные таким обличением, рассмотрев, решились произвести церковные исправления». Таким образом, по собственному сознанию Никона, на исправление русских чинов и обрядов, в чем они не согласны были с тогдашними греческими, побудили его греческие иерархи, приехавшие в Москву за милостынею, и между ними первое место принадлежит, как мы видели, Иерусалимскому патриарху Паисию и назаретскому митрополиту Гавриилу, действовавшему в Москве по наказу Паисия.

Но посылкою в Москву назаретского митрополита Гавриила патриарх Паисий не ограничился. Из прений Арсения Суханова с греками о вере он увидел, какое важное значение, по крайней мере некоторые, русские придают своим обрядовым особенностям, что ради них они готовы подвергнуть сомнению Православие современных греков. Ввиду этого настояла неотложная необходимость послать в Москву такое авторитетное и сведущее лицо, уполномоченное патриархами, которое бы разъяснило русским ошибочность их взгляда на значение особенностей их обряда, [С. 166] полную несправедливость их подозрительного отношения к благочестию современных греков и которое бы убедило их в необходимости привести русский церковный обряд в полное соответствие с тогдашним греческим. Патриарх Паисий нашел и подходящее лицо, которое, казалось, с успехом могло выполнить возложенную на него миссию побудить русских исправить свой обряд сообразно с тогдашним греческим обрядом. Это был митрополит Навпакта и Арты Гавриил Власий, человек ученый, знавший языки греческий и славянский, ранее уже хорошо известный в Москве, так как он присылал в Москву книги, писанные на греческом и славянском языках и, кроме того, не раз присылал в Москву тайные отписки с разными политическими вестями. При этом Гавриил Власий был уже знаком с теми церковными вопросами и недоумениями, решением которых ему приходилось заниматься в Москве, так как он не только был свидетелем прений Арсения Суханова

с греками о вере, но и сам принимал в них участие. В рассказе Суханова об этом событии говорится: «Патриарх Паисий говорил Арсению: скажи мне, кто тебе надобен, с кем тебе говорить: даскол Лигаридий или даскол митрополит Власий? Арсений говорил: владыко святой, дай мне кого из своих архимандритов, кого изволишь, а те люди науки высокой были во Цареграде, и во Александрии, и в Риме и многие ереси заводили, и того ради и царство ваше раззорилось... Митрополит Власий Арсению говорил: Арсение, о крестном знамении ни евангелисты, ни апостолы никто не писал, как персты складать: то есть самоизвольное, но токмо подобает крестообразно кресты чтити, а то все добро и ереси, и хулы на Бога [С. 167] никакой в том нет». Значит, из бесед с Арсением Сухановым в Молдавии митрополит Гавриил Власий уже успел познакомиться и с теми церковными вопросами и недоумениями, решать которые ему придется в Москве, и с теми приемами, какие практиковали в подобных случаях русские книжные люди, так что он уже ранее был несколько подготовлен к своей особой миссии в Москве.

В октябре 1652 года митрополит Навпакта и Арты Гавриил Власий прибыл в Москву. С ним патриарх Паисий прислал государю грамоту, в которой писал о Гаврииле, что он «древний друг и богомolec блаженный памяти приснопамятному отцу вашему, великому государю», и часто к нему прислано было царское жалованье еще до поставления его на митрополию, и «вашему царствию прислал он две книги»: одна Мелетия, патриарха Александрийского, против иудеев, а другая грамматика, «и в тех книгах писано на одной стороне еллинским письмом, а на другой пословенски». Затем патриарх Паисий пишет: «Повелели нам, богомольцу вашему, радети и обрести единого учителя премудраго и православнаго, и не имел бы никакого пороку во благочестивой вере и был бы далече от еретиков, и послати б нам иво ко святому вашему царствию поклонитися, да учинит учительство и учит еллинский язык, яко же она есть древня от иных язык, понеже она корень и источник иным. И сего ради избрали есми достойнаго о таком деле, яко сего преосвященнаго митрополита Навпакта и Арты, пречестнаго экзарха всея Италии (Этолии?), премудраго учителя и богослова великия Церкви Христовы, о Святом Духе возлюбленнаго брата нашего и сослужителя нашего смирения, господина Гавриила [С. 168] Власия, яко же такова в нынешних временах в роде нашем не во многих обретаецца. И будучи в таком деянии и мудрости и разуме, почтил его блаженнейший патриарх Александрийский Иоанникей, о Святом Духе возлюбленный брат и сослужитель нашего смирения, а мы почли иво и наместником учинили со властью: в котором месте не будет, отвещати за нас во всех благочестивых вопросах православный нашея веры. И объявляючи боголюбезную мысль святаго вашего царствия, понудили его приити для великаго вашего царствия, аще труды понести и многие убытки принять и погибель живота своего, токмо идет на поклонение со прочими своими, видети ваши царские очи и совершити дело с великим радением, что желает святое ваше царство – и великаго достоинства. Посем бьем челом великому вашему царствию, да восприемлещи его с отверстыми недрами любительно и человеколюбно и почтиши его, яко наместника нашего – двух патриархов. А какову честь ему учините, и та честь нам воздается, и для небеснаго и превышняго Бога пожалуйте его, как Бог известит великому вашему царствию, не яко иных, но боле того, потому что иной такой митрополит преже сего в ваши страны не приезживал.

А только будет произволите ваше царствие быть учительству, яко же выше сего рекли есми, и он готов есть побыти, колико время ему возможно, а мы ему такоже обещалися, что ему имети волю свою, а будете благодарить великое ваше царствие. И он побудит и многое время, покаместа ученики от него отойдут, и противлятися будут с еретиками, и ответ будут давать обо всяком вопросе, и будет благодаритися великое ваше царствие, и все бояре и князи, и будети оставите вечное воспоминание [С. 169] в похвалу и славу от всех царств и королевств. А будет не изволит царствие ваше быть учительству и бьем челом, чтобы ему побыть, покаместа он похочет, а святое ваше царствие пожалуйте его своим царским жало-

ваньем милостынею, чтобы ему вашим царским жалованьем приехать к себе и покой свой получить и легость обрести от долгов своих, что имеет; а он, да будет должен всегда молити всемогущаго Бога о вашем царском многолетнем здравии, якоже и прочий архиереи». По просьбе Паисия писал государю рекомендательную грамоту о митрополите Гаврииле Власии и бывший Константинопольский патриарх Иоанникий, который заявлял, что Гавриил «и богослов, и православный в роде нашем, и что произволит великое ваше царствие от него воспросити от богословия и изыскания церковного, о том ответ будет держати благочестно и православно, якоже восприяша благочестивая Христова великая Апостольская и Восточная Церковь. Также и блаженнейшие о Святом Духе возлюбленнии братья и сослужители нашего смирения: Александрийский патриарх господин Иоанникий и Еросалимский господин Паисий избрали его наместника своего и в грамоте о том объявлен. И того ради молим великаго вашего царствия, да восприемлете его любительно отверстыми недры и честь ему повелите воздати не тако, яко инем, которые завсегда приходят к вашему царскому величеству, но того ради, что он послан от нас и от прочих двух блаженнейших патриархов – Александрийскаго и Еросалимскаго и есть верный и древний друг и богомолец теплый блаженной памяти отцу вашему».

Из приведенных грамот патриархов Иерусалимского Паисия и бывшего Константинопольского Иоанникия [С. 170] видно, что митрополит Гавриил Власий был послан в Москву Паисием между прочим и с особой, специальной целью: «отвечать от богословия и изыскания церковного» на те вопросы, какие, предполагалось, ему будут предложены в Москве. Именно ради этой цели, чтобы придать ответам митрополита больший авторитет в глазах русских, он и сделан был наместником двух патриархов – Иерусалимского и Александрийского, вследствие чего его ответы на церковные вопросы русских должны были быть как бы ответами самих патриархов, или, что то же, ответами всей Православной Греческой Церкви на вопросы Церкви Русской. Как митрополит Гавриил выполнил эту свою миссию в Москве, мы, к сожалению, не знаем. Он подавал государю докладную записку о положении политических дел в Турции, о своих переговорах с гетманом Хмельницким, причем он ни слова не говорит о делах церковных. Не упоминает он о них и в своей речи, которую он говорил на представлении государю. Очевидно, государь ничего не вопрошал Гавриила от богословия и изыскания церковного, так как решение разных церковных вопросов в это время уже взял в свои мощные и властные руки святейший патриарх Никон. С Никоном как представителем Русской Церкви митрополит Гавриил, вероятно, и вел беседы «от богословия и изыскания церковного» относительно особенностей русского обряда и чина, о необходимости их немедленного приведения в полное соответствие с тогдашними греческими чинами и обрядами, особенно ввиду того, что эти обрядовые разности подают повод некоторым русским подозрительно или даже и прямо отрицательно относиться к Православию современных греков. Вероятно, эти [С. 171] беседы с митрополитом Власием, человеком ученым и уже ранее основательно подготовившимся к таким беседам, вызвали в патриархе Никоне окончательную решимость заняться исправлением русского церковного чина и обряда, тем более что Гавриил Власий явился в Москву в качестве уполномоченного от трех патриархов, которые ручались не только за основательность его знаний, но и за то, что он «ответы будет держать благочестно и православно, яко же восприяша благочестивая Христова великая Апостольская и Восточная Церковь». По крайней мере, вскоре после отъезда из Москвы митрополита Гавриила Власия (он выехал в феврале 1653 года) Никон ввиду наступившего Великого поста издал известное свое распоряжение: «По преданию св. апостол и св. отец не подобает в церкви метания творити на колену, но в пояс бы вам творити поклоны; еще и тремя бы персты есте крестились», так что с приездом в Москву митрополита Гавриила

можно связывать начало деятельности Никона, направленной на приведение русского церковного чина и обряда в полное согласие с тогдашними греческими⁸⁵.

19 декабря 1652 года в Москву прибыл архимандрит Иерусалимского патриарха Иоасаф, с которым Паисий прислал государю и государыне грамоты, писанные от 10 мая. В грамоте государю Паисий писал, что он посылает архимандрита Иоасафа, «ради милостины и помощи и молим конечно твоей кротости, да приемлещи их невозбранно в тихом образе, показуя милосердие и любовь ко Святым Местам; а мы, услышав и милость видячи, будем благословляти державу великаго вашего царствия, якоже и ныне [С. 172] не престаем, дабы воспомановенно было великое ваше имя в молитвах и молениях наших, что достигли есми ко Святым Местам с великим вашим жалованьем. А те бедные старцы без нас во многих налогах и утеснении пребывали, и мы о сем радели приехати вскоре, а было мне задержанье в Мутьянской земле в немощех моих⁸⁶. А милость великаго вашего царствия [С. 173] яки солнце сияет по всему свету, согревает и оживляет всяческая, тако-же и к нам милость великаго вашего царствия». В грамоте к царице Марии Ильиничне патриарх Паисий писал: «Если какому-либо христианнейшему лицу приличествует оное пророческое слово царя и пророка Давида: Господи! Возлюбих благолепие дома твоего и место селения славы твоея, то это изречение приличествует именно великому твоему царствию, потому что поистине ты украсила Святой Град Иерусалим драгоценными сосудами, которые ты подала к сему

⁸⁵ 7161 г. № 5.

⁸⁶ Патриарх Паисий, будучи в Москве, в особой челобитной просил государя поскорее отпустить его в Иерусалим, потому что местные еретики, пользуясь долгим отсутствием патриарха, сильно обижают православных, почему ему и необходимо немедленно ехать в Иерусалим. Но, прибыв в Яссы, Паисий не поехал в Иерусалим, а прожил в Молдавии целых два года. В грамоте государю из Ясс от 4 ноября 1649 года Паисий свою остановку в Молдавии объяснял тем, что у него будто бы «имеются некоторые дела на короткое время в святогробских подворьях здесь и во Влахии». В другой грамоте, от 10 ноября, государю он объясняет дело так: «А мешканье мое се бо есть потому, что в здешней земле имеем монастырь свой; а здесь в монастыре жили и ожидали от иных монастырей податей... а потом силою Божию поедем ко святым и богостепенным местам». Теперь же патриарх заявляет, что причиной его задержания от Молдавии были его немощи. В действительности же причина его продолжительного пребывания в Молдавии заключалась в его особых отношениях к тогдашнему Константинопольскому патриарху Парфению Младшему. Досифей об этом рассказывает следующее: «Когда Паисий Иерусалимский при Парфение Младшем был рукоположен в Яссах и пришел в Византию, чтобы оттуда отправиться в Иерусалим, Парфений требовал от него денег, как предшественник его от Александрийского, но Паисий, ясно увидевши в нем симонию, не дал ему ни обола. После сего, когда Паисий из Святого Града Иерусалима отправился в Москву для милостыни, Парфений чрез письмо клеветал на него славному самодержцу Алексею Михайловичу, но лукавство Парфения не имело никаких последствий. Но как скоро Паисий, возвращаясь из Москвы в Иерусалим, прибыл в Византию, Парфений обвинил его как злоумышленника против правительства пред диваном Капиджи-паши, визиря султана Ибрагима. Визирь, призвав в себе Паисия, допросил его и, уверившись, что он человек справедливый, отпустил его с миром, только взял с него четыре тысячи флоринов. Но когда Паисий опять из Святого Града отправился в Валахо-Молдавию, патриарх Парфений снова начал преследовать его и кроме правительственной Порты клеветал на него правителю Молдавии Василию и Матфею, правителю Валахии. Что ж потом случилось? Правители с помощью друзей и денег обвинили Парфения пред Портой и удушили. Тем и кончились бедствия, постигшие святую Христову Церковь, и тиранские насильственные поступки» (*Досифей Иерусалимский. История Иерусалимских патриархов. Кн. XI, гл. 10, § 10*). Этот рассказ Досифея о вражде между патриархами Паисием и Парфением подтверждается и теми известиями, какие доходили об этом до нашего правительства, хорошо знавшего истинную причину продолжительного пребывания Паисия в Молдавии. В 1650 году прибыл из Молдавии в Путивль старец Чудова монастыря Пахомий, выехавший из Москвы вместе с Паисием, и заявил воеводе, что Иерусалимский патриарх «в Иерусалим опасается ехать, боясь опалы от султана, за что – не знает, да за старую недружбу Цареградскаго патриарха Парфения опасается запрещения ехать, и потому долго думает прожить в Мутьянах – до самой смерти Парфения». Иеродиакон Иона Маленький, отправившийся из Москвы в Иерусалим вместе с патриархом Паисием, о причинах замедления патриарха в Молдавии говорит: «Патриарху же, коснящу страха ради турскаго, оуже бояся патриарха Цареградскаго, занеже между собою велию вражду ищуще». И Арсению Суханову патриаршие старцы сообщали, что Паисий из Молдавии не поедет в Иерусалим, «если Парфений, патриарх Цареградский, жив будет» (Греческие дела 7158 г. № 9; *Сахаров. Сказания русского народа. С. 11, 161 и 190*). Это нелюбие двух патриархов привело к тому, что Паисий, как ходила тогда общераспространенная молва, послал в Константинополь значительную сумму денег, чтобы низвергнуть своего недруга с патриаршего престола, в чем ему оказали деятельную помощь воеводы молдавский и волошский. Парфений не только был низвергнут, но и убит. В октябре 1651 года фессалийский архиепископ Даниил в особой отписке государю сообщал об убийстве патриарха Парфения, причем замечает: «Грех ради наших сказывают, что Иерусалимский патриарх прислал денег немало тут же на помощь, чтоб ево, патриарха Парфения, сослали, потому что они имели меж себя недружбу» (Греческие дела 7160 г. № 3).

животворящему Святому Гробу; видя их, все племена и народы дивятся и ублажают триипостасного Бога, что он удостоил великое твое царствие за твое врожденное благочестие высочайшего престола царской власти. И стала ты другой святой новой Еленой, [С. 174] украшающей святейший алтарь матери Церквей, почему как та всегда и беспрерывно в этих святых и богосущественных местах, так и благочестивое царствие твое получило вечное поминовение в будущем веке и напечатлено в книгу живота святого и божественного предложения. Я очень хорошо помню, как боговенчанная твоя глава укоряла нас, печалуюсь за то, что мы не продолжили пребывания и не замедлили более в благословенных пределах вашего царствия, где мы пользовались и почестями, и большим вниманием. Но, христианнейшая царица, бедствия нашего престола чрезвычайно умножились, и они-то хотя-нехотя понудили нас уехать для строения нужд беднейшей жалкой нашей кафедры. Я бы желал пробыть у вас годы и времена и, пожалуй, всю свою жизнь. Однако же милость великаго вашего царствия мы никогда не в силах забыть, и как? Скорее мы забудем самих себя, чем предадим забвению крайнюю милость вашего царствия, потому что ею оберегается и утверждается Святой Гроб». Затем Паисий просит государыню «милостиво принять и ущедрить милостью посланных им, ради управления Святой Божией Церкви, не склоняя слухов к злоязычным людям, которые стремятся злословить и клеветать, только чтобы получить доступ к великому вашему царствию. И особенно Арсений (Суханов), о котором один Бог знает, как мы пеклись, и который, однако же, оказался неблагодарным Иудею, не признающим великаго благодеяния, которое мы ему оказали, и всего, что мы для него сделали. Мы слышали некоторые пустые слова, которые он говорил против меня, и он здесь отрицал их с клятвою, клятвопреступник; однако же святой назаретский (митрополит Гавриил) удостоверил [С. 175] нас, что он, Арсений, говорил. Но мы радуемся, когда клеветают на нас, потому что весьма многие святые несправедливо и беспричинно были оклеветаны. Об одном только, царица моя, мы опечалились и огорчились, что он обманул справедливейшаго царя и, обманывая царя, обманул Бога, наместник которого на земле есть он (царь). И не убоился он, тренесчастный, чтобы земля не разверзлась и не поглотила его, как Дафана и Авирона. Но божественное правосудие отмстит как ему, так и всякому другому злу; как солнце не может спрятаться, хотя его лучи облаками и закрываются на некоторое время, так и правда обнаруживается, делается известной со временем, почему она и называется спутницею Бога всяческих. На сей раз довольно. И если мы отягчили слух великаго вашего царствия, то не покручиньтесь, потому что одна только правда побудила нас написать это».

Грамота патриарха Паисия государыне показывает, что благочестивая Марья Ильинична отнеслась в Москве к Паисию с особым радушием и благосклонностью, что она уговаривала Иерусалимского патриарха подолее побыть в Москве и послала с ним ко Гробу Господню очень богатые церковные сосуды. Этим расположением к нему государыни и решился теперь воспользоваться Паисий, чтобы подорвать в Москве значение показаний известного Арсения Суханова, который отправился из Москвы на Восток вместе с Паисием со специальным поручением от правительства составить «описание Святых Мест и греческих церковных чинов». Суханов очень неблагоприятно отнесся к грекам вообще и их обычаям и даже заподозрил самое их благочестие, что он не стесняясь [С. 176] и выразил в своих знаменитых «прениях с греками о вере», почему греки естественно должны были отнестись к Суханову очень враждебно. Но Суханов, кроме порицания греков вообще, доносил правительству что-то очень неблагоприятное и лично про патриарха Паисия и, вероятно, между прочим, объяснил истинную причину продолжительного пребывания Паисия в Молдавии, заключавшуюся во вражде Паисия к Константинопольскому патриарху Парфению, к которому очень расположено было наше правительство как к своему ведомому доброхоту. Обратиться со своими жалобами на Арсения прямо к царю Паисий не решился, а предпочел действовать через государыню, очевидно предполагая в ней большую, нежели у государя,

восприимчивость к жалобам его – Иерусалимского патриарха. Из последующего, однако, не видно, чтобы обвинения Паисия имели какие-либо последствия для Суханова.

С архимандритом Иоасафом патриарху Паисию было послано милостыни соболями на 1500 рублей (на наши деньги тысяч на двадцать пять рублей) и царская грамота, в которой государь извещает патриарха, что он и царица приняли его посланных и грамоты и что он посылает патриарху «здравные милостины двенадцать сороков соболей добрых, да от царицы нашей... шесть сороков добрых же», просит его молить Бога о всей царской семье «и о наших государских делах радети и ведомо нашему царскому величеству чинити, а у нас... и вперед ваше святительство в забвении не будет». Архимандриту Иоасафу, сверх обычной дачи «на приезде» и «на отъезде», дано еще было сто рублей (на наши деньги 1700 руб.). Эта чрезвычайная дача Иоасафу, вероятно, [С. 177] объясняется следующим обстоятельством: Иоасаф подал государю особую челобитную, в которой заявляет, что он пять лет состоит игуменом иерусалимского в Цареграде Георгиевского монастыря, откуда патриарх и послал его в Москву, что он «знаем всем начальным турецким людям и о всяком твоём государеве деле тебе, государю, служить и работать я, богомолец твой, могу», почему теперь и просит государя: «Вели мне, богомольцу твоему, служити и работати всяким твоим государевым делом», просит, когда он ради государевых дел будет посылать в Москву разных добрых греков, то чтобы их беспрепятственно пропускали в Путивле, на что и должна быть ему выдана особая государева грамота. Такая грамота была дана Иоасафу, и он, таким образом, поступил в число наших тайных политических агентов в Турции, обязанных обо всем, что в ней делается, немедленно извещать наше правительство особыми отписками, посылаемыми в Москву с верными людьми⁸⁷.

В 1654 году патриарх Паисий прислал государю с халкидонским архимандритом Матвеем грамоту, в которой писал: «Мы, царю мой многолетний, ходим от места на место ко благочестивым Христианом малыя ради милостыни за святые и богоходимыя места, идеже на всяк день искушения, иждивения и исходы не оскудевают, частью от агарянов, частью от проклятых еретиков арменов, и имамы обиды на всяк день. Обаче со благословенною милостью великаго царствия твоего и благочестивых православных христиан стоим, и мы боремся с дикими [С. 178] зверьми», и затем рекомендует государю одного грека⁸⁸.

В 1657 году путивльские воеводы доносили государю, что 2 июня в Путивль прибыли Иерусалимского патриарха архимандрит Герман, келарь Афанасий, да патриарший человек Дмитрий. Воеводам архимандрит Герман сказал, что едет к государю и святейшему патриарху Никону с грамотами Иерусалимского патриарха Паисия «наскоро, тайно», «а писаны-де (грамоты) о наших государевых великих делах, а вестей за собою никаких не сказал». Указом государя велено было воротить архимандрита назад из Путивля, дав ему милостыню, применяясь к путивльским дачам. Но архимандрит Герман прислал из Путивля челобитную, в которой заявлял, что он приехал с патриаршими грамотами, которые патриарх велел «подати в руце святому вашему царствию, и как я приехал в Путивль и взял меня силою воевода, который здесь, и спрашивал меня: для чего едешь к твоему святому царствию? И я ему сказал: да отпустит меня поклониться царствию вашему, как приказано мне от патриарха, рассказать из уст всякую бедность и всякой долг, что учинили проклятые арменья; и он не отпустил меня». Архимандрит просит государя приказать пропустить его в Москву, так как без царской грамоты и милостыни он боится возвращаться к патриарху, тем более что они исхарчились и возвратиться им назад не на что. Ответа на эту челобитную не последовало, и архимандрит был возвращен назад из Путивля⁸⁹.

⁸⁷ 7161 г. № 10; Белокуров С.А. Арсений Суханов. Приложение.

⁸⁸ 7163 г. № 1.

⁸⁹ 7165 г. № 21.

[С. 179] Прибывший в Москву 24 апреля 1658 года грек Исаия Остафьев в Посольском приказе заявлял, что Иерусалимский патриарх Паисий просил его, Исаию, взявши с него в том присягу, известить великого государя через боярина Илью Михайловича, что у Иерусалимского патриарха есть ближний человек у султана, бывший родом грек, а патриарху друг и советник, имя ему – Шаптам-ага, который говорил патриарху: у турок есть помышление переменить господарей Венгерского Ракоция, Валахского Константина и Молдавского Стефана за то, что они держат между собою совет, заодно и с казаками сочетаются; и если их не сменить и не казнить, то султану невозможно будет послать ратных своих людей, а как поставит новых князей, то можно будет ему на казаков, ибо тогда не будет гетману вестей ни письменно, ни словом и не будет в силе. Обо всем этом писал султану крымский хан, а также и о том, что король Литовский учинится ему данником и будет платить ему ежегодно по 3000 ефимков, лишь бы султан прислал ему помощь с новыми воеводами. Обо всем этом велено было патриархом доложить государю через ближнего боярина словесно.

В том же году 6 июня приехал в Москву грек Иван Анастасов и в расспросе заявил между прочим, что султан по челобитью армян велел было убить Иерусалимского патриарха, потому что армяне давали за то визирю и пашам 200 000 ефимков; но визирь про то разыскивал и велел побить тех покупателей-армян, иерусалимского пашу и иных всех заводчиков, и церкви греческие, которые были за армянами, все отданы по-прежнему Иерусалимскому патриарху. Более обстоятельные [С. 180] известия прислал в Москву об этом событии архимандрит Иоасаф, бывший в Москве в конце 1652 года и поступивший на службу нашего правительства в качестве тайного политического агента в Турции. Теперь он писал государю (в ноябре 1658 года): «Объявляю великому вашему царствию страшное смутное дело, которое учинилось: блаженнейший патриарх наш Паисий хотел починить корону свою, и огласилось сие армянами и другими злыми людьми ближнему цареву человеку и визирю. Они отдали патриарха под стражу Гасан-паше и Юсуф-паше, сиречь земским боярам, и, сковав его, весьма мучили, а корону его, взяв, отослали в Адрианополь к визирю с великим человеком Юсуф-агою. Потом ночью, взяв патриарха, отвели его туда, где был замучен и конец принял Парфений, патриарх Вселенский, и хотели и его тут же повесить, а потом отвели его к адрианицким воротам, чтобы больше денег посулил, и мучили его страшно, и многих купеческих людей, – учинился великий страх и трепет... Укрылись все купеческие люди, и только я, раб вашего царского величества, да иные четыре человека старцев тайно ходили в Адрианополь и виделись с визирем. Изволением Божиим визирь то наше дело доложил султану, и царь о том спросил визиря: носят ли де патриархи венцы? Визирь ему сказал: пожаловали патриарху носить венцы, как Евангелие чтут, дед ваш. И царь приказал: пусть-де он, патриарх, носит про мое здоровье, и тотчас прислал человека с наказною грамотою, да не будет никто против патриарха. И всех тех людей освободили по сему наказу, только от того патриарху много убыли стало и Святому Гробу. Патриарха мучили горько, и ожидал смерти всякий час, только лишь не казнили... [С. 181] Богомолец святаго вашего царствия патриарх хотел объявить письмом о великих своих нуждах и бедах и повседневном заключении... но ныне турки с французским брань имеют, для того и смотрят всякие письма. Патриарх от великих долгов бежал Черным морем и думал быть в Иверской земле, а меня оставил на свое место прикащиком, в великой погибели, в монастыре на подворье, и приказал мне писать вашему царствию о всяких делах и статьях с верным рабом вашего царствия Иваном Юрьевым, и он, Иван, смышлено будет объявлять вашему царствию из уст своих. Сего ради пишу с великим страхом и трепетом, ибо не гадаю и не чаю доехать рабу сему до вашего царствия»⁹⁰.

8 ноября 1659 года греки Дементий Петров и Дмитрий Юрьев привезли в Москву государю грамоту от патриарха Паисия (самой грамоты в деле не имеется), в которой он извещал

⁹⁰ 7166 г. № И и 63; 7167 г. № 3.

государя, что до него дошло царское жалованье, посланное в прошлом году с греком Дементием, и, уведомляя затем о тесноте своей и мучениях от безбожных турок, снова просит государя прислать ему милостыню. Паисию послано было, по примеру посылок прежних лет, на 100 рублей соболями⁹¹. Это была последняя грамота патриарха Паисия к русскому правительству: через год с небольшим, именно 2 декабря 1660 года, он скончался.

Подобно своему предшественнику Феофану и Паисий-патриарх иногда обращался к государю с ходатайствами за разных просителей милостыни. Так, 1 октября [С. 182] 1660 года прибыл в Москву сербского Крушедолова Благовещенского монастыря архимандрит Амфилохий, о котором Паисий писал государю: «Буди ведомо державному христианскому царю, что в нынешних временах показал тя Господь наш Иисус Христос, яко великаго и древняго царя Константина – утверждение благочестивой вере нашей, и ревнитель ты еси его во всем: строиши и распространяеши Церковь Христову, яко же Христос строил Своєю Кровию, и по всей вселенной славна великая ваша царская милостыня, что еси всегда творишь монастырем и всем церквам Божиим; и сего ради прибегает всяк получить милость от царствия вашего – глаголю убо меж зверей диких и им покоренным будучи агарянским детем – равным зверем. Такожде и сей архимандрит Амфилофей сказал нам, что он имел у себя две жалованные грамоты – царя Бориса и царя Василья, в их обители в Кросодоле, во области сербские, и те-де жалованные грамоты агареня из монастыря пограбили. А того монастыря соорудители были Максим архиепископ, да два короля: блаженные Иван да Стефан с матерью их Ангелиною. И для ради подлинной достоверности бил вам челом сей архимандрит с братиею, чтоб нам послать к великому вашему царствию молитву, и благословение, и прощение, и подлинно ведомо учинить, что они добраго и святаго монастыря и постоянно поминают благоверных чин. Посему прибегают они, бедные, и поклоняются к великому вашему царствию, и просят милостыню от великого вашего царствия, и пожалуй их как тебе всемилостивый Бог известит».

От 6 апреля 1651 года Паисий писал государю относительно архимандрита Евфимия, приехавшего в Москву за милостынею [С. 183] с ларисским архиепископом Каллистом: «Поелику многие благочестивые христиане: архиереи, игумны и вельможи прибегают со стороны восточной к богодарованной его державе с патриаршими грамотами, и получают утешение в печалех, и, возвращаясь в свои области, молят Бога о его царском здравии, то и сей священноиннок приезжал с свидетельствованными грамотами, что он обижен от агарян, которые хотели разорить его монастырь, и потому патриарх молил о даровании ему милостыни». Встречаются и еще подобные грамоты патриарха Паисия, хотя их, сравнительно с количеством рекомендательных грамот патриарха Феофана, и очень немного⁹².

Обзор сношений Иерусалимского патриарха Паисия с русским правительством показывает, что эти сношения имели важность прежде всего для русской церковной жизни, на которую они оказали очень заметное влияние. Русские порознились с современными им греками в некоторых церковных чинах и обрядах, почему уже патриарх Феофан, находясь в Москве, настаивал перед царем и Филаретом Никитичем об отмене некоторых церковных обычаев на Руси ввиду их несогласия с обычаями, практиковавшимися во всей Греческой Церкви. Гораздо далее Феофана пошел в этом деле патриарх Паисий. Во время своего пребывания в Москве он вел переговоры по церковным вопросам с государем, учинял соглашение с патриархом Иосифом, но главное, что особенно важно, – вел беседы с Никоном, сначала архимандритом, а потом новгородским митрополитом, указывая ему на разность некоторых церковных [С. 184] обрядов у русских сравнительно с тогдашними греческими и на необходимость их согласования в том смысле, чтобы русские особенности были исправлены по

⁹¹ 7168 г. № 8.

⁹² 7159 г. № 3, 39, 42; 7161 г. № 16.

образцу греческих. Эти беседы, на которых Паисий «зазирал» Никона, привели последнего к сознанию необходимости произвести церковные исправления в широких размерах, в видах согласования русских церковных книг, чинов и обрядов с тогдашними греческими. Чтобы поддержать решимость Никона действовать в указанном направлении, Паисий по отъезде из Москвы посылал сюда из Молдавии двух митрополитов: назаретского Гавриила и навпактского Гавриила Власия, которые по поручению Паисия укрепляли Никона в его решимости начать церковную реформу, так что известная и богатая своими последствиями для дальнейшей нашей церковной жизни деятельность Никона во многом обязана и своим началом, и своим общим направлением именно Иерусалимскому патриарху Паисию. Побуждения, которые руководили в этом случае патриархом Паисием, понятны: он увидел, как многие русские благодаря именно своим тогдашним церковным особенностям неблагоприятно стали смотреть на современных греков, готовы были видеть в них отступников от древнего церковного чина и обряда, народ, Православие которого очень сомнительно; как они относились поэтому к современным грекам с заметным пренебрежением, как к низшим себя в делах веры и благочестия. Дальнейшее развитие и усиление этого направления в русской жизни могло в будущем угрожать даже разрывом Русской Церкви со Вселенскою Греческою, а грекам окончательную потерю всякого влияния и значения у русских. Интересы [С. 185] Вселенского Православия и национальные греческие интересы, которые у Паисия всегда стояли не на последнем плане, и побудили его энергично позаботиться о поддержании и возвышении на Руси греческого церковного авторитета, а вместе и престижа греков вообще в глазах русских, к чему действительно прямо и вела церковная реформа Никона, возникавшая и потом проведенная под влиянием и при деятельном участии греков.

Подобно своему предшественнику, патриарху Феофану, Паисий усиленно заботился поддерживать близкие сношения с московским правительством, чтобы пользоваться его милостыней для поддержания бедствующих Святых Мест, для борьбы с католиками и армянами, которая и при нем, как и при Феофане, велась с напряжением и иногда принимала настолько острый характер, что самой жизни мужественного патриарха грозила серьезная опасность. В видах получения богатой милостыни от московского правительства Паисий вскоре по вступлении на патриарший престол лично отправился в Москву. Но он в этом случае преследовал и другие цели, а именно политические, которые играли очень выдающуюся и характерную роль в его сношениях с московским правительством. Он вошел в близкие сношения с гетманом Хмельницким, поднявшим очень удачное восстание против поляков, и, благословляя его на борьбу, сделался посредником между ним и московским правительством, имея в виду привести их к взаимному соглашению, к признанию казаками подданства московскому царю. Затем Паисий вошел в тесные сношения с господарями Молдавии и Валахии и употреблял все усилия привести их, с одной стороны, в соглашение с [с. 186] Хмельницким, а с другой – с Москвой, долженствовавшей, по его мысли, сделаться опорой и главой целого союза православных народностей, которые под верховным руководством московского царя начнут потом решительную борьбу с турками в видах своего освобождения из-под их ига. Таким образом, патриарх Паисий увидел и признал в Московском государстве ту политическую силу, которая с течением времени должна была сделаться орудием для низвержения турецкого господства и восстановления свободы православных народов, и, конечно, главным и первым делом греков. Именно для достижения этой конечной цели Паисий и отважился на очень рискованную для его положения и самой жизни роль – посредника-примирителя между Москвой, казаками и Молдо-Влахией.

Глава 4

Сношения патриарха Нектария с русским правительством

[С. 187] Преемником патриарха Паисия на Иерусалимской патриаршей кафедре сделался Нектарий, который был посвящен в патриархи 9 апреля 1661 года в Иерусалиме, где он и прожил первый год своего патриаршества. В 1662 году он отправился в Константинополь, откуда в сентябре 1668 года прибыл в Яссы. Нектарий был человек очень болезненный, малоэнергичный и предприимчивый, более склонный к спокойной и кабинетной деятельности – за время своего патриаршества он не вступал даже в обычную для других патриархов борьбу с католиками и армянами. Из имеющихся у нас под руками документов не видно, чтобы Нектарий, сделавшись патриархом, извещал о своем избрании и постановлении московское правительство особою грамотой и чтобы он, подобно своим предшественникам, стремился войти в близкие сношения с московским правительством, заботился приобрести его особое расположение в видах получения милостыни и уже вовсе не помышлял о тех политических затеях, которым так горячо был предан его предшественник Паисий. Но и при своем осторожном и сдержанном отношении [С. 188] к русскому правительству Нектарий все-таки волей-неволей должен был принять участие в тогдашних смутных русских церковных событиях, а именно, в суде над патриархом Никоном.

В июле 1658 года святейший патриарх Никон неожиданно оставил патриарший престол и удалился в построенный им Воскресенский монастырь, не желая в то же время окончательно отказаться от патриаршества. Это последнее обстоятельство поставило правительство в крайне затруднительное положение, так как выбор нового патриарха был невозможен, пока оставался нерешенным вопрос о Никоне. В 1660 году в Москве был собран Собор, который должен был рассмотреть и порешить дело о Никоне. Собор сделал такое постановление: «Чужду быти Никону патриаршескаго престола и чести, вкупе и священства и ничем не обладать». После такого категорического решения о Никоне, по-видимому, оставалось только приступить к избранию и постановлению нового патриарха. Но на такой шаг не решилось правительство, так как сам Никон открыто и решительно отрицал право подчиненных ему епископов судить его – своего главу, признавая это право только за Константинопольским патриархом, и так как архимандрит полоцкого Борисоглебского монастыря Игнатий Иевлевич, а затем и известный Епифаний Славинецкий тоже высказались против права Собора 1660 года судить Никона. Ввиду этих обстоятельств правительство принуждено было признать Собор 1660 года неудавшимся и отказаться от исполнения состоявшегося на нем определения относительно Никона, вследствие чего вопрос о Никоне по-прежнему остался открытым, по-прежнему правительство не знало, что ему делать [С. 189] с бывшим патриархом. Тогда за решение этого дела взялся известный газский митрополит Паисий Лигарид, прибывший в Москву 12 февраля 1662 года по приглашению бывшего патриарха Никона, который думал найти в нем своего сторонника, а нашел самого заклятого врага.

Паисий Лигарид был человек образованный и даже ученый, человек ловкий, находчивый и при этом, как воспитанник иезуитов, нравственно очень гибкий и податливый греканин, способный приладиться ко всякой среде и обстановке, умевший сделаться нужным и необходимым для тех, которые были нужны ему самому, от кого он надеялся получить какие-либо для себя выгоды. Прибыв в Москву и осмотревшись здесь, он сразу понял, что дело Никона окончательно проиграно, что действовать в пользу Никона для него, Лигарида, нет ни малейшей выгоды, и потому он сейчас же решительно стал на сторону врагов

Никона, сделался их душою и руководителем, причем быстро сумел приобрести расположение и доверие самого царя, уже нравственно измученного продолжительным столкновением с Никоном, искавшего опоры, успокоения, оправдания своему поведению относительно бывшего «собинного друга». Лигариду, этому вкрадчивому и льстивому гречанину, удалось так подействовать на царя, что тот, по словам Никона, стал слушать Паисия, как «пророка Божия». По совету этого «пророка Божия» решено было пригласить восточных патриархов, или лично прибыть в Москву, или прислать сюда экзархов для суда над Никоном. В этом смысле 28 декабря 1662 года и написаны были от имени государя пригласительные грамоты ко всем четырем восточным [С. 190] патриархам, с которыми и отправлен был на Восток единомышленник Лигарида, его соотечественник и друг, проживавший в Москве грек иеродиакон Мелетий. Прибыв в Константинополь, Мелетий вручил царскую грамоту Константинопольскому патриарху Дионисию, а также Иерусалимскому Нектарию, который в то время находился в Константинополе. Эти пригласительные грамоты государя поставили обоим патриархов в очень затруднительное положение. Дело в том, что Мелетий, прибыв в Константинополь, неосторожно обнаружил здесь цель своего приезда, т. е. от него узнали, что он приехал добыть от патриархов осуждение Никона и что в этом деле главную роль играет Паисий Лигарид. Эти распространившиеся по Константинополю вести произвели сильное волнение между греками, так что некоторые из них не только публично поносили Лигарида и Мелетия, но и искали убить последнего. Причины волнения греков и сильного их негодования на Лигарида и Мелетия понятны. Патриарх Никон до крайности любил все греческое и самих греков, другого подобного греколюбца не бывало на Руси, это прямо признавали сами греки и даже личные враги Никона, как, например, Паисий Лигарид. Вся известная церковная деятельность Никона имела строго грекофильский характер, совершалась по указаниям и при содействии греков; им он всячески покровительствовал, всюду выдвигал их церковный авторитет на первый план, возвышал греческое даже в явный ущерб русскому; он строил свои монастыри по образцу греческих, приглашал в Москву греческих учителей пения, греков-мастеров серебряного дела и т. п. Естественно, что каждый истый грек симпатизировал [С. 191] Никону, так как видел в нем своего поборника и защитника, человека, который стоит в Москве на страже греческих интересов. И вот о низвержении и конечном осуждении этого-то горячего радателя греков и всего греческого усиленно хлопочут теперь сами же греки, живущие в Москве. Так они поступают, конечно, только потому, что дали подкупить себя врагам Никона, и, конечно, только с помощью денег они думают теперь добыть от патриархов осуждение благодетеля греков Никона. Понятно отсюда, почему горячо заволновались греки, узнав о цели приезда Мелетия в Константинополь, понятно также и то затруднительное положение восточных патриархов, в какое их поставили царские грамоты. Ехать самим в Москву или послать туда экзархов, чтобы осудить почитателя и благодетеля греков, чтобы стать на одну доску с такими своекорыстными интриганам, как Лигарид и Мелетий, патриархи, конечно, не желали, уважая свое достоинство и как патриархов, и как греков. Но, с другой стороны, они не могли решительно отказать и домогательствам русского правительства, расположением которого имели все причины дорожить. Ввиду этого патриархи Дионисий Константинопольский и Нектарий Иерусалимский избрали средний путь. Под предлогом боязни турок они решительно отказались ехать в Москву сами или послать туда своих экзархов, а взамен послали в Москву с Мелетием составленные ими применительно к делу Никона общие определения о власти царской и патриаршей, на основании которых и руководствуясь которыми Собор русских иерархов мог бы сам порешить с делом Никона, без всякого ближайшего или непосредственного участия в [С. 192] этом восточных патриархов. В этом смысле патриарх Нектарий и сделал в конце свитка о власти царской и патриаршей, подписанного всеми восточными патриархами, особую приписку лично от себя, в которой говорит, что правильно собранный Собор имеет право судить всякого епи-

скопа, митрополита и патриарха. Если же патриарх будет противиться суду такого Собора (что и было с Никоном), говоря, «яко не судим и не управляем есмь епископами и митрополитами, зане превышает их саном; да познает сицев муж, яко и митрополит судит и низлагает патриарха, собирающ и прочих архиереев, еликим мощно прибыти». Приведя тому исторические примеры, Нектарий заключает: «Сего ради всякая церковная персона от коеждо церковные персоны правима есть, с настоящим слогом святых правил»⁹³.

Восточные патриархи, и в частности Иерусалимский Нектарий, отославши в Москву свитки о власти царской и патриаршей, думали, что теперь щекотливое дело Никона будет окончательно решено Собором местных русских иерархов. Но в действительности этого не случилось.

23 апреля 1664 года в Москву прибыл иконийский митрополит Афанасий, как он заявил, «с тайным делом к многолетному царю» от своего дяди, Константинопольского патриарха Дионисия. Будучи принят государем на другой же день по приезде своем в Москву, Афанасий говорил государю, что пославший его Константинопольский патриарх Дионисий «челом бьет твоему царскому величеству, чтоб помиритися со святейшим патриархом Московским господином Никоном: якоже Господь [С. 193] наш Иисус Христос пришел на землю и рекл святым апостолом: мир вам; тако молит твоему царскому величеству Вселенский патриарх Дионисий: что-де нам говорят турки и жида, яко имеют на Москве христианского царя, а отженул патриарх; о том молит твоему царскому величеству, чтобы быти миру с патриархом». Но так как Афанасий не привез с собою никаких грамот от патриарха, то государь «поу су мнился» в его миссии. Это сомнение еще более усилилось, когда в мае месяце возвратился с Востока иеродиакон Мелетий, привезший с собою известные ответы патриархов на вопросы о власти царской и патриаршей, осуждавшие Никона. Афанасию были предъявлены патриаршие ответы, прямо противоречившие его заявлениям. Но, рассказывает Паисий Лигарид, «сеятель плевел и великий сопроотивник истины побудил иконийского назвать подписи (патриархов на свитках) подложными. Он подтверждал это тем, что сам нарочно послан от Вселенского патриарха и дяди своего по матери Дионисия ходатайствовать о вожделенном между царем и Никоном мире». При ближайшем рассмотрении присланных свитков Афанасий, однако, признал, что подпись Константинопольского патриарха Дионисия действительно подлинная, но зато он решительно отрицал подлинность подписей трех других патриархов. В присутствии царя и синклита между Афанасием и Мелетием произошли горячие и долгие прения о подлинности привезенных Мелетием патриарших свитков, не приведшие, однако, ни к какому несомненному заключению. Каким образом Афанасий Иконийский мог заподозрить подлинность привезенных Мелетием патриарших свитков, несомненно подписанных патриархами, объясняется очень [С. 194] просто. Афанасий Иконийский, еще будучи в Константинополе, уже сильно интересовался там делом Никона, вполне сочувствовал ему и не желал его осуждения. Когда в Константинополе сделалась известна цель приезда иеродиакона Мелетия – добыть у патриархов осуждение Никона, то Афанасий явился к самому патриарху Дионисию и спрашивал его, дал ли он грамоты Мелетию, осуждающие Никона. Патриарх Дионисий отвечал, что никаких грамот Мелетию он не давал. Дионисий отрицательно ответил на вопрос Афанасия в видах сохранить тайну, но Афанасий принял его ответ за чистую монету и потому был уверен, что патриарх Дионисий грамот Мелетию, осуждающих Никона, не давал. Направившись из Константинополя в Москву, Афанасий в Яссах встретил Иерусалимского патриарха Нектария, с которым также имел разговор о патриарших грамотах, которые желал добыть Мелетий. Сам Нектарий говорил потом о своем свидании с Афанасием следующее: «А что-де иконийский

⁹³ Собрание государственных грамот и договоров. Т. IV, № 27. С. 117; *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Т. II. С. 661–678.

митрополит назвался экзархом и Константинопольскому патриарху племянником, и тем он великого государя хотел оболгать; он-де экзархом не посылован и Константинопольскому не племянник. А про правила-де чаёт он, митрополит, сказал для того: как Иерусалимский патриарх пришел в молдавскую землю в Яси, и он-де, митрополит, приходил к нему почасту и спрашивал: у Мелетия-де государевы грамоты и милостину Константинопольский патриарх и он, Иерусалимской, приняли ли и ответ ему дали ли, и руки свои подписали-ли? И он-де патриарх ему сказал, что государевы грамоты и милостину у Мелетия приняли, а ответу ему никакого не дали и рук своих ни к какому [С. 195] письму не подписывали. А сказал-де ему для того, чтоб не всякий про то ведал, потому-де, что у них страшно, турок-де того и смотрит, как бы Божия церкви разорить и православных христиан погубить». Таким образом, Афанасий Иконийский, оказывается, и от Иерусалимского патриарха Нектария получил то же уверение, что и от Константинопольского патриарха – будто они никаких грамот Мелетию не давали и ни к каким письмам рук своих не прикладывали. Во время своих частых посещений Нектария в Яссах Афанасий, конечно, не раз беседовал с ним об интересовавшем его деле Никона и из этих бесед мог вынести ту твердую уверенность, что Нектарий не сочувствует осуждению Никона, желает его восстановления на патриаршей кафедре, что и Константинопольский патриарх осуждает происки врагов Никона. Ввиду этого Афанасий имел, со своей точки зрения, полное основание заподозрить в Москве подлинность привезенных Мелетием патриарших свитков и усиленно склонять царя к примирению с Никоном, чего, как он хорошо знал, желали Константинопольский патриарх, и в особенности Иерусалимский, а также все лучшие и благонамеренные греки. Скоро московскому правительству пришлось убедиться, что по крайней мере Иерусалимский патриарх Нектарий, несмотря на свою подпись под патриаршими свитками, осуждающими Никона, в действительности желает возвращения Никона на патриарший престол⁹⁴.

В феврале 1664 года патриарх Нектарий подписал патриаршие свитки о власти царской и патриаршей, [С. 196] осуждающие Никона, а от 20 марта уже пишет государю по делу Никона особую специальную грамоту, в которой является сторонником и доброжелателем Никона, ищет примирить его с царем и снова возвратит на оставленную им патриаршую кафедру. «Достопочтеннейшую грамоту священной десницы вашей, – пишет Нектарий, – мы приняли от иеродиакона Мелетия с благоговением и достодолжною почестью, а вместе и милостыню, которою вы почтили святейший и живоприемный Гроб Господень. В сей грамоте мы не нашли причины удаления святейшего патриарха вашего кир Никона, сослужителя и брата о Христе нашего смирения, ни другой какой вины против него, кроме пятилетнего его отсутствия. От иеродиакона же Мелетия мы многое слышали, который, как говорит, слышал сие из уст вашего величества, показывая нам некоторое письмецо, данное ему вместо памятника, заклиняющее его Богом, дабы он сказал все, что знает о кир Никоне и его противниках. Что касается до тех противников, то, по сказанию его, немногие и недостойные внимания приводят они причины против Никона; о Никоне же сказал некоторые важные дела, почти не извинительные, кои все суть нововведения, которые нам кажутся не очень достоверными». Сказав затем, что так как ни он сам лично не может прибыть в Москву, ни послать туда своего экзарха, как желал того царь, то они и решились с Константинопольским патриархом «некоторым иным образом поправить сие дело», т. е. послать известные свитки о власти царской и патриаршей, так как «объявить решительное мнение по тем словом, кои говорил Мелетий, было бы несправедливо, тем паче что и по церковным правилам, и по гражданским законам [С. 197] не дозволяется произнести приговора над патриархом по сви-

⁹⁴ Греческие дела 7172 г. № 14; Сочинение Паисия Лигарида о суде над патриархом Никоном, перевод которого находится в рукописи библиотеки Московской Духовной Академии; *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Т. 2. СПб., 1884. С. 706, 761–764, 802, 805.

детельству одного, и притом человека низшей степени». Затем Нектарий пишет царю: «Нам кажется, что вы мирным образом можете успокоить сие дело и снова однажды или дважды пригласить кир Никона, чтобы он возвратился на свой престол, показав ему статьи положения для точного соблюдения: и ежели он окажется сперва преступившим оные, а потом раскается и даст обещание соблюдать, то достоин прощения; ибо часто случалось весьма иного такового и еще важнейшего в Церкви, и все поправлено для мира и тишины. Итак, просим мы священное ваше величество, чтобы вы не приклоняли слуха своего к советам мужей завистливых, любящих мятежи и возмущения, а наипаче если таковые будут из духовного сана. Свидетельствуюсь Богом, что нас весьма огорчили случившиеся в Российской Церкви соблазны. Несогласие и возмущение в Церкви страшнее всякой войны, ибо раздирает нешвенную одежду Христову, которую не разделили и жестокосердые воины во время страдания Христова; раздрать же одежду Христову есть явный знак гибели душ, за которые Христос умер. Вы не ведаете, что в теперешнем положении, когда наша Церковь находится под игом рабства, мы уподобляемся кораблям, потопляемым беспрестанными бурями от разных притеснений языческих, и одну вашу Российскую Церковь видели, подобно второму Ноеву ковчегу, служащую спасением от всякого языческого потопа и сохраняющую в себе неистленными семена благочестия. Ныне же кто внушил вам отвращение от сего блага мира? Для чего так жестоко отметаєте от себя первое достояние! Итак, миролюбивейший государь, последуй [С. 198] кротости Давида, восприими ревность по вере православной и постарайся со тщанием паки возвести законного патриарха вашего на престол его, дабы во время твоего священного царствия не было положено злого и губительного начала сменять православных и правомыслящих о догматах веры патриархов ваших. Сие есть начало разрушения Церкви в Константинополе; оно послужило и донныне служит источником многих зол, и соделало нас посрамленными пред Западною Церковью. Опасайтесь и вы, чтобы необычайное у вас не обратилось в губительную привычку. Ежели Никон говорит, что он не отрекался от престола, но от непокорных, то ясно, что он обличает непокорность народа. Итак, покажите к нему достою повинование, как к строителю благодати: повинование, говорю, не необыкновенное в Церквах Божиих, но каковое предписывают Божественные законы. Отречение же его, которое он, как говорят, сделал от Церкви, может быть принято снисходительнее, для соблюдения тишины, тем более что он, кир Никон, как мы сказали, отрекся от непокорного народа, а не от престола; но если бы он и письменно отрекся от престола, то и сие извинительно, ибо часто и отречение бывает недействительно». Приведя в доказательство справедливости этой мысли разные примеры из истории Церкви, Нектарий продолжает убеждать царя: «Из всех обстоятельств явствует, что отречение Никона недействительно и состоит только в его словах, и должно вам, как я прежде сказал, снова призвать его. С сим вместе пишу я и к нему, братски увещевая его, что ему неприлично было оставить столицу и жить вне оной. Ежели соизволите, ваше священное величество, то перешлите к нему помянутое [С. 199] писание... Предлагаем вашему величеству и то, что если кир Никон, по вторичному приглашению, не согласится возвратиться на свой престол, то извольте поступить по правилам положения, что будет совершенно правосудно; ибо неприлично столичному городу быть без духовного пастыря. Итак, непременно должно или его возвратить, или другого возвести на его место; однако ж лучше вашему величеству возвратить его по вышеприведенным причинам»⁹⁵.

Грек Савелий Дмитриев, привезший грамоту Нектария в Москву, со своей стороны показывал здесь, что Иерусалимский патриарх наказал ему говорить Никону: «Для чего он по-прежнему на патриарший свой престол нейдет и тем великого государя кручинит?.. Да тогда он от Еросалимскаго патриарха слышал, что опричь Никона патриарха на престол иному

⁹⁵ Собрание государственных грамот и договоров. Т. IV, № 37. С. 134.

никому быть не мочно, для того, что вины ево никакой нет». Со своей стороны и архидиакон Нектария, потом преемник его на патриаршей кафедре, Досифей писал Паисию Лигариду, укоряя его за неправые, соблазнительные и недостойные пастыря действия по делу Никона. «Слава прииде, – пишет он Паисию, – некая хульная, рождение же воистину диаволе, яко вы не право грамоты переводите, но иная полагаете, иная от среди изъемлете, иная оставляющее; аще приидет туды патриарх – будет о том истязовати, и в том, советую твоей святыни, буди далече от сего, да будеши волен от сих безчестований, и нам явишиися истинны поборник и оборонитель, зане несть мала вещь зле переводити. Тоже, елико можеша, о належащих к миру Церкви стой крепко, зане возвестися нам, [С. 200] ЯКО твоя святыня, могий соблазном вредити, не глаголеши о мире»⁹⁶.

Таким образом, оказывается, что патриарх Нектарий хотя и подписал известные свитки о власти царской и патриаршей, осуждавшие Никона, имея в виду показания иеродиакона Мелетия, но подписал их с большим сомнением в справедливости всего, что рассказывал о Никоне Мелетий. Когда же он из Константинополя приехал в Молдавию, где всегда было много греков, поддерживавших с Москвой постоянные сношения, то постарался от них собрать о деле Никона более обстоятельные сведения и узнал, что серьезных причин к осуждению и низвержению Никона в действительности нет, что все это дело раздуто личными врагами Никона с помощью некоторых крайне неблагонадежных греков вроде Паисия Лигарида. Тогда Нектарий и поспешил послать к царю приведенную выше грамоту с целью убедить его примириться с Никоном и снова возвратить его на патриарший престол. Грамота к царю написана была очень сильно, убедительно и настойчиво, с той сдержанной властью, какая и подобает верховному архипастырю, ратующему за правое дело, имеющему в виду только мир и интересы Церкви Христовой, а не получку за сомнительную службу богатой царской милостыни. В том же примирительном духе писал было Нектарий и грамоту Никону, но она не была ему передана. Со своей стороны архидиакон Нектария Досифей пытался подействовать в духе примирения и на главного деятеля из числа врагов Никона – Паисия Лигарида, в надежде усюветить этого прожженного совестью человека и побудить его действовать [С. 201] в интересах правды и мира. Но эти хлопоты Нектария и его архидиакона не достигли цели – московское правительство уже не могло примириться с Никоном, оно добивалось его конечного осуждения во что бы то ни стало и потому с крайним неудовольствием встретило примирительную попытку патриарха Нектария. Патриарший посол Савелий Дмитриев был задержан в Москве и содержался под строгим надзором, не имея возможности вступить с Никоном в непосредственные личные сношения. Впрочем, он нашел возможность переписываться с Никоном и этим путем сообщать ему нужные сведения и указания. Так, например, он пишет Никону: «Владыко мой! Аще позовут тя, прииди на Собор; приди, не сотвори инако и обесчестив наш Собор, того ради не ино добро. Тако мне есть приказано (разумеется – от патриарха Нектария) ответ дати; того ради повем: надеюся на Бога, яко не имут найти никакого порока, во всем свидетельство твое премудро и благочестиво; и что какой порок хотят найти? Рекут, что оставил еси престол твой и отшел еси, и то несть речь: занеже, когда архиерей оставит престол свой и отъидет в чужое место, то есть зло, добре знаете и святительство твое. Ты же и сошел еси с Москвы, не пошел еси в чужой мир, но тако же в престоле своем еси, и не имут учинити о сем ни единого же слова в Соборе. И о том молюся пресвятительству твоему: едино о сем часе не объяви, да не речеши, како ти послал блаженный (т. е. Иерусалимский патриарх) грамоту и задержали ее в верху бояре, и объявится дело, что услышал еси от меня, и мне лихо сотворят. Едино приимеши, да приидеши велиим смирением, и буди, яко не знаешь ничего и небоязнен, [С. 202] занеже не имут тебе учинити ничто же». Савелий Дмитриев был задержан в Москве до прибытия восточных

⁹⁶ Гиббенет Н. Т. П.С. 771–773, 779, 893.

патриархов, которые и выхлопотали ему у царя освобождение. По этому поводу сам царь на Соборе говорил: «Сидел он, Савелий, за то, что он привез от Ерусалимского патриарха грамоту, и в той грамоте писано многое к ссоре»⁹⁷.

Примирительная попытка Нектария в деле Никона не могла иметь успеха не только потому, что она противоречила намерениям и желаниям московского правительства, но и потому, что и самая грамота Нектария пришла в Москву очень поздно, когда дело с Никоном зашло уже слишком далеко. Грамота Нектария получена была в Москве, вероятно, только в первых числах декабря 1664 года, а к этому времени наше правительство уже сделало новые важные шаги по делу Никона.

Двадцать третьего апреля 1664 года в Москву прибыл известный нам иконийский митрополит Афанасий, который заявил в Посольском приказе, что Иерусалимский патриарх Нектарий находится в Яссах и обещал приехать к государю, когда в заднепровских городах ратных людей не будет, но с каким делом он едет, о том митрополиту неизвестно. Через несколько дней после иконийского Афанасия в Москву прибыл грек Исаия Евстафьев и заявил здесь: когда он был в Рашкове, то приезжал из Ясс Иерусалимского патриарха архидиакон к дочери волошского владетеля, которая была за Тимофеем Хмельницким, и сказывал, что патриарху за войною проехать к Москве нельзя и от турецкого султана прислан ему указ, чтобы из Ясс никуда ему не ехать, и потому [С. 203] патриарх хотел ехать по монастырям в Мутьянскую землю. Но он, Исаия, писал к нему с архидиаконом, чтобы подождать в Яссах, как бы ему можно было приехать к царскому величеству. Получив эти вести, правительство уже распорядилось было, на случай приезда Нектария, принять его точно так же, как ранее принимали в Москве патриарха Паисия. Но так как Нектарий не приезжал, то 12 июля 1664 года в Молдавию посланы были два грека, Василий Иванов и Кондрат Дмитриев, с грамотой государя, в которой он писал патриарху: «В лете предворшем 1663-м преблаженство твое нашими царскими письмени молихом, да в митрополию градов нашае богохранимыя державы пречестное твое архиерейство возлюбленною особою твоею путь сотворивши, и явившаяся zde недоуменная разрешивши; но по настоящий час святейшее и вожделенное нам твое лицо, еже тощие ожидахом, видети не улучихом, не малое духа стужение ощутихом». Теперь же царь узнал, что Нектарий находится в Яссах, и потому он просит его «во славную державы нашае митрополию самолично прибыти». Между тем в сентябре того же 1664 года из Москвы на Восток отправилось новое посольство, во главе которого стояли иеродиакон Мелетий Грек и называвший себя в Москве племянником Константинопольского патриарха Дионисия грек Стефан Юрьев. Они должны были пригласить в Москву всех восточных патриархов для суда над Никоном и устройства русских церковных дел. Только в январе 1665 года послы прибыли в Молдавию, где находился Нектарий, и звать его в Москву взялся грек Стефан Юрьев, а не Мелетий. Явившись к Нектария вместе с подьячим Оловенниковым, [С. 204] Стефан говорил: «Великий государь просит и молит тебя, чтоб ты изволил потрудиться для христианского дела – пошел в Московское государство». Нектарий отвечал: «Ко всем нам прежде прислан был от великаго государя Мелетий Грек, и он знает, что я затем и приехал в Молдавскую землю, чтобы отсюда идти в Москву, но за войною мне никак нельзя было тогда проехать. С Мелетием мы послали к великому государю правила (известные свитки о власти царской и патриаршей), и по ним почему до сих пор ничего не сделано?» Тогда подьячий Оловенников объяснил патриарху, как Афанасий Иконийский заподозрил было подлинность привезенных Мелетием патриарших свитков, и хотя потом сомнения относительно их уничтожились, однако правительство не решается собирать Собор и судить Никона без Вселенского патриарха, тем более что в Русской Церкви теперь происходят и другие многие нестроения, для уврачевания которых необходимо присутствие в Москве патриархов. Нек-

⁹⁷ Русский архив 1873 г. № 9. С. 1626–1640; Гиббенет Н. Т. II. С. 1054.

тарий сначала заявил было решительно: «Пойду, хотя бы мне и смерть принять, потому что я считаю великаго государя царем Вселенским, он единственный царь христианский, единственная наша надежда и похвала». Но затем Нектарий стал колебаться, а когда получил какие-то письма из Константинополя, то и окончательно отказался от поездки в Москву, так как-де ему не позволено ехать на север⁹⁸.

Причины колебаний патриарха Нектария относительно поездки в Москву понятны: из своих сношений с посланными московского правительства и другими греками, [С.205] имевшими сношения с Москвой, он убедился, с одной стороны, в том, что московское правительство всячески старается об осуждении и низвержении Никона; с другой стороны, что достаточных причин к осуждению и низвержению Никона в действительности нет. Ввиду этого Нектарию, если бы он поехал в Москву, пришлось бы или стать на сторону пригласившего его правительства и, согласно его настояниям, осудить Никона, или же, следуя самому существу дела, своему убеждению и личным симпатиям, стать сторонником Никона, добиваться его возвращения на кафедру и тем вызвать к себе нерасположение московского правительства, вражду всех врагов Никона и в результате все-таки, вероятно, ничего не сделать для последнего. А между тем Нектарий после посылки им грамоты царю от 20 марта 1664 года, настаивавшей на возвращении Никона на кафедру, и лично в Москве мог, конечно, действовать только в том же духе – мира и всепрощения. Ввиду этого Нектарий, опасаясь за полную неудачу в Москве своих примирительных действий, после некоторых колебаний наконец решительно отказался ехать в Москву. На эту его решимость, вероятно, повлияло и то обстоятельство, что он доселе не получал никакого отзыва из Москвы на свою примирительную грамоту от 20 февраля, откуда он мог заключить, что она принята была в Москве неблагоприятно. Этот ответ на его грамоту от 20 февраля был написан к нему только в начале 1665 года и вполне подтверждал его опасения, что его примирительные стремления по делу Никона в Москве не были приняты и вызвали в правительстве только неудовольствие. В своей ответной грамоте Нектарию государь заявляет, что заботы [С. 206] патриарха о примирении его, государя, с Никоном – дело самое желательное, но только «то твоего благословения теплое прошение зело поздно поспе». Оно пришло уже после получения подписанных всеми восточными патриархами свитков, которыми Никон решительно осуждается, почему справедливее было следовать голосу всех, нежели одного, так как «большую крепость глаголется имети всех разум, жребий же единого прилагательно в малей цене почитается». Указав затем на то, что отречение Никона было не словесное, но и письменное, на котором имеется его руки подпись: «Николи дела не имети до патриаршества», царь указывает на новый самовольный поступок Никона: на его неожиданный приезд в московский Успенский собор с 17 на 18 декабря 1664 года, к которому царь относится с величайшим негодованием. «Еда сие несть, – пишет он, – мучительное наветование, явное отступство, неправильное насилдование человека наветующа и непризвана к вышнему престолу, кроме правил, силою и нуждою, узаконения святых отревающаго и попирающаго. Убо сие новое дело превышает все первыя мимошедшия дела, от него бывшия, се есть: своевольное отречение и семилетное отшествие, мятежи и тайные ссылки, яже чести ради оставим, патриаршеское достоинство почитающе. Сия во уме имея, блаженнейший, и сим подобная помышляя, – поучает в свою очередь царь Нектария, – достойный жребий принеси, держа прямо вес, ниже мне, ниже ему нароя, но прямо рассекая правды борозду». Затем царь выражает желание лично видеть и говорить с Нектарием, а если это невозможно, то просит прислать вместо себя в Москву «наместника благоискусна и благоразумна», за что обещает ему [С. 207] «по совершении дела» прислать свою милостыню на уплату долгов Святых Мест⁹⁹.

⁹⁸ Греческие дела 7172 г. № 14, 15, 18; *Гиббенет Н. Т. 2.* С. 712–721 и след.

⁹⁹ Зап. рус. и слав, археол. общ. Т. II. С. 597–600.

Из приведенной грамоты государя и из того, что его посол в Москве, Савелий Дмитриев, задержан русским правительством, Нектарий окончательно убедился в полной неудаче его примирительных действий в деле Никона, почему он решительно устранился от всякого дальнейшего участия в этом деле. Но московское правительство само нуждалось в Нектарии и потому не раз обращалось к нему со своими просьбами и домогательствами.

Главным действующим лицом в Москве в деле Никона был, как мы видели, Газский митрополит Паисий Лигарид, заклятый враг Никона, всеми мерами добивавшийся его конечного осуждения. От преданных ему греков Никону удалось разузнать прошлое Паисия, и он написал против него целую книгу, по словам самого Лигарида, «безчестующу и истощающу великия кривды мерзкия, а вящские, яко есмь еретик и волхв». В действительности сущность обвинений Никона против Паисия сводилась к тому, что Паисий, как воспитанник иезуитов и латинский ставленник, не может считаться православным и его нельзя допускать поэтому к участию в делах Православной Русской Церкви; что Паисий не настоящий, а запрещенный архиерей, лишенный сана Иерусалимским патриархом. Этот извет Никона на Лигарида был потом подтвержден и Константинопольским патриархом Дионисием, который наказывал бывшему у него в качестве посла Чудова монастыря келарю Савве доложить государю, что Лигарид «лоза не Константинопольскаго престола, и я (т. е. Дионисий) православным его не [С. 208] нарицаю, что слышу от многих, что он папежин и лукав человек... А что Газский Паисий Лигаридий рукоположенец папин и по многих ляхских костелех служил за папу литургию... и истинно отвержется и проклянет пред Собором всю папежскую ересь и исповедует символ Православия, и он в Собор прият будет». Наше правительство, конечно, никак не могло игнорировать обвинения Лигарида в латинстве самим Константинопольским патриархом ввиду той важной и деятельной роли, какую играл Лигарид во всем деле Никона, хотя сам Паисий и отрицал справедливость возводимых на него обвинений. Когда в 1667 году в Константинополь отправился царский посол Афанасий Нестеров, государь поручил ему обратиться за достоверными сведениями о Паисии Лигариде к самому Иерусалимскому патриарху Нектарии, ведению которого подлежал Паисий как митрополит Газский. 29 июля 1668 года в Москве получена была грамота патриарха Нектария о Паисии Лигариде, в которой он пишет государю: «Дело се есть сказать вам про Лигарида, который у вас ближний во святом вашем царствии», и затем говорит, что он отлучен и проклят еще патриархом Паисием, про что здесь всем ведомо и о чем ему было послано тогда письменное известие в Волошскую землю, где тогда находился Лигарид. «И буди тебе, великому государю ведомо, за что его отставил (патриарх Паисий): за то, что в своем слове не стоял, а письмо его рукою писано, кабала, по которой он не уплатил и ушел в Мутьянскую землю». «После смерти кир Паисия, – пишет Нектарий, – бывали мы в его епархии (т. е. Газской), а он ко мне, Про-Лигаридий, не бывал и со мною не видался, ни грамоты нам не послал, и не [С. 209] просит от нас прощения и благословения, а поехав он из Волошской земли, пришел в Черкаскую землю и там писал грамоты ложные, с чем прийти к тебе, великому государю; а хто те грамоты ему в черкаских городех писал, тот ныне человек у нас, а у него он был архимандритом, имя ево Леонтий». Пошел было Лигарид из своей епархии на шесть месяцев, а теперь отсутствует уже 14 лет; пошел он для того, чтобы найти средства для уплаты долга, который лежит на христианах его епархии, «а он им ни грамотою, ни словом не приказал, как пошел, и когда он забыл свою область, то ныне он не пастырь, ни архиерей, ни епископ – тому Бог свидетель!» Христиане его епархии крайне утеснены, и ему, патриарху, приходится платить по кабале, какую Паисий написал своею рукою. Те деньги, которые государь дал Паисию для уплаты долга епархиального и Иерусалимскому патриарху, он с своим племянником все отослал на свою родину – Хиос¹⁰⁰. «Мы, – замечает [С. 210] патриарх, – хотели было отнять,

¹⁰⁰ Нектарий говорит совершенно справедливо о том, что Лигарид получал от царя крупные дачи будто бы на уплату

но не отняли для того, чтоб не слыть нам сильниками и лихими, и посему-то мы все стерпели, великий государь, чтобы не смутить церковных дел. Ныне, что тут он пребывает, а дела его ведомы стали. Даем подлинную ведомость, что он отнюдь не митрополит, ни архиерей, ни учитель, ни владыка, ни пастырь, потому что он столько лет отстал и по правилам св. отец есть он подлинно отставлен и всякого архиерейского чину лишен, только имянуетца Паисей. Да и бывшей патриарх Паисей отказал, и не подобает ему быть в нашей стороне и нигде. И называется он с православными православен; а он свидетельствуется ото многих своей руки грамот, которые здесь у нас есть; а латыни свидетельствуют и называют своим, и папа Римский емлет от него на всякой год по 200 ефимков... А что он имел милостыни для престола Святой Церкви, то он, лютый волк, послал к племянникам своим, а не к Церкви, и подобает то ему назад отдать, или верному человеку церковному у него взять и отослать. Все сие мы писали не для похвалы, но для того, чтобы Бог на нас за сие не прогневался; пишем все правду, чтобы наша вера не была осуждена и св. отец предание не нарушено было». В заключение грамоты Нектарий пишет: «А буде изволите, великий государь, о нас ведать, и мы от великих долгов бываем в великой печали. Я застал на святейшем престоле 14 000 ефимков долгу, а от великих смут армянских послать к твоему светлomu лицу и приехать сам не смел. Воспомани, как тебе Бог известит, а нам гречане, торговые люди, приезжая с Москвы, про твою царскую милость сказывают». В конце грамоты находится особая просьба [С. 211] патриарха к царю: с торговых гречан впредь пошлин брать государь бы не велел¹⁰¹.

Приведенная грамота патриарха Нектария должна была произвести сильное впечатление на московское правительство и окончательно уничтожить Паисия. Личность его теперь стала ясна: это был лишенный сана архиерей, авантюрист, который явился в Москву с подложными грамотами и, выдавая себя здесь за действительного Газского митрополита, выпрашивая у царя милостыню для бедствующей своей паствы, дерзко и нагло обманывал царя как относительно своей личности, так и употребления тех денег, которые он получал от царя на покрытие долгов своей мнимой епархии. Но и этого мало: являясь в Москве в роли строгого ревнителя Православия, уставов и положений Православной Церкви, которые будто бы дерзко нарушил новатор Никон, Паисий в действительности был латынником – папезником признал Паисия открыто и официально его собственный Иерусалимский патриарх, папезником его признал и Константинопольский патриарх. Казалось, что для Лигарида оставалось только одно место – Соловки, но этого не случилось. Русское правительство не могло решиться открыто признать, что человек, от которого исходили все советы и указания по делу Никона, на которого доселе смотрели в Москве как на образованнейшего и авторитетного представителя православного Востока, в мудрость и компетентность которого все верили, которого сам царь слушал, «как пророка Божия», – что этот человек был запрещенный архиерей, обманщик и латынник, ловко разыгравший перед доверчивыми русскими роль судьи в их церковных делах, роль ревнителя чуждых [С. 212] для него интересов Православия. Со своей стороны и Паисий, ввиду патриарших на него обличений, постарался выставить их перед царем делом, внушенным патриарху многочисленными личными вра-

долгов своей епархии. Немедленно по прибытии в Москву Паисий в челобитной просит государя откупить христиан его области от турок, с которыми-де он уговорился давать им окуп за христиан ежегодно по 500 ефимков, и просит вручить ему эту сумму, «чтоб мне, богомольцу твоему, из области своей изгнану не быть и православных христиан моя области нечестивые турки не обратили б в свою турецкую веру» (Греческие дела 7170 г. Но 11). В следующем году Паисий заявляет в челобитной государю, что он приехал в Москву просить милостыни «на уплату с епархии моей податей Иерусалимскому патриарху Нектарию, и туркам, и себе на пропитание», но что он живет, по царскому указу, на Москве уже три года, «и ныне мне, богомольцу твоему, ведомо учинилось, что Еросалимский патриарх на меня зело гневен за то, что я многое время, оставя епархию, живу на Москве, а без меня епархии моей пасти некому; да ему, патриарху, и турку никакие подати в епархии моей не плачены, да живущие в епархии моей завяли на нужные расходы многие деньги», почему он и просит государя выдать ему золотом 1700 ефимков, которые должна его епархия. Ему выдано было «850 золотых червонных одиноких» (Греческие дела 7172 г. № 1).

¹⁰¹ 7175 г. № 2. *Гибнет Н.* Т. 2. С. 892–894; 7176 г. № 22.

гами Паисия, не хотевшими ему простить его участие в деле осуждения Никона. Как бы то ни было, но только грамота Нектария, по-видимому, нисколько не повредила Паисию во мнении и расположении царя, и даже принесла ему несомненную пользу. Алексей Михайлович, естественно видевший в осуждении Паисия как бы осуждение всего, что было сделано по советам и указаниям Паисия в деле Никона, решился хлопотать перед Иерусалимским патриархом о восстановлении Паисия в его прежнем достоинстве Газского митрополита, тем более что и другие обстоятельства требовали тогда от московского правительства особых сношений с патриархами Константинопольским и Иерусалимским, при которых удобно было попутно устроить и дело о Паисии Лигариде.

Патриархи Константинопольский и Иерусалимский решительно отказались и сами ехать в Москву, и послать туда своих экзархов для суда над Никоном, не сочувствуя этому, по их мнению, несправедливому и во всех отношениях печальному для Церкви явлению. Иначе поступили патриархи Александрийский Паисий и Антиохийский Макарий. В чаянии получения богатой милостыни от русского правительства для своих бедствующих кафедр они лично отправились в Москву, куда и прибыли в конце 1666 года, так что в Москве мог, наконец, состояться окончательный суд над Никоном при личном участии двух восточных патриархов, чего так давно и с такими усилиями добивалось наше правительство, тем более что приехавшие [С. 213] в Москву патриархи заявили, что они явились сюда будто бы с согласия патриархов Константинопольского и Иерусалимского, почему они судили и окончательно осудили Никона от лица всех четырех восточных патриархов. Но в действительности патриархи Паисий и Макарий вовсе не имели согласия, а тем более каких-либо полномочий на поездку в Москву для суда над Никоном от патриархов Константинопольского и Иерусалимского, как это хорошо видно из их собственных писем из Москвы к Нектарию и Парфению Константинопольскому, имевших в виду оправдать их поездку в Москву и образ действий здесь. В письме к Нектарию Паисий и Макарий говорят, что они отправились в Москву только после того, как «узревше писаньице твое, извещающее, яко твое блаженство име умышление в сия страны путешествовати. Пачеже грамотносеце устне извеща нам, яко Вселенский патриарх хотяше послати своего экзарха». Ввиду именно таких вестей, т. е. что Нектарий сам едет в Москву, а Константинопольский посылает туда своего экзарха, они и решились отправиться в путь, чтобы таким образом в Москве были все четыре патриарха. Извещают Нектария, что они после соборных допросов нашли Никона виновным во многих преступлениях, «их же не подобает предавати писанию, занеже епистолия не имеет в себе что-либо тайно». Но, несмотря на такую оговорку, они все-таки считают нужным указать Нектарию на одну вину Никона. «В такое напыщение, – пишут они, – прииде гордостный Никон, якоже сам ся хиротониса патриархом новаго Иерусалима, – монастырь бо, его же созда, нарече новым Иерусалимом со всеми окрест лежащими: именуя святыи Гроб, Голгофу, Вифлием, Назарет, Иордан». Пишут, [С. 214] что они оказали услугу Нектарию, освободив от заключения его посланца Савелия. Подобного же рода письмо отправлено было и к Константинопольскому патриарху. Очевидно, что побуждением к написанию этих писем Паисием и Макарием служило опасение, что их поездка в Москву без согласия и одобрения патриархов Константинопольского и Иерусалимского, что осуждение ими Никона, этого друга и покровителя греков, вызовут на Востоке сильное неудовольствие и порицание и могут причинить им по возвращении на Восток много неприятностей. Это опасение было тем более основательно, что Иерусалимский патриарх, как им хорошо было известно, открыто стоял на стороне Никона, желая его восстановления на патриаршей кафедре, а Константинопольский патриарх Парфений свое отношение к делу Никона очень ясно и определенно выразил в том своем действии, что лишил Паисия и Макария их патриарших кафедр за то, что они поехали в Москву, чтобы судить и, конечно, осудить Никона, так что нашему правительству

пришлось потом хлопотать перед высокою Портой о восстановлении патриархов Паисия и Макария на их кафедрах.

Ввиду указанных обстоятельств и московское правительство со своей стороны было озабочено тем, чтобы патриархи Паисий и Макарий по своем возвращении на Восток были приняты там своими братьями, патриархами Константинопольским и Иерусалимским, вполне дружественно, а также чтобы ими приняты и утверждены были деяния большого Московского Собора относительно низложения Никона и других статей. С этой целью государь отправил к патриархам Константинопольскому и Иерусалимскому с греком иеродиаконом [С. 215] Мелетием свою грамоту, писанную от 13 июля 1669 года, в которой он в то же время просит патриархов и о разрешении Паисия Лигарида. В грамоте к патриарху Нектарию (такая же грамота слово в слово была послана и патриарху Константинопольскому) царь просит его принять с честью и веселием патриархов Паисия и Макария – «какую честь учините им, и то учините нашему царскому величеству». Относительно деяний большого Московского Собора просит Нектария: «Еще просим и о здешнем соборном, что уложено и совершено, всем желаем явлено быти и улажити улаженье в великой Христовой Церкви», на память и научение будущим поколениям. Относительно «патриарха Никонова изверженья, соборне просим подписати, яко по правде, по правилом законным, по освященным уложением и соборных правил и патриарших томос (т. е. известных патриарших свитков о власти царской и патриаршей) познан бысть и осужен преже и потом всем Собором». В доказательство полного согласия «догматов и ученья Русские Церкви с Восточные Церкви, питательные матери нашей», говорит грамота, «хощем имети совет соборным вашим письмом чрез нашего священнаго диякона Мелетия». К этому царь прибавляет: «Мы же паки милость и жалованья матери нашей Восточной и питательной великой Церкви не будем в забвеньи никогда, токмо и побольшие приизирати будем». В заключение грамоты государь, прося молитв и благословения патриарха, ходатайствует перед ним за Паисия Лигарида.

«Возвещаем, – пишет царь, – о митрополите Газском Паисея, котораго имеем в царском нашем дворе яко велия учителя и переводчика нашего, чтобы имел первую честь и славу такоже и по-прежнему, понеже [С. 216] некие злорадочки от зависти своей зазлословили ко святительству вашему и в безщестии извергнули и оставили его, и о том зело-зело опечаловались мы, ведучи незлобия его и благодатства его, яко много труждался и постился в стране нашей на Соборе и о смирении (исправлении) Христовой Церкви труждался словом и делом вельми, еже бы прияти честь, но получил безчестье и срамоту. И сего ради просим и молим отписать, чтоб ему прияти прежнюю его честь, яко нам ведомо житие его и пребывание его и свидетельствуем архиереем добрым и честное житие раба, а которые иноки его оглашали и предали, не дружа сказали, очи бо ушей вернее. Тако молим просим, да обрящем прошение наше, ведучи, яко сколько не учинилося, и то учинилося с зависти и по недружбе человека».

Московский патриарх Иоасаф со своей стороны тоже писал патриарху Нектарию грамоту от 4 июня 1669 года, в которой ходатайствовал перед ним о прощении и разрешении Паисия Лигарида. Еще с послом Нестеровым патриарх Иоасаф извещал Нектария о своем вступлении на патриаршую Московскую кафедру, причем дослал ему 100 золотых, сорок соболей и 10 аршин бархату. Со своей стороны Нектарий тогда же ответил Иоасафу присылкою особой грамоты, которая, впрочем, не дошла до нас. Теперь Иоасаф прежде всего благодарит Нектария за присылку ему грамоты: «Велиим о Христе Господе сердце наше разширися веселием и ум неизреченною исполнися радостью, егда приемше ответное вашего преблагенства на мерности наша послание писание, обретох в нем истинную, якоже подobaет учеником Христовым имети, любовь... Аз благодарей сый всячески обещания вашего, еже сотвори блаженство ваше, о молитвах [С. 217] святых мерности нашей, о блаженной жизни нашей временней же и вечней... Увещание ваше братолюбное о мирном строении

Церкве и о добром пасении словеснаго стада Христова, любезно целуя твердым незабвения ваялом изваах на скрижалех сердца моего... На преслании архипастырскаго ти благословения всему стаду Христову, жезлом правимому мерности нашея, духовным же и мирским, велим же и малым, не малое, но великое, яко же достоин великого Бога великому архиерей, именем всех пресылаем поклонение, с лобзанием десницы тя благословящая». После этого вступления патриарх переходит к самому делу, по поводу которого он собственно обращается к Нектарию с грамотою. «О всех писанных к нам вами, – заявляет он, – радуемся, точию едина печаль, аки даждь во время жатвы, ущербляет ведро веселия нашего: еже есть о запрещении и отлучении от всякого священнодействия Паисия Лигаридиа¹⁰². О сем, как и где прежде живяше, несть нам известие совершенно, но отнележе пришедша его в царствующий и богоспасаемый град Москву, познахом за девять лет и ничесоже видехом по нем неистово и безчинно, – паче же премногие его труды премудрии многую пользу Церкви Великороссийстей принесоша, их же мы благодарни суще, надежно молим братолубие ваше, да не презриши прошения мерности нашей, даруеши ему оставление вины его, кая-либо есть пред святостью вашею, и благоволиши прислати ему писанием своим архипастырским прощение и благословение, зане же [С. 218] всяческое являет по себе смирение и благопокорство к твоему преблаженству, яко законному архипастырю своему, и молил есть со многократным стужанием благочестивейшего самодержца о отпущении к святительству твоему ради взыскания прощения, яко же устне предостовверный свидетель, святейший и всеблаженнейший Паисий, патриарх великаго града Александрии и судия Вселенский, о всех может известити. Но благочестивейший, тишайший, самодержавнейший великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя и Белья России самодержец, благоволил его удержати благословных ради вин, сиречь совершения ради зачатаго толкования нужнейших неких тайнописаний, и обещал ему к вашему святительству ходатай быти о прощении. Тем же аз молю твое преблаженство, поминающе Христово слово: будите милосерды, яко же и Отец ваш милосерд есть, и ону молитву повсядневную: и остави нам долги наша, яко и мы оставляем должником нашим, – сотвори с ним, всячески смиренно твоему жезлу архипастырскому преклоняющимся, отеческое милосердие и остави долг его, дарующе прощение и благословение; будет Отцу Небесному благоприятно, царю благочестивейшему радостно, и всей Церкви Российстей душеполезно. О сем прилежное наше многократно усугубляюще прошение, да исполнену и совершенну нашу радость соверши, имама не забывать преблаженства вашего у престола Царя Небеснаго о милости, у земного же о милостыни, пособствия ради»¹⁰³.

Эти грамоты государя и патриарха о Паисии Лигариде [С. 219] были получены уже не Нектарием, отказавшимся от патриаршества, а его преемником Досифеем, вступившим на патриаршую Иерусалимскую кафедру 23 января 1669 года.

Патриарх Нектарий в своих сношениях с русским правительством занимает особое положение сравнительно со своими предшественниками. Если последние употребляли все усилия заручиться особым расположением русского правительства, чтобы извлечь отсюда насколько возможно большие выгоды для бедствующей Иерусалимской патриаршей кафедры, то патриарх Нектарий не только не употреблял к тому ни малейших усилий, но даже ни разу не обратился к русскому правительству со специальною просьбой о милостыне на искупление долгов Святого Гроба, которые, однако, при нем не уменьшались, а возрастали, так что нужда в помощи, и нужда настоящая, у него была. Это обстоятельство

¹⁰² Соблазн от запрещения Паисия Лигарида усиливался еще тем обстоятельством, что он, несмотря на свое запрещение, позволял себе в Москве участвовать в качестве архиерея в церковных священнодействиях. Так, в 1667 году он участвовал в отпевании архиепископа Тобольского Игнатия.

¹⁰³ Подлинное дело о суде над патриархом Никоном // Рукопись библиотеки Московской Духовной Академии, лл. 270 об. – 272; Греческие дела 7177 г. № 27; Рукописный сборник Московской Синодальной библиотеки № 130, лл. 39–41.

заслуживает тем более внимания, что Нектарий имел полную возможность приобрести особое расположение московского правительства и получить от него исключительно богатую милостыню – стоило только ему поехать в Москву, куда его так усиленно не раз приглашали, и там принять участие в деле Никона, конечно, в том духе и направлении, как это было желательно для московского правительства и как действовали в Москве патриархи Паисий и Макарий, – тогда исключительно богатая милостыня от московского правительства ему была бы обеспечена. Но патриарх Нектарий предпочел не ехать в Москву и выступить защитником Никона, смелым ходатаем перед царем за возвращение Никона на патриаршую кафедру, решительным и беспощадным избличителем Паисия Лигарида, которым так сильно дорожило московское [С. 220] правительство. При таких отношениях Нектария к делу Никона ему, конечно, уже неудобно было обращаться к московскому правительству со специальными просьбами о помощи и милостыне. Только раз, и то очень осторожно, Нектарий позволил себе в одной из своих грамот царю, написанной по особому делу, сделать в конце такую приписку: «А буде изволите, великий государь, о нас ведать, и мы от великих долгов бываем в великой печали. Я застал на святейшем престоле 14 000 ефимков долгу, а от великих смут армянских послать к твоему светлому лицу и приехать сам не смел. Воспомяни, как тебе Бог известит», и только.

И в другом отношении Нектарий в своих сношениях с русским правительством тоже занимает особое положение сравнительно со своими предшественниками. Патриарх Феофан ради приобретения расположения и милостыни от московского правительства сделался тайным русским политическим агентом в Турции и посылал в Москву или отписки с политическими вестями или наказывал передавать их устно в Москве своим доверенным посыльным людям. Что же касается патриарха Паисия, то он был самым завзятым добровольцем-политиком, сносившимся и с Москвой, и с Хмельницким, и с Молдо-Влахийскими воеводами, причем Москва, по его представлению, должна была сделаться главою и руководительницею движения всех православных народностей с целью ниспровержения турецкого господства. И патриарх Нектария московское правительство приглашало служить ему «в государевых делах». Так, в 1667 году с послом в Турции Афанасием Нестеровым государь писал Нектарию: «Да мы же, великий [С. 221] государь, наше царское величество, приказали послом нашим, будучи в Царегороде, приходить к вашему святительству к благословию, и о наших государевых делах, о чем доведетца, вам докладывати; и вашему б святительству о тех наших царского величества делах порадети и мысль своя послом нашим подавати, а мы, великий государь, наше царское величество, и впредь ваше святительство в забвенья полагати не будем»¹⁰⁴. Но ниоткуда не видно, однако, чтобы патриарх Нектарий когда-либо сообщал московскому правительству вести «о турецких поведениях» в отписках ли или в устных наказах со своими посыльными; не видать и того, чтобы он радел о государевых делах перед нашими послами в Турции и по какому-либо случаю подавал им свою мысль, как того желал государь. Очевидно, занятие политикой патриарх Нектарий не считал своим делом и потому решительно устранился от всякого участия в так называемых «государевых делах», поскольку они не соприкасались прямо с делами церковными.

¹⁰⁴ Турецкие статейные списки № 9, лл. 23–26.

Глава 5

Сношения патриарха Досифея с русским правительством при Алексее Михайловиче, Феодоре Алексеевиче и царице Софье (1669–1690 гг.)

[С. 222] Преемник Нектария на Иерусалимской кафедре патриарх Досифей (1669–1707) принадлежал к числу выдающихся восточных иерархов XVII столетия. По своему характеру это был человек в высшей степени живой, подвижный и впечатлительный, на все отзывчивый и необыкновенно деятельный, способный с увлечением и всецело отдаться раз избранному делу, готовый всячески отстаивать, защищать то, что он считал правым или полезным для Православия. Досифей был прекрасным знатоком всего православного Востока, с жизнью которого он был хорошо знаком не только из книг, собирать, читать и изучать которые он любил, но и из своих непосредственных наблюдений, так как еще в качестве спутника своих предшественников, патриархов Паисия и Нектария, он посетил большую часть православных стран Востока. Сделавшись патриархом, Досифей мало бывал в Иерусалиме, а последние восемнадцать лет не был в нем даже ни разу; он постоянно переходил с места на место, проживая то в Константинополе, то в Адрианопле, то в Молдавии [С. 223] и Валахии, то путешествуя ради сбора милостыни из одной страны в другую, благодаря чему он прекрасно знал современное положение разных православных Церквей, их местные нужды и потребности, грозившие где-либо Православию беды и опасности. В то же время среди своих современников Досифей был и выдающийся ученый, обладавший основательными и обширными познаниями в Священном Писании, в церковной истории, в области церковного права; он хорошо знал и изучил греческих церковных писателей, сочинения которых, особенно полемические, тщательно собирал, чтобы потом напечатать их. Как ученый он оставил после себя несколько сочинений, которые хотя не отличаются тщательностью обработки материала и научной самостоятельностью, нередко страдают растянутостью и уклонением в сторону от рассматриваемого предмета, но зато поражают громадной начитанностью автора, разнообразием и обширностью познаний, удивительным ученым трудолюбием и своей особою целью. Ученые работы, целые громадные книги пишет Досифей не в видах открыть отвлеченную научную истину, а с исключительною целью выяснить и доказать истину Православия, неправоту и заблуждения его врагов, т. е. он работает исключительно с практическою целью – доставить торжество Православию над всеми его противниками, почему даже такое чисто историческое его сочинение, как «История патриархов Иерусалимских» носит повсюду довольно яркий полемический характер. Как патриарх Досифей был весь преисполнен самыми высокими представлениями об обязанностях и призвании патриархов, в особенности о призвании и обязанностях патриархов Иерусалимских. Они, как [С. 224] лично и часто посещающие ради сбора милостыни почти все православные страны, преимущественно перед другими патриархами призваны быть стражами Православия повсюду, неустанными борцами с иноверием, учителями и наставниками всех православных, ревностными охранителями во всем православном мире древних церковных чин и обычаев, которые в Иерусалимской Церкви всегда сохраняются неизменно и ненарушимо. И Досифей действительно всегда готов был словом и делом поддержать всюду бедствующим и угнетаемым православным братиям своим, воодушевить ослабевающих из них, так или иначе помочь борющимся с иноверцами, всегда готов был преподать всем нужное пастырское наставление и научение, а вместе с тем обличить и вразумить заблуждающихся в чем-либо или уклонившихся от церковных правил и обычаев, малейшее отступление от которых было всегда ему особенно ненавистно и всегда вызывало с его стороны иногда суро-

вые и резкие обличения. Чуть не каждая православная Поместная Церковь испытала на себе заботы Досифея об ее благосостоянии и процветании или об ограждении ее от иноверных козней и притеснений. Так, в Трансильвании Досифей хлопочет удержать румын от унии и преподает ряд церковных наставлений новопоставленному трансильванскому митрополиту Афанасию; заботится о церковном благоустройстве Грузии, старается предостеречь ее от врагов Православия, восстановить иверские монастыри, пришедшие в запустение, пишет особое послание к членам Южнорусской Церкви, в котором убеждает их твердо держаться Православия, бегать мирской суетной мудрости и еретиков, с терпением переносить гонения [С. 225] и напасти и т. п. Но особенное внимание Досифей обращает на Россию, которая занимала в его представлении исключительное положение и вызывала к себе с его стороны особые отношения. Это потому, что Россия была для него той именно страной, на которой почтили самые дорогие и заветные его надежды на освобождение православных народов от турецкого ига, на восстановление дорогого ему царства благочестивых греческих императоров, на торжество и победу Православия над теснившим его и угнетавшим западным иноверием. Только одна Россия, по мнению Досифея, может быть единственной освободительницей православных народов от турецкого ига, твердой опорой и верной защитой всего Вселенского Православия, прочным непреодолимым оплотом для него против всех покушений иноверцев, только один русский царь есть истинный защитник и покровитель всех православных, так как он есть прямой законный преемник и наследник благочестивых греческих императоров, преемник и продолжатель их великого и святого призвания – служить опорой и защитой всему Вселенскому Православию. В силу такого взгляда Досифея на значение для всего православного мира России и русского царя он постарался войти в самые близкие сношения с московским правительством и принять в русской жизни, не только церковной, но и государственной, самое живое и деятельное участие. Эти близкие и постоянные сношения Досифея с русским правительством, давшие потом возможность Досифею высказывать свое мнение и суждение не только по поводу тех или других явлений в русской церковной жизни, но и в жизни общественной и государственной, [С. 226] возникли, конечно, не вдруг, а слагались постепенно и своего полного всестороннего развития достигли только в царствование Великого Петра, верным преданным слугой и почитателем которого был Досифей.

23 января 1669 года Досифей вступил на патриарший Иерусалимский престол и уже в тот же день поспешил уведомить об этом московское правительство особою грамотой, от которой сохранился только отрывок. В ней он пишет, что принял попечение о святом престоле Иерусалимском, обремененном многими долгами, которых лежит на нем до 109 тысяч талеров, что он имеет намерение пространнее писать обо всем государю через некоторое время. Действительно, 23 сентября того же 1669 года в Москву прибыл архимандрит Досифей Прохор с двумя патриаршими грамотами. В первой из них, писанной в мае 1669 года, Досифей жалуется на громадные долги, от которых страдает патриархия, на многие беды и напасти, которые повседневно постигают их, и только «когда слышим о мире вашем, которого вас сподобил Бог, и как у вас неподвижно доселе соблюдается Богом дарованная вера Христова, упокоение некоторое приемлет сердце наше и воздаем Богу благодарение и с вами получаем радость, как бы в едином теле». Во второй грамоте, от 1 ноября 1669 г., говорит, что он получил царское послание, написанное еще к Нектарию, «и прочитали в нем о Газском митрополите, чтобы мы его простили и что будто не имеет вины на себе; а он, Лигарид, имеет многие великие вины и согрешения, которые, написав, послал было к тебе, великому государю, свидетельства ради; только стыд не допустил нас послать, отчего и возвратили. Только [С. 227] единое говорим, что кир Нектарий патриарх не таковский, чтобы писать или говорить ложно, но такой он в правиле, что ныне иной такой архиерей разумный и богобоязненный не будет. Но ныне державное ваше царствие пишете, чтобы мы простили его, а он

пишет к некоторым еретикам, каков и сам есть, которых мы и здесь не имеем ни в живых, ни в мертвых... Лигаридовых друзей, которым он пишет и которыми страшает нас, мы считаем ни во что. А что он пишет к своим друзьям, изволь, царствие ваше, принять одну его грамоту и прочесть, и выразишь, как он патриарха своего хулит и бранит, и за то ему следует быть отлученным от архиерейского достоинства...¹⁰⁵ Он пишет и бранит [С. 228] нас и называет мертвотушными и нечестивыми, и отца нашего Нектария называет забвенным и безумным и многие иные (писал) неподобные словеса», за которые он должен бы был подвергнуться наказанию. Но так как за него ходатайствует сам царь, то Досифей прощает его и разрешает от наложенных на него клятв и запрещений. Ввиду того что царь просил о разрешении Лигарида и Константинопольского патриарха, Досифей очень решительно заявляет по этому поводу свои воззрения на отношения Константинопольского патриарха к другим патриаршим престолом. «А Вселенский, – пишет он государю, – не имеет никакого дела до Иерусалимского престола и над архиереями учинить ничего не может. Только отлучение и гнев Божий для согрешения нашего: был Вселенского престола патриарх Парфений, человек ненаказанный и неученый, не разумеющий ни Номоканона и соборных правил, ни церковных чинов; распространил он руку свою, где ему не дано было, и престолы апостольские и патриаршие – Александрийский и Антиохийский и смутил и помешал, и так себя превозносил, что хотел искусить и бывшего патриарха Иерусалимского блаженнейшаго Нектария. Сего ради пришел на него гнев Божий и воздал ему по сердцу его и весь совет его исполнил. А Газский митрополит от Вселенского патриарха не имеет никакого докучания, ибо Вселенский патриарх по святым законам не имеет власти в Иерусалимской области; [С. 229] не только архиереев, но и диаконов не может ни отлучить, ни простить; а что он, Парфений, учинил Газскому митрополиту, учинил, яко не наученый и не грамотный». В той же грамоте от 1 ноября Досифей молит государя о присылке милостыни Святому Гробу, без которой они могут окончательно погибнуть. «А я, богомолец твой, – пишет Досифей, – ныне пребываю здесь в Филиппе-граде и в иных городах близко Дуная-реки до светлаго воскресения, и потом помышляю ехать к мултянскому и волошскому государям помощи ради малей. А ныне волошский воевода Дука, добрый наш приятель и Святаго Града пособник, монастырь строит Святому Гробу и ожидаем архимандрита нашего Прохора с твоею царскою неизреченною милостью, в которой все упование и утешение наше, и больше скажем: если ты, великий государь, помощи не учинишь нам, пропали мы от лица земли и в Иерусалим нельзя нам будет ехать от многих долгов, а прибежища и покрова инде не имеем, кроме твоего пресветлаго царствия. От многого долга хотят бусурманы великую церковь Святаго Града в

¹⁰⁵ Это было письмо Лигарида к логофету Константинопольской Церкви, в котором Паисий писал: «Еще прежде сего писали мы за великую дружбу к твоей честности, объявляя тебе про страдание и печаль и труды мои, и ныне так же пишу тебе все дела сперва с краткословием. После неправедных и страшных отлучений и проклятий господина Парфения (?), что на меня наложил неправедно, последовало и господина Нектария больша напраснословия, неправедный на меня суд и оглашение и конечное отлучение, будто есмь душегубитель, разбойник и беззаконник, и так, без всякого распросу и без достойно верных свидетельств и без двенадцати архиереев, но все втайне учинили – един Досифей, и тот мне не знаком, который ныне наследник учинился престола Иерусалимского. И как мне не возглашать о божественных законоведениях, когда оставили Церковь Божию вдовою, без пастыря, как горлицу пустынную, без покрова и без мужа, не обрящется жениху совокупиться; не будучи бо мужу во Иерусалиме, воцарилась Девора-жена... Ни Бога не бояся, ни людей срамяся, клеветают на меня в зависти своей, чтобы получили желание свое, делами отрицался вышняго и божественнаго, котораго тонкими словами исповедуют и веруют страха ради человеческого. Буди достоинство их, где суда не чают, как мертвотушные, а я возлюбил душевное безмолвие и мирской мятеж отринул... Ни единого благоденствия не видел я от них, только навыворот, с лукавым помышлением писали было письма сперва на меня, ремесла творя, слова сплетая, и те ремесла были от многих лет. Ныне же явлено бесстыдно пишут к державному царю и преблаженным патриархам, такими словами оглашая, будто я изменник Святыя Церкви, порочнаго жития делатель, иноплеменный епископ, чужеславник. Если я чужеславец, пусть приведут свидетельство достоверное, ибо я трудолюбивая пчела, а не трутень...» Затем, оправдываясь от обвинений в латинстве и еретичестве указаниями на то, что он латинским повелениям не повинуется и не мыслит полатински, «а только в учении их общником был», Паисий просит логофета заступиться за него и ходатайствовать словом и делом перед патриархами о его скорейшем прощении (Греческие дела 7178 г. № 27).

еретические руки заложить, и боимся, чтобы не отошла от рук наших. Сего ради припадаем до лица земнаго, просим и молим милосердия и благоутробия твоего державнаго, да пришлешь помощь к Святому Гробу Господню и неизреченную милость ради здравия своего и блага родных чад твоих, сестер и дочерей, и для блаженной памяти родителей своих, царицы Марии Ильиничны и царевича Симеона. Буди, владыка тишайший, милость твоя на нас, яко же уповахом на тя, и как получим милость твою, надеемся идти во Святой Град Иерусалим молить Господа о здравии твоём до конца жизни, и если облегчимся мало от тягости долга, помощью [С. 230] Божию начнем строить монастырь св. Вифлием Великаго царя – есть Гроб, и Распятие, и Рождество, строение перваго царя, что царствовал над первыми христианами. Кому же иному подобает пособить и порадеть о Гробе Царя царствующих, кроме христианскаго царя, каков есть святое твое царствие, благодатью Божию перворожденный едиnorodный всех православных христиан, похвала и утешение, свет и отдыхание, не только царь прекрасный, но и многими делами украшенный паче диадимы, большую имею похвалу крестом, нежели скиптром, отец сиротам и предстатель повсюду божественным Церквам. И так призри, тишайший самодержец; если всякие церкви строит человек, то праведно есть, да строит те места, где ступала нога Христова, место, украшенное кровию Христовою. И кто хочет помогать со стороны крайней нужды, то это нам, поелику сперва оттоле началось раззорение христианское и нечестивых врагов много, неусыпаемых, и гордых, и богатых, а благочестивых весьма немного и те бессильны... Подобно и праведно есть милосердствовать царствию твоему Святому Гробу, потому что царь преславнейший и именитый».

В грамоте Досифея находится и еще одна любопытная его просьба к царю, именно он пишет: «Еще просим и молим тебя, великий государь, о богоненавистных пошлинах, да велишь при своем блаженном времени с бедных греков их не взимать и такие помощи в казну свою не принимать, ибо, православный царь, сие не есть ино, токмо навожение диавольское, да искушает многих бедных, которые имеют не великий отдых и покой от твоей державной власти». Выказав такой оригинальный взгляд на государственные [С. 231] пошлины с иностранных товаров, Досифей далее объясняет причину, которая заставляет его хлопотать об освобождении греческих товаров от пошлин. «Торговые люди (разумеются православные греки), – пишет он, – что приезжают к Москве и по иным землям, все не своими деньгами торгуют, но есть в Царьграде многие благородные и честные люди, и что у них имущества осталось, дают торговым людям, и сколько приторгуют, дают с той прибыли к Святому Гробу со всякаго сорока соболей по левку. Если какой-либо гречанин неистов и зол, то для одного да не накажутся все, для чего Иуда один согрешил, а не всему апостольскому лику поношение было. В такой бедности бедные греки, что имеют от нечестивых подати великие, только от твоего царствия имели покой. Преславное московское царство Бог хранит своим покровом от всякаго врага, и впредь такое Бог сохранит, только не вели злата со свинцом мешать, да не омрачится светлость злата – так молим рабски ради любви Христовой».

На это обширное послание Досифея государь со своей стороны отвечал двумя грамотами. В первой из них, извещая патриарха о получении от него послания и о приеме присланного им архимандрита Прохора, пишет: «Послали к вашему святительству милостыни на искупление Святого Гроба с присланным твоим архимандритом Прохором соболями на 800 руб., да по челобитью Газскаго митрополита Паисия на 300 рублей» – и просит молить Бога о нем, государе, и о всей царской семье. Во второй грамоте государь выражает свое сочувствие бедствующей Иерусалимской кафедре, обремененной по различным причинам столь великим долгом, и затем пишет: «И мы различными [С. 232] нуждами одержимы и бесчисленные оклады выдаем на бедных людей нужды и на искупления плененных, чего ради в настоящее время не возмогли щедрейшею рукою милостыни послать сколько желали в Иерусалим, всех Церквей матери. Ныне же посланное дарование благоговейным и любезным сердцем изволь принять, имея впредь добрую надежду иное и большее воспринять, когда

сбудутся наши желания о Газском митрополите, о коем молили уже чрез два писания, да примет мир архиерейской и на прежнее будет возвращен достоинство, и разрешение совершенное получит оный митрополит, добре нам заслуженный Паисий Лигаридий. Явно мы познали, что некоторые злые люди сеют куколь между теми весьма учеными архиереями, сиречь между им, Нектарием, и Газским Паисием. Случилось от малой искры великому огню разгореться с толиким бесчестием и соблазном архиерейским и не единый обрелся муж разумный, дабы толикое пламя во время угодное угасить и утоленное истребить. Но поелику бывшее уже не бывшим быть не может, временем понуждаемся оставить вещи делаться, как делаются сами, и молчанием покрыть всяческая размыслили... В течение стольких лет, которые в нашем царстве пожил Паисий Лигаридий, с назиданием и пользою, ни одинаго не сотворил преступления, достойнаго низложения архиерейскаго. Очные свидетели преодлевают на суде, а не слышавшие, отсюда и оттуда ловящие словеса суетные, коих ради вин мы его возлюбили. Наипаче же весь Собор и синклит наш возлюбил его за учение, труды и верность теплейшую и надеялись мы, что твое святейшество пришет, после восемнадцатилетняго удержания от священнодействия, правильное разрешение чрез архимандрита Прохора, [С. 233] милостыни собирателя, ради прошения нашего о Паисие-митрополите писаннаго. Но прельстила нас надежда, ибо не одинаго ни гласа, ни послушания не услышали, и терпеливо такое отречение понесли». Теперь государь желает, чтобы дело о Паисии было кончено через архимандрита Прохора, с которым он посылает свои грамоты и милостыню, тем более что Паисий «был весьма достойный посредник и ходатай между столь великими архиереями восточными, двумя светильниками и двумя маслинами всего Востока». Затем царь выражает желание, «чтобы и бывший патриарх Нектарий равно обвинительные, как и доброхотные словеса написал к нам о митрополите Паисие, ради совершеннаго и поелдняго удовлетворения нашего, ибо свидетельствуем, что Лигарид всегда ублажал Нектария и первое место премудрости между патриархами своего времени всегда держащим его исповедал – вот и смерть толчет в двери и старость настоит обоим архиереям. Добре ведаем мы, что духовные сии несогласия и взаимные вязания никогда доброй кончины не имели, как явно сие в истории Епифания с божественным Златоустом»¹⁰⁶.

26 февраля 1670 года получена была в Москве разрешительная грамота Лигариду, в который Досифей писал, что «ради просьбы государя и ради любви царскаго величества имеем его прощенным и освобожденным от всякаго проклятия и запрещеннаго по письму бывшего господина Иерусалимскаго Нектария, и быть ему в святительском чине, где хочет попрежнему, и молить бы, чтобы он был прощен от всех согрешений от Бога». Но это разрешение Паисию дано [С. 234] Досифеем, однако, очень неохотно, только ради настоятельных просьб государя, как это хорошо видно из его письма Лигариду. «Если б не было ходатайства святаго царева, – пишет Досифей Паисию, – у ведал бы святительство твое, Лигаридий, что есть Девора и кто есть мертвотушные? и кто только именем верует в Божественный Промысл: тот ли, кто работает для папеей хийских и оставил 15 лет паству без пастыря, или кто полагает душу свою за овцы? Да, увидел бы ты варвара и слепня! Однако на тебе кончатся Езоповы басни, где говорится, как козел бранил волка с высокаго места, ибо ты не столько велик, сколько глуп, бесчеловечен и бесстыден, только место, где пребываешь, есть двор царский; однако уцеломудрись хотя отныне впредь». Но этого мало. Мы не знаем, по каким причинам, но только не прошло и двух месяцев после разрешения Лигарида, как он снова был запрещен Досифеем и царь снова хлопочет о его разрешении при посредстве приятеля Досифея, волошскаго воеводы Иоанна Дуки. «Понеже нам, нашему царскому величеству, – пишет царь воеводе, – в другоряд к святейшим патриархам притещи о прощении его, митрополита, не к чести показалось», то поэтому он и просит уже воеводу порадеть о деле

¹⁰⁶ 7177 г. № 27; 7173 г. № 6, 27; Записки рус. и слав, археол. общ. Т. 2. С. 600.

Лигарида перед патриархами и выражает надежду получить от воеводы скорый и приятный ответ вместе с разрешением Паисию. Но эти надежды царя не оправдались: Досифей уже не соглашался более разрешать Паисия, который так и умер в Киеве (24 августа 1678 г.) под запрещением¹⁰⁷.

[С. 235] 25 февраля 1672 года в Москву прибыл серб Михаил Богданов, посланный Досифеем к государю с письмами (которых при деле не имеется), но через два месяца по повелению государя был сослан в Сибирь за его «неистовство», так как, едучи к Москве, в малороссийских городах во время шаткостей и измены гетмана Демьяна Игнатова говорил непристойные речи. Об этом дано было знать Досифею, который уже до самой смерти царя Алексея Михайловича не обращался более ни с какими грамотами и присылками в Москву¹⁰⁸.

Очевидно, что между московским правительством и патриархом Досифеем в царствование Алексея Михайловича не установились, да и не могли установиться сколько-нибудь близкие, а тем более сердечные и постоянные сношения. Досифей был сторонником Никона, желал его примирения с царем и возвращения на патриаршью кафедру и в этом смысле воздействовал на Нектария, который, по заверению самого Досифея, все ведение дела о Никоне передал в руки его, Досифея¹⁰⁹. Следовательно, уже по одному этому Досифей не мог быть приятным лицом как для самого государя, так и особенно для многочисленных и влиятельных тогда в Москве врагов Никона. Но этим дело не ограничилось.

Став на сторону Никона, Досифей по этому самому необходимо должен был столкнуться с Паисием Лигаридом, к которому, однако, за его особые услуги московское правительство питало особое расположение. Как человек [С. 236] прямой и правдивый, Досифей не щадил Лигарида, о котором был самого дурного мнения, и если потом, уступая настойчивым ходатайствам царя, и соглашался простить его, но соглашался очень неохотно, с обидными для Лигарида и неприятными для царя оговорками. Вынужденное ходатайством царя разрешение Паисию по прошествии двух месяцев Досифей берет назад, что заставляет государя искать вторичного разрешения Лигарида уже через волошского воеводу, так как вторичное непосредственное обращение к самому Досифею при недостаточной уверенности в успехе ходатайства государь считает несогласным со своим достоинством. Действительно, Досифей, несмотря на заманчивое обещание за податливость в деле Лигарида получить в будущем богатую милостыню, не давал более разрешения Паисию, почему и дальнейшие его сношения с московским правительством при Алексее Михайловиче становились уже невозможными.

С воцарением государя Феодора Алексеевича, воспитанного под влиянием лиц анти-греческого направления, грекам вообще воспрещен был даже въезд в Москву ввиду того, говорит царский указ, что ранее «приезжали греческие власти из Палестин, а с собою привозили многоцелебные мощи и чудотворные иконы», а торговые греки привозили добрые товары, «а ныне, — говорит указ, — духовного чина никто не приезжает», а торговые греки стали привозить плохие товары и при торговле позволять себе всевозможные обманы¹¹⁰. А так как в Москве всегда жило много греков, то 10 сентября 1676 года государь указал и бояре приговорили: «Гречан всех, [С. 237] которые на Москве, выслать в свою землю и впредь им приезжать и всякими товарами торговать в Путивле, всем против того, как было со 165 (1647)

¹⁰⁷ Наша книга: Характер отношений России к православному Востоку. С. 199–206.

¹⁰⁸ 7180 г. № 28.

¹⁰⁹ В грамоте к Московскому патриарху Иоакиму Досифей в 1686 г. писал: «Егда приезжал иеродиакон Мелетий (по делу Никона), работали мы тогда с прилежанием, понеже елико бысть тогда, совершишася все рукою нашею, зане блаженный памяти бывший патриарх (т. е. Нектарий) бояшеся воступити на сия» (Архив Юго-Западной России. Т. V. С. 144).

¹¹⁰ Ак. эксп. IV, № 214.

года, а к Москве им ездить не велено»¹¹¹. Так резко заявленная новым московским правительством нелюбовь его к грекам вообще необходимо отбивала всякую охоту и у Досифея входить в какие-либо сношения с таким грекофобским правительством. Но такой разрыв вековых сношений России с православным Востоком был слишком насильственен и произволен, был в некоторых отношениях неудобен и даже прямо невыгоден для самой России и потому не мог быть продолжителен.

Неудобства прекращения сношений с православным Востоком особенно были ощутительны в церковной сфере, где в это время возникли горячие прения по разным вопросам (например, по вопросу о времени пресуществления Святых Даров), для решения которых нужен был авторитет восточных патриархов, ранее всегда готовый к услугам московского правительства. Затем, в это время назревал очень важный в церковном и политическом отношении вопрос о присоединении Киевской митрополии к Московскому Патриархату, чего опять нельзя было сделать без согласия Константинопольского патриарха. Ввиду этого Московский патриарх Иоаким 18 марта 1678 года обратился к государю с челобитьем, чтоб государь «пожаловал его, велел греческих монастырей властей, которые по жалованным предков его государских... грамотам учнут приезжать, также и греков всех, для единые православные христианские веры, в московское государство пропускать по-прежнему, потому что власти [С. 238] приезживали в московское государство со святынею, а греки привозят единовверных православных христиан, которые пребывают в бусурманской неволе, полоненников и всякие узорочные товары». По поводу этого челобитья патриарха государь указал: «Греческие Палестины пестрым и черным властем по жалованным грамотам, в указной год, с причетники их приезжать, а гречан с окупными полоняники и с товары пропускать против прежняго, а заповедных товаров не провозить»¹¹². Таким образом, благодаря вмешательству и настоянию патриарха Иоакима снова восстановились сношения России с православным Востоком, так неожиданно и насильственно было прерванные из-за влияния на молодого государя некоторых близких к нему лиц, отличавшихся антигреческим направлением и особо расположением к латинскому Западу.

Досифей воспользовался изменившимся отношением московского правительства к грекам, чтобы вступить в сношение с царем и Московским патриархом. В Константинополе в 1679 году находился царский посол Василий Даудов для заключения с турками мира, о чем усиленно хлопотало тогда наше правительство, напуганное не особенно удачною для нас войною с турками из-за Украины. С Даудовым Досифей отправил свою грамоту к государю, писанную от 27 июля 1679 года. Это было со стороны Иерусалимского патриарха поучение и наставление новому и молодому русскому государю относительно его обязанностей как царя православного и благочестивого, поучение, написанное в строгом библейско-византийском духе. «Подобает благочестью твоему, – поучает Досифей царя, – воздать [С. 239] благодарение Богу, сподобившему тебя воссесть на отеческом престоле, соблюдая сперва: да останутся нерушимо все дела церковные и веры, не уклоняясь ни к десной стороне под предлогом большего благочестия, ни к шуией, но царским ходя путем, по слову апостола, и сохраняя крепко в малых и больших вещах веление, еже положиша отцы твои. Просящих церковных о составлении церковей добром утеша, а соблазняющих или церковные вещи себе присвояющих по-мирски отомсти; и царь есть и более архиерей... Да сохранишь себя неприкосновенным от мирских прохладений, как многие ныне в миру начальствующие творят, ибо думают, что владеемое ими дано им в дар... Читай Святое Писание часто, да просвещен будешь от света правды и твори благо и благоугодно; бди и молись Богу, да даст тебе силу рассудить добро от зла и ложь от правды, ибо с сим рассуждением творится

¹¹¹ 7185 г. № 2.

¹¹² 7187 г. № 7.

всякое исправление. Если всякий человек, то наивысшее слово, царский ум, подобен есть Божию, и хочет сам Бог, да как Он заботится о самых малых вещах (как говорится в Евангелии, что власы главы сочтены от Бога), так и царь да печется и скорбит, и молится и бдит и спрашивает, читает и учится, да разумеет добро всех начальников своих и да будет воистину образ Божий и жилище блаженное многохвалимой Троицы... Так, добропобедное мое чадо Феодоре, веруй, устрояй паству твою достойно, не так, чтобы самому быть безопасну; но как солнце достигает светлостью своею во всю подсолнечную, так и ты сам острым разумом и промыслом пекись о молящихся и нуждных и обидимых, о чести и славе благих и конечном спасении всех правдивых и неправдивых, разумных и неразумных, ибо ты должен, [С. 240] как Павел был должен иудеям и еллинам, мудрым и неразумным. Ибо что есть благочестивый царь, как не апостол Иисуса Христа, помазанник Божий, помазанный Духом Сына Его, имеющий в себе царское священство, печалующийся о всех спасении, довольстве, умирении, о покое душевном и телесном по силе человеческой».

С тем же Василием Даудовым писал Досифей (от 24 июля 1679 г.) особую грамоту и Московскому патриарху Иоакиму с намерением вступить с ним в постоянную переписку, которую он считал очень полезной даже для самой веры, так как частая переписка дает переписывающимся возможность обмениваться взглядами по поводу разных церковных событий, только нужно писать друг другу просто, безо всяких пышных условных титулов, как и велась обыкновенно переписка между древними иерархами Церкви, в доказательство чего Досифей и приводит примеры. Сообщив затем подробно о тогдашнем положении дел в Иерусалиме и выразив пожелание получить от Иоакима подобные же обстоятельные сведения о делах Русской Церкви, Досифей начинает поучать и Московского патриарха относительно исполнения им его патриарших обязанностей, как он поучал и московского государя. «Не можем поведати, – пишет он Иоакиму, – как желаем, молим же Господа нашего Иисуса Христа, яко подаст вам разум во всем и можете править стадо его в преподобности и правде, молим же и мы вашей любви, яко да посетите мирнаго состояния святые церкви, образы бывающе благих дел и созидуще всякаго словом Евангелия; и наипаче о том потщитесь, чтоб не учинилось в Церкви каких новых образцов, но и в малейших повелениях, и [С. 241] чинах, и обычаях последуйте следами отцов ваших и внимайте с великим прилежанием, чтоб никто из верных, как от великих, так и от малых, чтоб не чли и отнюдь бы не держали у себя такие книги, в которых содержится скверное и безбожное учение папных поклонников, или безбожное и скверное учение лютеров и кальвинов, понеже наполнены суть лести и лукавства и в притворении благочестия имеют учение безбожства. И будите ревнители божественнаго Павла, бдите, трудитесь и посетите тем, что оный учит о епископах, яко да наставите уверенное вам стадо в путь спасения, достойни будете венца правды в день Господень...»¹¹³

Так, после длинного перерыва Досифей снова сделал со своей стороны шаг, чтобы вступить в сношения с московским правительством, которое, однако, не спешило отозваться на учительные грамоты Досифея и тем поощрить его к дальнейшим сношениям. Только через два года, именно в июле 1681 года, в Турцию отправились наши послы Чириков (который дорогою умер) и Возницын, с которыми государь послал свою грамоту Досифею с просьбою, чтобы Досифей молил Бога о царском здоровье и посылал ему только один сорок соболей, т. е. милостыню очень скудную. С послами отправил свою грамоту к Досифею и патриарх Иоаким, которого он в 1679 году так энергично приглашал к частой и запросто обсылке грамотами. Иоаким в объяснение того, почему он так долго не отвечал Досифею и почему не считает возможным для себя [С. 242] вступить с ним в частую переписку,

¹¹³ Турецкие статейные списки № 18, лл. 222–225; Греческие дела 7186 г. № 3. Наша книга: Сношения Иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством. Приложение № 14.

пишет, что, получив грамоту Досифея «и прочетше писанное, обретох в нем глагол твой возвестите льный, яко несть от нас к твоему блаженству писания по чаете, и о сем да не имаше на ны никоего мнения, ибо мы вам писати готовы есмы с любовию, но су мнительны быхом ради владеющих вашими странами, да не вину кую дам писаньми нашими содержащим вас, и сотворим каким-либо случаем вашему жительству повреждение, тем же и не писахом доселе». А так как государь теперь посылает своего посла в Константинополь (для окончательного заключения мира с турками), то Иоаким и просит Досифея, «что ежели сей посол востребует от твоего святительства какого вспоможения, о чем он от царского величества послан – слова потребнаго или добраго совета, благоволит ради любве Христовой, яко ведущий тамошняи обычаи, ему помощь в том творити». Затем пишет, что посылает Досифею два сорока соболей, и только. А между тем посол был отправлен в Константинополь не только для заключения мира с турками, но вместе и по специально церковному делу ко всем восточным патриархам: просить их прислать разрешение бывшему патриарху Никону. Вот что между прочим говорилось об этом в царской инструкции послам: «А буде Вселенские патриархи по нашим, великаго государя, грамотам учинить того (разрешить Никона) не похотят, и вы б, наши великие послы, домогались о том у них всякими мерами чрез кого возможно, и сверх того нашего великаго государя жалованье, которое на милостыню с вами к ним послано, дали б им, или с кем послали нашего, великаго государя, жалованье особно от того из нашея, [С. 243] великаго государя, казны, которая с вами в запас послана, или у греков заняв – по двести, по пятидесяти рублей патриарху, только б конечно того домогаться, чтоб они, Вселенские патриархи, для нашего государскаго прошения о том, по нашим, великаго государя, грамотам учинили и свои о том грамоты к нам, великому государю, с вами, нашими великими послы, послали... И есть ли крепко и упорно станут и не похотят того учинить и, по самой конечной мере, дать по пятисот рублей патриарху; а буде и по тому предложению вашему не учинят и, по самой нуже, дать по тысяче рублей человеку, только б учинили и в грамотах написали имянно»¹¹⁴.

Если Иоаким в своей грамоте Досифею вовсе умалчивает о данном послу поручении выхлопотать у восточных патриархов разрешение Никону, то это его умолчание просто объясняется тем, что Иоаким сильно не сочувствовал разрешению Никона и потому вовсе устранился от всякого участия в этом неприятном для него деле.

Посол Возницын, прибыв в Константинополь по делу о разрешении Никона, решил обратиться прежде всего к Иерусалимскому патриарху Досифею, о котором известно было, что он принадлежал к числу сторонников Никона и ранее не одобрял тех, которые добивались конечного осуждения и низвержения Никона, почему он мог особенно сочувственно отнестись к миссии посла и оказать ему в этом деле нужное содействие. Расчеты посла вполне оправдались: Досифей очень охотно взялся устроить все дело о разрешении Никона и прямо говорил послу, чтобы он «все те дела положил на него, патриарха», «что он то дело к совершению приведет и братью свою – [С. 244] Антиохийскаго и Александрийскаго патриархов о том чрез письмо свое будет просить». Взялся Досифей переговорить о деле и с самим Константинопольским патриархом и вместе с тем написать и самые образцы разрешительных грамот. Таким образом, все дело о разрешении патриарха Никона совершилось при посредстве Досифея, который был главным деятелем и устройтелем этого дела: он вел предварительные переговоры с Константинопольским патриархом, списывался с патриархами Антиохийским и Александрийским, он же писал и «образцовое письмо, каковым быть прощальным грамотам», так что, свидетельствует Возницын, «только радение в том и служба к великому государю святейшаго Досифея, Иерусалимскаго патриарха» помогли ему благополучно устроить все это дело, к которому другие восточные патриархи отнеслись

¹¹⁴ Тогдашний рубль равнялся нынешним семнадцати.

не особенно сочувственно, ибо, по замечанию Возницына, только «по многой докуке отдали те прощальные грамоты», и притом только уже перед самым отъездом посла.

Досифей не только помог послу выхлопотать у восточных патриархов разрешительные грамоты Никону, но и оказался самым ревностным помощником и советчиком нашего посла и в делах политических, сообщая ему нужные сведения, давая ему полезные советы и указания, которым сам Возницын придавал очень большую цену и значение. Вот что, например, он пишет «к отцу и благодетелю Ларивону Ивановичу», т. е. к думному дьяку Посольского приказа: «Тебе, государю, извещаю, что Иеросалимский патриарх непрестанно ко мне присылает и истинно службу свою великому государю во всем кажет, и против здешних вопросов как ответ учинить, [С.245] в чем мочно, я ево спрашиваю, и он мне способы добрые и здравые дает. И есть ли, государь, кому велит Бог и дело великаго государя здесь делать, должно ево во всем спрашиваться, понеже человек преразумный и Богу и великому государю нашему истинный слуга; а которые ему, великому государю, служат лестно, и от тех остерегает. Только я с ним не видался, потому что мне с ним видеться и говорить нельзя, да и для того, что великаго государя грамот и жалованья отдать не смею; а Царегородской, государь, патриарх, боясь подозрения, ничем ко мне до сего времени не отозвался». Со своей стороны и сам Досифей заявил послу, что он готов служить государю и на будущее время. В Статейном списке Возницына записано: «Майя в 18 день (1682 г.) были у дьяка у Прокофея (т. е. у него, Возницына) святейшие патриархи: Александрийский, да Иеросалимский, и Еросалимский говорил ему, Прокофею, втайне, чтоб он великому государю донес: есть ли прилуниться о каких делех великому государю писать, и великий бы государь указал к нему писать без имяни ево, и грамоты складывать малы и печать какою малою печатью, чтоб того никто не знал, а он-де потому ж чинить станет и о всяких делех, о которых потребно писать учнет. И дьяк Прокофей Возницын говорил ему, что он о всем том известно учинит, а он бы, святейший патриарх, по благочестью своему великому государю послужил и о делех, которые потребны и належат ведать великому государю его царскому величеству, писал, а радение его у великого государю забвенно не будет»¹¹⁵.

[С. 246] Таким образом, посол Возницын не только все ведение дела о разрешении Никона отдал в руки Досифея, но и при ведении с турецкою Портой дел государственных пользовался доставляемыми ему Досифеем сведениями, при ответах на турецкие запросы руководствовался его советами и указаниями. И так как Досифей всегда давал послу советы «добрые и здравые», и так как он вообще «человек преразумный и Богу и великому государю истинный слуга», то Возницын и рекомендует Посольскому приказу иметь Досифея в виду и на будущее время как надежного, преданного и полезного советника и пособника во всем нашим послам в Турции. Так, благодаря своим сношениям с послом Возницыным и тем услугам, которые он успел оказать ему, Досифей сделался хорошо известен московскому Посольскому приказу, где с этого времени стали смотреть на него как на человека всецело преданного интересам России, готового на всякие услуги, на верность и преданность которого всегда можно положиться.

С послом Возницыным Досифей отправил к государю грамоту, писанную в мае 1682 года, в которой он заявляет: «О прощении кир Никона мы, по нашей силе, радехом и грамоты всех изобразихом... радели правды ради и дознашася у Бога и человеков православное и доброе ваше произволение» (разрешить Никона). Затем Досифей делает такое обращение к царю: «Радуемся зело, яко ваше державство церковью действует церковная, и молимся совершеннейшим духовным дерзновением, яко и впредь всякое дело церковное недействовати кроме мысли церкви: аще будет малое дело, действовати соборною мыслию тамошня

¹¹⁵ 7189 г. № 9; Рукописный сборник Санкт-Петербургской Синодальной библиотеки № 473, лл. 16–17; Турецкие статьиные списки № 20, лл. 385–386, 468 об., 574 и 720; № 21, л. 202; Турецкие дела 1681 г., св. 22, № 4.

святыя церкви, аще же великое, [С. 247] мыслию великих архиереев восточных действовать, во еже быти всем церковным делам без обновления, без претворения и непоколебимо... Нигде же во всем царствии вашем да не поволиши быти никакому обновлению против православной веры и напроотивоглаголющих отомстися». Досифей далее поясняет, почему ему потребовалось напомнить русскому царю о его первой и священнейшей обязанности – хранить непоколебимо православную веру и не допускать в ней никаких перемен: «Некие русы из Литвы, унияты, дьявольские органы, преобразившись во ангела света, проходят, яко православные, и лицемерием, и сладкими своими словесами прельстят сердца простых, о них же глаголаше блаженный Павел: имеют образ благочестия, а силы его отрицаются. О тех же просим, да укажете великим повелением, да не входят в пределы вашего святого царствия; сие дело, о нем же молимся, святой царю! есть дело древнее и святым царем собственное, еже действуя, царствие ваше сочтен будещи от жениха Церкви владыки Христа во апостольском лике». После этого Досифей переходит к своей службе послу Возницыну, о котором и делает свой отзыв. «Великому послу вашего святого царствия, – пишет он, – в чем поспешествовали, сам да свидетельствует; но и он, великий посол, сиречь Прокопий, постоая, яко никто иной, поборя и подвизаяся, во еже приимати конец благополучный повеления вашего, разумный и честный человек и по истине почти службу себе врученную, и немоществовавшу ему, яко человеку. Константин Христофоров, переводчик, яко познавахом zde, рода честнаго и имеет жителство зело православное и добродетельное, сице постоая во всякой службе святого вашего самодержавства [С. 248] прилежно и вседушно». Затем Досифей касается в своей грамоте и еще одного очень важного предмета: устройства в Москве греческой школы. «Благодарим Господа Бога, – пишет он, – яко во дни святого вашего царствия благоволи быти в царствующем вашем граде еллинской школе: еллинским языком писано Евангелие и Апостол, еллини бяше святии отцы, еллински написашеся Деяние святых Соборов и святых отцов списание и все святыя Церкви книги. И сие есть божественное дело, еже учити Христианом еллинский язык, во еже разу мети книги православной веры, яко же писани суть, и познавати толкование их удобно, и наипаче: дабы отдалени были от латинских, иже исполнена суть лукавства и прелести, ереси и безбожства. Благодарим убо Бога и о сем и молим блаженную и святую душу вашу, во еже утвердити и умножити, да пребудет вечная ваша и бессмертная память у Бога и у человек».

Прислал Досифей грамоту и патриарху Иоакиму, и опять в учительном тоне, несмотря на тот видимо холодный прием, какой встретила у Иоакима его первая грамота (1679 г.). «Ныне молим тя, – пишет Досифей Иоакиму, – потщися себя правити пред Господом делателя искусна, право правяще слово истины, и яко убо свет просвещай Церковь со писанием, и схолами, и учением Евангелия мира; яко соль, имей слово солию растворенно, к тебе бывающим о согрешениях буди вскоре милостив, от бывающих же ко Богу согрешениях ко кающимся буди сострадательн; аще злость пребывает и наказуема наругается, буди страшен и любовинителен. Еще же и вера христианская ныне прияла всякое предание святых отцов, и кто положит когда или выложит от обычай церковных, иже соборная [С. 249] Церковь держит, по первом и втором наказании да наказуется достойно ради безчиния его». После этих общих наставлений Досифей переходит к специальным наставлениям о необходимости Иоакиму оберегать свою паству от влияния на нее губительного латинского учения, находящегося в латинских книгах. «Храни, храни стадо Христово чисто, – пишет он, – от латинского письма и книг, яко все в них есть учение антихристово, понеже есть полны новосечения, полны хулы; в них бо есть безбожие кальвиново и лютерово, – довлеет благолепие и красота святыя Христовы Церкви; не мешайтесь со блудники, глаголаше апостол, блудники же есть еретики и книги их. Великий царь Константин, и Феодосий, и Устиниан законоположиша Порфириа и Манента книги да не обретаются, идеже обрящутся, да сожгутся, и елицы ея хоронят, смертью да казнятся. Тако сотворите и вы о латинских книгах, яко есть лестныя и

прелестныя. Философския наши книги научили нас вначале нечестью, Евангелие же даде нам спасение, – довлеет сие. Сице вас нещии оклеветуют яко неученых, рцйте с Павлом: не срамляемся Евангелием Христовым, сила бо есть всякому верующему во спасение, и паки: несть сия мудрость сходящая от Бога, но земная, душевная и учительная, глаголет другой апостол. И Павел паки: вера наша не в премудрости человеческой, но в силе Божией, понеже да не непраздничен крест Христов. И аще кто учения ищет еллинскому языку, учитесь, а не другому, яко же пространнее написахом иеромонаху Тимофею» (начальнику типографского училища в Москве)¹¹⁶.

[С. 250] Приведенные грамоты Досифея по своему характеру, тону и содержанию очень резко отличаются от грамот его предшественников-патриархов и ясно говорят о тех особых отношениях, в какие желал войти Досифей с московским светским и духовным правительством. В них мы не встречаем обычных вечных жалоб на притеснения и обиды от еретиков, на тяжелые налоги и неоплатные долги, на свою крайнюю бедность и скудость, в них нет обычных просьб о помощи и милостыне. Досифей ни на что не жалуется, ничего не просит для себя, и самый тон его грамот не искательско-просительный, не смиренно угодливый, имеющий в виду расположить к более щедрой подачке, а авторитетно назидательный тон учительного верховного архипастыря, имеющего в виду только интересы веры, интересы Вселенского Православия – он только поучает, советует, предостерегает и царя и патриарха, вовсе не заботясь о том, понравится им это или нет. Самые его поучения и назидания не общие только места, они не отвлеченны и беспредметны, а имеют ближайшее отношение к совершавшемуся тогда в русской жизни, с чем, как видно, Досифей из своего далека был знаком хорошо, потому что все происходившее тогда на Руси он считал не чуждым и далеким, а близким себе, к чему он хотел стать в определенные отношения. Если он поучает царя твердо хранить заветы отцов и все церковные обычаи, не допускать в них ни малейших даже перемен и каких-либо нововведений, если он предостерегает царя от юго-западных русских выходцев, по большей части воспитанников латинских школ, и советует ему даже совсем запретить им въезд в Московское [С. 251] государство, если он похвалает царя за устройство в Москве именно греческой школы и энергично наставляет Московского патриарха всеми мерами охранять свою паству от латинских книг и всякого иноверного западного влияния, то все это было строго соображено с происходившим тогда в Москве. Здесь шла в то время ожесточенная борьба латинского и греческого направлений, которая напряженно велась и по поводу церковных вопросов (например, о времени пресуществления Святых Даров), и по поводу устройства в Москве школы (вопрос шел о том, какой язык должен преобладать в московской школе – греческий или латинский, на который представители греческого и латинского направлений отвечали различно), и по поводу некоторых других вопросов (например, о пользовании латинскою Библией). Досифей, как видно, хорошо был осведомлен обо всем этом, и потому своими грамотами царю и патриарху он имел в виду поддержать и подкрепить греческую партию в Москве, доставить ей перевес над латинствующими киевлянами, их учениками и последователями в Москве. Это Досифей и выразил в своих грамотах, и вместе с тем сразу дал понять в Москве, что он не намерен и на будущее время быть безучастным только зрителем происходящего в Москве, особенно в церковной сфере, что он не простой только слуга русского правительства и покорный ревностный исполнитель всех его предначертаний и желаний, а один из верховных архипастырей Вселенской Церкви, к голосу и мнениям которого должно прислушиваться и московское правительство. Раз поставив себя в такое отношение к московскому правительству и русской церковной жизни, Досифей твердо держался его и во все последующее [С. 252] время, не

¹¹⁶ 7191 г. № 2; Собрание государственных грамот и договоров. Т. IV. С. 417–423; *Каптерев*. Сношения патриарха Досифея с русским правительством. Приложение № 15.

стесняясь при случае высказывать по тому или другому поводу свое мнение и суждение, хотя бы оно могло и очень не понравиться кому-либо в Москве. Это вскоре показал он самим делом.

Царь Феодор Алексеевич, вообще мало расположенный к грекам, но послу которого в Турции Возницыну Досифей все-таки успел оказать очень важные услуги, умер 27 апреля 1682 года, и власть в Москве перешла в руки царевны Софьи, которая хотела явить себя православному Востоку царицей, пекущейся о поддержании и процветании святых мест, столь дорогих для каждого православного христианина. В правление царевны Софии Досифей явился таким же доброхотом и слугой России, каким он уже заявил себя при Феодоре, и московское правительство уже прямо обращалось к нему за содействием в нужных случаях.

После присоединения к Москве Малороссии неизбежно сам собою возник вопрос и о подчинении Киевской митрополии, зависевшей от Константинопольского патриарха, патриарху Московскому, о чем думал уже Никон. Когда же между московским правительством и гетманом Самойловичем решено было сделать киевским митрополитом Гедеона Четвертинского с тем, чтобы он поставлен был Московским патриархом, тогда в декабре 1684 года в Константинополь отправлен был специальный посол, грек Захарий Иванов, или Софир, просить у патриарха отпустительную грамоту на Киевскую митрополию. Но патриарх отказался совершить это дело без ведома и согласия визиря, к которому-де и должно прежде всего обратиться московское правительство¹¹⁷. Но оно [С. 253] поступило иначе. С согласия гетмана Самойловича Гедеон Четвертинский был поставлен в митрополиты в Москве патриархом Иоакимом, которому он дал обещание во всем зависеть от него, после чего решились обратиться к Константинопольскому патриарху, чтобы получить от него формальное утверждение уже совершившегося факта. С этой целью в ноябре 1685 года в Константинополь был отправлен особый посол, дьяк Никита Алексеев, к которому в Малороссии присоединился и особый посол от гетмана, Иван Лисица. С Алексеевым посланы были дары Константинопольскому патриарху и 200 золотых Досифею, причем в наказе Алексееву было написано, «чтобы домогаться ему у Иерусалимского патриарха, чтоб он, для царского величества милости, с Константинопольским патриархом советовал, чтоб царского величества по грамоте о Киевской митрополии Константинопольский патриарх к великим государям отпустительную грамоту с ним, Никитою, послал, и у той грамоты и ево б, Иерусалимского патриарха, рука подписана была; и как по тому совету Иерусалимского патриарха Константинопольский патриарх отпустительную грамоту даст, и Никите Иерусалимскому патриарху великих государей милостыню те двести червонных золотых отдать и к великим государем взять лист». Исполняя данную ему инструкцию, Никита Алексеев, прибыв в Адрианополь, где тогда находился турецкий двор и Досифей, прежде всего обратился к последнему и стал ему говорить, по наказу, об отпуске Киевской митрополии. Досифей отвечал, что об этом деле он уже знает, так как Константинопольский патриарх Иаков, ранее получивший об этом грамоту государей через грека [С. 254]

Софира, не мог ничего учинить без совета с другими патриархами, «потому что, – говорил Досифей, – в правилех святых отец написано, что архиерею из-под своей епархии в иную паству благословения и отпущения иному никому не подавать, и в том он, патриарх Досифей, Константинопольскому Иакову-патриарху советовать и наговаривать не будет». Тогда Никита стал разьяснять Досифею, что доставление Гедеона киевским митрополитом в Москве совершилось с согласия гетмана, генеральной войсковой старшины и всего причта духовного, что это сделано в интересах Православия, чтобы не допустить до управления праздной Киевской митрополией отступника и униата епископа Шумлянского. На это Досифей отвечал: «Как-де то учинили великие государи, так они и ведают, а они-де ныне бла-

¹¹⁷ Турецкие статейные списки Ыа 25, лл. 329–336; № 26, лл. 36–39.

гословения своего не дадут для того: напред до сего бывало, что митрополиты Киевские приезживали для поставления в Царьград и принимали благословение от Константинопольского патриарха, а и ныне изволили б великие государи писать к ним о поставлении киевского митрополита, и они б благословение дали, что в Киев вольно обратъ и поставить святейшему Московскому патриарху, а не вечно быть той епархии за ним. А ныне-де прислали просить благословения, а уж и поставили, что есть Церкви Восточной разделение; что-де хотя уж поставили в Киев митрополита, то-де дело доброе, только б для благословения они напред присылали, и ныне он советовать с Константинопольским патриархом не будет и такого отпустительнаго благословения, конечно, не дадут». Алексеев снова принялся убеждать Досифея в пользу «святаго дела» и между прочим привел и такой довод, что за это «ему, святейшему [С. 255] патриарху, также и Константинопольскому, прислано их, великих государей, жалованье, а впредь их царская милость от них отъемлема не будет». Но и этот веский аргумент не подействовал. Досифей говорил, «что он в то дело, конечно, вступаться не будет и как-де о том хочет Константинопольский патриарх; а ему б хотя б была дана и великая казна, то б он такова дела не учинил, а и Константинопольскому патриарху тово дела чинить, созвав митрополитов, без визирского указу невозможно». Не достигнув своей цели у Досифея, Алексеев принужден был обратиться со своим делом к визирю, который ради своих целей охотно согласился оказать требуемую услугу московскому правительству, именно он сказал Алексею: «Призовет-де он патриарха (Константинопольского) к себе и прикажет ему: что царскому величеству надобно, то бы он учинил по воле их царскаго величества и о всем писал». Заручившись согласием визиря, Алексеев снова отправился к Досифею и, сообщив ему ответ визиря, опять просил его ходатайствовать перед Константинопольским патриархом об отпуске Киевской митрополии. На этот раз Досифей повел уже другие речи. «В правилех я приискал, – говорил он, – что вольно всякому архиерею отпустить из своей епархии и подать благословение иному архиерею, и о том он будет патриарха Дионисия (Константинопольского) наговаривать, чтоб он учинил по воли царскаго величества, и сам он, Досифей, к царскому величеству и к святейшему патриарху Московскому писать будет особо и благословение от себя подаст, а не вместе с Дионисием». Через несколько дней после этого (13 апреля 1686 г.) Досифей призвал к себе Никиту [С. 256] Алексея и гетманского посла и заявил им, что завтра он едет в Мутьянскую землю и посылает от себя великим государям, патриарху Иоакиму и киевскому митрополиту грамоты, «и Дионисий-де патриарх, – говорил Досифей, – по его совету хотел все учинить по воли великих государей, их царскаго величества». В тот же день Досифей прислал послу свои грамоты, а тот послал ему царское жалованье – двести золотых. Вскоре и Константинопольский патриарх прислал свою отпустительную грамоту на Киевскую митрополию, за что и получил теперь царское жалованье – тоже двести золотых, хотя уже и ранее Алексеев тайно послал ему три сорока соболей¹¹⁸.

Таким образом, Досифей принимал живое и деятельное участие в отпуске Киевской митрополии вследствие особого обращенного к нему по этому случаю приглашения московского правительства. Последнее, очевидно, видело в Досифее не только человека, преданного России, всегда готового действовать в русских интересах, но и человека очень влиятельного на православном Востоке, от которого во многом зависит такой или иной исход возбужденного дела о подчинении Киевской митрополии Московскому патриарху. Конечно, поэтому наше правительство желало, чтобы под отпустительною грамотой на Киевскую митрополию наряду с подписью Константинопольского патриарха была и подпись Досифея как лица особенно авторитетного и уважаемого на всем православном Востоке. Но Досифей, как мы видели, очень неохотно соглашался на подчинение Киевской митрополии Московскому [С. 257] патриарху и, наконец с трудом согласившись, послал от себя особые гра-

¹¹⁸ Турецкие статейные списки № 26, лл. 43, 53–61, 78–79, 87–90, 94 об., 98.

моты и царям и патриарху Иоакиму, в которых откровенно и прямо высказал свой истинный взгляд на это дело.

В грамоте государям Досифей одобряет самый факт доставления Московским патриархом киевского митрополита, но решительно не одобряет и не похваляет того обстоятельства, что Московский патриарх, посвятив киевского митрополита, в то же время подчиняет его со всею митрополией своей власти, включает Киевскую митрополию в свой патриархат. «Во-первых, – пишет Досифей, – следует довольствоваться своим, а не на всякий день новое изыскивать, как сие обычно и в иных искательствах, за коими следует мало-помалу кичение и пренебрежение братии, как и папам сие приключилось по гордости. Когда же отложены бывают отеческие правила, появляются новые, в коих есть и суетное, посему и говорит Писание: не преложиши пределы вечные, яже положиша отцы твои. Во-вторых, до такой степени мнится порочным в Церкви желание чужих епархий и для первых иереев, что и Антиохийский патриарх от Вселенского Третьяго Собора, когда хотел хиротонисать кипрского архиепископа, весьма укорен был и осудил его самолюбие лик оный святых отцов». Но мало того, что подчинение Киевской митрополии Московскому патриарху несогласно, по мнению Досифея, с церковными правилами, самый способ, как оно было достигнуто, казался Досифею неправильным, предосудительным и даже опасным. Русское правительство, заявляет Досифей, должно было не просить патриархов об отпуске Киевской митрополии, а требовать этого от них, «если сие не противно законам [С. 258] и если от сего не последует что-либо противное или непристойное». Но особенно огорчает Досифея тот прием, с помощью которого московский посол старался получить отпустительную грамоту от Константинопольского патриарха. Отпуска Киевской митрополии следовало, говорит Досифей, «не просить чрез деньги, но просто ради веры и пользы верных, не так как ныне, когда честнейший ваш посланник извещал нам: что если дадим грамоту, даст и милостыню; а если не дадим – не даст... И подобает ли, с горечью пишет Досифей, сей Апостольской Церкви великия Москвы просить у матери своей, Восточной Церкви, духовных дарований за деньги? Неужели грамота она, которую приемлет честность его от Константинопольскаго и такого рода прошения, ради денег, праведна? И достоинство имеет ли такая грамота?»¹¹⁹ Затем Досифей указывает на ту опасность, какая угрожает Православию от подчинения Киевской митрополии Московскому патриарху, именно: некоторые православные в Польше и на Украине могут сделаться непослушны киевскому митрополиту, как не хиротонисанному Константинопольским патриархом, отчего последует схизма и словопрение и даже еще худшее: недовольные могут обратиться к Константинопольскому патриарху с требованием поставить им отдельного митрополита, и патриарх «ради малых денег» [С. 259] решится поставить им митрополита, отчего последует «соблазн и разврат». Заканчивая свои доводы в пользу той мысли, что Киевская митрополия не должна бы быть епархией Московского патриарха, Досифей говорит в заключение: «Сих ради и таковых причин не дохваляем мы начинание брата нашего (т. е. патриарха Иоакима), однако похвалили желание державнейшаго и святаго вашего царствия только посещения ради, но паки говорим по божественному апостолу: аще, непщеванием ими истинно Христос возвещается. Итак, хотя бы ради самолюбия церковников или ради иной вины, быть может и благословной, так случилось, радуемся, что Киев имеет митрополита, и хиротонию его приемлем, и, прочая оставляя, молимся Владыке Христу, да даст ему силу править благо и благоугодно».

¹¹⁹ Сам Досифей принял, однако, царскую милостыню, которая ему была назначена именно за хлопоты по делу Киевской митрополии. По этому поводу Досифей пишет князю Василию Голицыну, что посол Алексеев дал ему «двесте червонных золотых, милость святых и державных царей Святому Гробу, которое мы в таком времени и в таком деле не хотели взять – ниже много, ниже мало, наипаче же, что мы имеем иную надежду к святейшему дому самодержавнейших царей; токмо помышляя, да покажемся тяжки и да не подадим некий знак лакомства в нас, восприяли есмы и послали в Святой Град Иерусалим» (Греческие дела 7195 г. № 3).

Из заключительных слов грамоты Досифея к царям видно, что виною подчинения Киевской митрополии Московскому патриарху он считал «самолюбие церковников», другими словами: самолюбие патриарха Иоакима, который устроил все это, по мнению Досифея, очень прискорбное дело. Этот свой взгляд он прямо и высказал в особой грамоте к патриарху Иоакиму, писанной в апреле 1686 года. «Некий верх злых, – пишет Досифей, – нас сокрушает и нас сушат церковный смущения и бури, самолюбное же и зарватное, и не сытость славы, и желание чуждых, которое зло не токмо ныне zde преизлишествует, но достигнуло даже и до вас... Что вина да оттерзаете чуждую епархию? не есть ли стыд от людей, не есть ли грех от Бога? Да присылаете деньги и из ума людей выводите, берете грамоты сопротивны Церкви и Богу. Сказывал нам посланник ваш: яко письма от вас [С. 260] не привез, токмо приказали ему дати нам милостыню, аще ему дадим письмо, яко же хошет; и аще не дадим ему, и он нам да не даст. И аще бы нечто нужно быти сему, еже просите, мы и Иерусалим бы сотворили епископиєю, и ноги бы ваша мыли, яко же Христос сотворил ко устроению Церкви. Но кроме нужды для чего да движутся пределы отеческие? И кто может сия да простить? Близ нас стоял посланник ваш; и приходил к нему некоторый архимандрит Святогорский от страны Дионисия-патриарха, и просил денег от посланника и последе дает ему грамоты. И посланник отвещал, яко прежде да даст ему грамоты, и потом да возмет деньги от него. И бяше удобнее, да поставите митрополита без благословения, неже присылаете деньги и просите прощения, яко есть явная симония; и ниже прощение есть прощение, ниже грамоты суть грамоты, аще ищите по Боге, понеже един не прощает, наипаче же и с деньгами, токмо вси; но и вси паки не просто прощают, но егда суть нужда. Но zde нужды несть, явно есть лихоимание и во уничижение Восточной Церкви. Довольно бы было братской твоей любви, да еси наместник Константинопольскаго патриарха, да испытывавши того киевскаго митрополита, и да повелеваеши ему, и да судиши его, и предрассуждаеши, яко присный домостроитель; и была бы честь ваша, и предания церковныя невредимы бы были, и христиане бы были тоя митрополии мирны. И тако советуем, и сие есть праведное и непорочное в Церкви Христове и в день Господень, и да не гневается и Бог в таких вещах. И аще хоше-те имети хотение свое, ведайте, яко церковная воля не есть, яко же и мы не хошем, да не причастимся сему греху; тако ж не хошем ниже вас, да будете подлежащими в [С. 261] сем грехе... Братская твоя любовь! аще есть сие дело от тебя – хошеши да тебе имя останется после на Москве, како сотворил еси такое дело? Но праведно и благословно есть в сем настоящем веще в Церкви и в будущем на судище Божии да имели бы вы имя: како храните церковныя пределы и како последуете церковным законам, како не уничтожаете тех от них же имеее тое, иже есте».

Так прямо и резко высказывал Досифей свое полное неудовольствие и неодобрение делу подчинения Киевской митрополии Московскому патриарху, скорбел и негодовал по поводу самого характера ведения этого дела. Конечно, им руководила в этом случае ревность о сохранении церковных установлений и обычаев, нарушенных, по его мнению, фактом подчинения Киевской митрополии Московскому патриарху; конечно, в нем говорила и гордость греческого иерарха, оскорбленная слишком открытым торгашеским приемом московского посла. Но, с другой стороны, у него могли быть и иные побуждения действовать именно так, а не иначе. Он в данном случае мог иметь в виду те возможные отношения, какие в недалеком, по его мнению, будущем могут открыться между все более усиливающейся Россией и между все более слабеющей и видимо начинающей разлагаться Турцией. Досифей искренно и горячо сочувствовал развитию политического могущества России, желал, чтобы она расширялась, особенно за счет Турции, в чем он видел залог будущей свободы греков; он желал вместе с другими греками, чтобы русский царь сделался преемником византийских императоров, изгнав предварительно турок из Константинополя. Но в то же время Досифей вовсе не желал того, чтобы вместе с развитием политического [С. 262] могущества России

все шире и шире развивалась и сфера ее церковного влияния и власти в пределах Турции. Если Москва, подчиняя себе разные православные народы политически, вместе с тем будет подчинять их себе и церковно, как это уже случилось с Малороссией, то в конце концов окажется, что московский патриарх подчинит своей церковной власти большинство православного мира. Досифею хорошо было известно, что России не прочь подчиниться Грузия, что к этому стремятся Молдавия и Валахия; что же, однако, будет, если Россия, подчинив себе эти земли политически, чего желал и сам Досифей, в то же время подчинит их себе и в церковном отношении? Не усилится ли тогда безмерно власть и значение Московского патриарха в ущерб его собратьям – восточным патриархам, и не падет ли тогда значение последних в целом православном мире? Эти опасения и были причиной того, что Досифей противился и решительно не одобрял подчинения Киевской митрополии Московскому патриарху, почему он усиленно старался доказывать и царям и патриарху Иоакиму, что им никак не следовало подчинять Киевскую митрополию Московскому патриарху, так как подобное деяние – желание чужих епархий и незаконно и опасно для всего Православия.

Протест Досифея относительно подчинения Киевской митрополии Московскому патриарху имел, впрочем, чисто академический характер, так как практически он вполне признавал совершившийся факт и все вытекающие отсюда последствия. Он сам послал свою грамоту к епископам и ко всем благочестивым, живущим в Литве и Польше, в которой, вопреки действительному ходу событий, уверял, что Гедеон [С. 263] поставлен в Киевские митрополиты Московским патриархом «по воли и мысли блаженнейших и святейших патриархов, си есть: Вселенскаго и прочих трех Востока великих архиереев», и потому молит всех подчиняться во всем Гедеону как истинному и законному митрополиту Киевскому. Мало того: в той же самой грамоте к царям, в которой Досифей доказывает незаконность подчинения Киевской митрополии Московскому патриарху, он уже спешит, признавая неизбежность и бесповоротность совершившегося, преподать московскому правительству ряд наставлений, как ему следует держать себя относительно Киевской митрополии. Эти наставления очень характерны и лучше всего доказывают, что Киевская митрополия в интересах Церкви и Православия должна была быть подчинена именно Московскому патриарху. Досифей заявляет, во-первых, чтобы киевский митрополит избирал и поставлял во епископы подчиненных ему кафедр обязательно только с согласия и одобрения Московского патриарха и Собора при нем. Во-вторых, «в нынешней, по той стороне Днепра, называемой казацкой землею, суть некие в Риме и в Польше от латин наученные архимандриты и игумены монастырей, не по чину совершают последование церковных служб и носят иезуитское ожерелье». Митрополит Киевский должен позаботиться, чтобы во всех монастырях служба была одинаковая, поскольку не разделен Христос, и чтобы отложены были ожерелья как знамение иномудрствующих. В-третьих, да будет издано царское повеление, чтобы по смерти предреченных архимандритов и игуменов впредь священника, который пойдет в папешские места учиться, архимандритом, игуменом и епископом не поставлять, а если будет [С. 264] мирянин, не делать его иереем, ибо довлеет православная вера ко спасению и не подобает верным прельщаться через философию и суетную прелесть. «Великий князь Александр (Невский) не был философом, но ответ, который он дал послам папиным, равняется Символу веры». Посоветовав затем правительству открыть школу в Киеве, чтобы православным не было нужды обращаться за научением в латинские школы, Досифей пишет далее: «О, если бы, благочестивейшие, и там в Москве сохранен был древний устав: да не бывают (на Москве) игумены и архимандриты от рода казацкаго, но москали и на Москве, и в казацкой земле, а казаки только в казацкой земле, ибо не подобает запрягать вкупе коня и осла, ниже ткать вкупе руно и лен, глаголет Писание. Далеко да будут казаки священники от игуменства московскаго и от иного достоинства. Хотя и исповедуем казаков быть православными, однако многие из них имеют нравы растленные, и нравы сии не подобает от них перенимать тамошним (т. е.

московским) православным. В-четвертых, правила запрещают хиротонисать архиерею на одной литургии многих священников и диаконов, почему киевский митрополит епископам из казаков, сие творившим безотменно в казацкой земле, да повелевает никак сего впредь не творить, ибо по неведению так поступали, как мнится; если же и впредь сие творить будут неотложно, да извержет их. Обретаются там и архиереи из греков, которые также хиротонисали многих иереев и диаконов на одной литургии; поелику же они ведением и ради денег согрешили и злой показали пример, то таких неотложно низвергнуть и никакого прощения не удостоивать, и некоего изгнанного [С. 265] архиепископа Ахридонского, притом же и беглеца, украшающего себя именем патриарха, как лицемера оплевать и эпитимии подвергнуть». В-пятых, киевскому митрополиту подобает правильно и по правилам «судить сущих казаков, сущих в послушании державнейшаго и святаго вашего царствия; к православным же, находящимся в Польше, да снисходите несколько, доколе привлечете их в мрежи ведения», как в подобных случаях и поступали многие великие и святые мужи. В-шестых, киевский митрополит да оказывает ежегодно у себя Собор из епископов и архимандритов и обсуждает на нем все, что требует церковного исправления, причем о трудном пусть всегда доносит в Москву патриарху и Собору при нем. «Также и на Москве, – добавляет к этому Досифей, – священный Собор, если что ему покажется сомнительным, дабы и тамошня Церковь Соборная сохранилась чистою и без всяких погрешностей, как непорочная Христова невеста, должен доносить высшим Церквам сущим в них патриархам и от них принимать наставление и толкование, чтобы там сохранялся союз любви и соединение духа мира и достоинство апостольской кафолической веры не умаленным, но обновленным и непоколебимым». В-седьмых, если киевский митрополит или в вере православной, или в законах и вообще будет действовать вопреки разуму и мысли Восточной Церкви, то да будет подлежать суду, осуждению и запрещению Московского патриарха и сущего при нем священного Собора. Пусть он поставляется от Московского патриарха, но с тем, чтобы об этом, прежде ли или после поставления, давалось знать Константинопольскому патриарху и чтобы на службах воспоминалось имя Константинопольского [С. 266] патриарха и Киевская митрополия считалась его областью, а Московский патриарх – наместником Константинопольского. «Сие просим и советуем, да не пренебрегаются без всякой нужды уставы святых отец и не прогневаются Бог»¹²⁰.

Очевидно, Досифею хорошо были известны многие беспорядки и нестроения, которые царили в киевской церковной иерархии, в церковной практике и жизни, вследствие полного отсутствия всякого надзора со стороны Константинопольского патриарха, власть которого в Киевской митрополии уже давно сделалась чисто номинальной. Чтобы привести жизнь Киевской митрополии в надлежащий порядок, необходим был над нею постоянный и бдительный надзор высшей церковной власти, стоящей с нею в постоянных, близких и непосредственных сношениях. Такою самою ближайшей и естественной властью и был именно Московский патриарх. Следовательно, подчинение ему Киевской митрополии не только не имело в себе ничего незаконного или вредного для Церкви, а, совершенно наоборот, вызывалось и настоятельно требовалось интересами самой Церкви и всего Православия.

Участием Досифея в деле подчинения Киевской митрополии Московскому патриарху и закончились все его сношения с московским правительством во время правления царевны Софьи, так как затем начались известные крымские походы, во время которых сами собой прекратились у нас всякие сношения с Турцией, которые бы дали возможность Досифею или оказать [С. 267] услуги нашим послам, или послать с ними в Москву грамоты. Кроме

¹²⁰ Грамота государей к Константинопольскому патриарху о Киевской митрополии, отпустительная грамота Константинопольского патриарха и грамоты Досифея к царям, патриарху Иоакиму, малороссийскому духовенству и народу напечатаны в пятом томе «Архива Юго-Западной России». См.: Греческие дела 7195 г. № 3.

того, в это время случилось еще одно обстоятельство, из которого подозрительный Досифей убедился, что честолюбивый Московский патриарх подчинением себе Киевской митрополии не удовлетворился, а идет по этому пути далее, стремится подчинить своей власти уже область, подлежащую ведению самого Иерусалимского патриарха. Дело тут заключалось в следующем.

В сентябре 1682 года в Москву прибыл синайский архиепископ Анания, присутствовавший на Московском Соборе 1667 года. Жалуясь на крайне бедственное положение синайской обители и испрашивая помощи, Анания молил государей: «Пожалуйте, излейте на нас милосердие, благоволите нашу святую обитель взять в свое государское попечение и не дайте той святой и православной обители от скудости принта в римские руки, потому если мы, государи, от великие скудости то святое место оставим, то римляне всячески о том потщатся, чтоб им тем святым местом завладеть, и буде вашей царской милости не будет – не изволите святая нашей обители взять в ваше попечение, то конечно папа Римский потщится тем местом завладеть». Государи дали милостыню Анании, но о взятии монастыря на особое государское попечение ответа от них не последовало. Тогда Анания подал государям новую челобитную, в которой просил ради царского здоровья и поминовения их родителей «не оставить во дни свои царскую их богозданную обитель и не дать ей впасть в руки еретиков на поругание православным, ибо сии Святая Сеста многие западные государи желают присвоить себе и назвать своим молением, и, если бы возможно было, и с великими даяниями, не потому, [С. 268] чтобы у них не было своих обителей и церквей, но потому, что сия гора называется богоходною многих ради бывших и бывающих на ней от Бога пророками и святыми Его страшных бесчисленных чудес, и воистину, и ныне благодать Божия живет в ней. Примите, государи, ту обитель в свое царское попечение, как новые строители, вместо первостроителя Юстиниана, царя благочестиваго, дабы вашим царским призрением и помощью могла та святая обитель с прочими святыми местами держаться за православными христианами, ибо такая царская обитель только и может держаться царским вспоможением». Но на этот раз домогательства синаитов не имели успеха. Тогда в 1687 году в Москву прибыл синайский архимандрит Кирилл с особыми полномочиями от синайского архиепископа Иоанникия и всех синайских иноков. В соборной грамоте, привезенной архимандритом и подписанной архиепископом Иоанникием и 72 синайскими иноками, говорилось: «Вся братия от первых даже до последних приходит к высокому маестату христианнейшему и православнейшему пресветлыя державы царствия вашего, и много иже во смирении поклонение сотворяем и припадаем до лица земли с плачем, и многими слезами челом бьем, и приносим, и отдаем ту знаменитую и убогую обитель горы Синайские вам, великим государем и великодержавным и пресветлым монархом, да будете великие государи тому святому и богопроходному месту строители и обладатели, яко новии и блаженнии вместо царя Юстиниана ктиторы». Далее архиепископ пишет: «Пришлите от себя иноков (разумеется, русских) в святую обитель, да будут они молиться вместе с нами за вас, а другие опять придут к нам и лучше известят [С. 269] то, что видели сами в нашей пустыне, каково наше житие – зло или добро... Не отриньте нашего моления и посланных наших, примите обитель под державу своего царствия и имейте к ней ревность, ибо мы не имеем, где главы подклонить, да не опустеет сие поклонение всех православных христиан». На этот раз домогательства синаитов имели успех. От государей велено было изготовить грамоту к синайскому архиепископу с извещением, что они, по челобитью его, Синайскую гору в призрение свое принять изволили, из русских монастырей монахов по два человека послать туда указали, жалованья им посылается на 150 руб. соболями, да еще 100 золотых червонных, да сверх того велено было устроить серебряную раку для мощей великомученицы Екатерины и, наконец, особою жалованною грамотой синаитам дозволялось приезжать в Москву за милостыней через каждые два года. Таким образом, Синай в 1687 году был принят под особое русское

покровительство и должен был сделаться с этого времени русским царским монастырем, отчасти заселенным присылаемыми в него русскими монахами. Понятно, какое неприятное впечатление все это дело должно было произвести на Досифея, который, естественно, увидел в этом новый незаконный захват со стороны властолюбивого Московского патриарха. В грамоте уже не к Иоакиму, а его преемнику Адриану он пишет: «Синаиты отверзают монастырь свой пять месяцев и заключают его пять лет, и всегда живут в Египте и наслаждаются благами его; потом же не имеющие попечения ни о какой вещи святыя церкви, ниже кто от них злостраждет, но о едином токмо пекутся, во еже бы собрати имения, каковым-либо образом могут». Далее Досифей [С. 270] свидетельствует, что синаиты отдавали свой монастырь самому папе, и если сначала Анания, а потом «зложительный и скаредожительный» архимандрит Кирилл представил писания, «яко поддает монастырь свой Москве – вещь незаконна и посмеянна: незаконна убо, яко подлежащее другому патриаршескому престолу от времени третьего Синода, како подлежати будет иному без изречения Вселенскому Собору? Посмеянна же двух ради неких (причин): первое, яко како может Московский патриарх правити Синайскую гору? Второе, яко монастыри всего мира поминают православных патриархов и начальников православных и по образу сему вся суть всем поддана, и како тип тое, еже есть сущее, глаголют, яко будет сущее? Третье, яко тии ищут языческими внешними властьюми, да будут самоглавами Церкви и како покорятся вам? Тем же явно есть, яко лгут, токмо да соберут сребро». В заключение Досифей пишет Адриану: «Егда приидут к вам отцы синаитяне, и в грамотах их наречется архиепископ Синайский, или в писанных своих подписует титло, или в великих или в малых неких писаниях, то да раздраете и отцы да изгоняете со срамом и стыдом, яко преступники божественных канонов и наипаче яко нечестивейшия, понеже презирают обычай и изречение Церкви». Досифей, однако, волновался совершенно напрасно, так как в Москве вовсе и не думали покушаться на его верховные права над Синаем и подчинять последний власти Московского патриарха¹²¹.

¹²¹ Подробнее об этом см. нашу статью: Русская благотворительность синайской обители в XVI–XVIII столетиях // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1881, октябрь–ноябрь.

Глава 6

Сношения патриарха Досифея с русским правительством при Петре Великом

[С. 271] С 1690 года положение дел в Москве сильно изменилось. Царевна Софья была окончательно устранена от управления государством, и власть перешла в руки Петра, который и стал теперь управлять единолично (больной царь Иоанн не имел никакого значения). И на Московской патриаршей кафедре произошла также в это время перемена: патриарх Иоаким, не особенно, как мы видели, приятный Досифею, умер, и его преемником сделался Адриан, с которым Досифей вошел в добрые и частые сношения. С другой стороны, и в положении Досифея, или, точнее, в положении святых мест в Иерусалиме, произошли такие важные и печальные для православных перемены, которые заставили Досифея с 1690 года усиленно искать защиты и покровительства у московского правительства и ради этого войти с ним в еще более близкие и частые сношения, насколько это было возможно при тогдашних враждебных отношениях России к Турции, начавшихся еще с 1686 года.

Как мы уже не раз выше говорили, в Иерусалиме постоянно велась упорная борьба между греками, латинянами и армянами из-за обладания святыми местами. [С. 272] Греки как представители всего Православия считали себя исконными, единственно законными обладателями всех святых мест, чего, однако, никогда не хотели признать латиняне и армяне, при всяком удобном случае стремившиеся отнять у греков те или другие святые места и занять вместо них первенствующее положение при Святом Гробе. Вследствие этого патриархам Иерусалимским приходилось вести как с армянами, так и особенно с латинянами неустанную энергичную борьбу, чтобы удержать за собою святые места и первенство при Святом Гробе. Предшественники Досифея вели борьбу успешно, и хотя Иерусалимский престол принужден был расходовать на это большие суммы, вследствие чего на патриархии накапливались иногда огромные долги, но зато святые места и первенство при Святом Гробе оставались всегда в руках православных. И Досифею пришлось вести ту же борьбу главным образом с католиками, как и его предшественникам, только результат ее в конце был уже иной. Борьба Досифея с католиками началась уже с первого года его вступления на патриарший престол (т. е. с 1669 г.), возобновилась потом в 1673 году и закончилась благоприятно для греков в 1675 году, несмотря на все усилия и происки латинян, находивших себе сильную поддержку у французских послов при Порте. В 1683 году притязания латинян снова потерпели неудачу, и Досифей было успокоился, но ненадолго. Против Турции в это время образовалась коалиция из христианских государств: Австрии, Венеции и Польши; к ним в 1686 году примкнула и Россия, предпринявшая два известных похода в Крым под предводительством князя Василия Голицына. Турция терпела поражения от союзников [С. 273] – австрийцев и венециан – и находилась поэтому в очень затруднительном положении. Тогда французское правительство стало обещать туркам свою помощь против союзников под тем, между прочим, условием, чтобы турки признали и формально укрепили за латинянами первенство в святых местах, и чтобы те Святые Места, которыми когда-либо владели латиняне, а теперь владеют греки, снова отданы были латинянам. После некоторых колебаний турецкое правительство, опасавшееся, как бы и Франция не примкнула к союзникам, согласилась на требование французов. В апреле 1689 года в этом смысле издан был султанский указ, который и был приведен в исполнение. Сам Досифей в своей «Истории иерусалимских патриархов» говорит: «Сколь много и сколь жестокие бедствия причинили паписты Иерусалиму, когда пришли туда с фирманом и с царским чиновником и похитили с коварством и с насилием первенство при святых местах, требует особого повествования. А

здесь кратко упомянем о следующих их действиях: во-первых, чтобы показать себя закоре-
нелыми и непримиримыми врагами православных, разрушили темплеон в храме Вифлеем-
ском, который в продолжение четырех лет выстроили нам хиосские художники. Осмеивали
и презирали честной крест и святые иконы греческой живописи. В отделение Святого Гроба,
где патриархи разделяли святой свет, раскопали святой престол и, нашед в основаниях его
ковчег со святыми мощами, взяли его себе. Потом разнесли ложный слух, будто правитель-
ство повесило патриарха, и чрез то привели православных в великую печаль и смущение,
так что когда пришло от нас туда известие, то христиане [С. 274] от радости сделали в эту
ночь освещение в домах своих. Оклеветали пред правительством и наместника нашего в
том, будто он сделал обиду царскому чиновнику, и придумывали и другие ковы, чтоб сделать
отцам зло, почему и принуждены они были удалиться в Дамаск, и были там дотоле, доколе
мы из Адрианополя не прислали туда фирмана, поставлявшего их в безопасность, и только
тогда они возвратились в Иерусалим. Во-вторых, напрасно и ложно повсюду разглашают
латиняне, будто Святые Места в их власти, ибо хотя в некоторых из сих мест и получили
они первенство, но не полную совершенно власть, потому что и мы светло, торжественно
и, как и прежде, несравненно с большею свободою, чем паписты, совершаем в них все цер-
ковные службы, не опасаясь со стороны их власти никакого препятствия». Затем в утешение
и ободрение православных Досифей заявляет: «Да и то, что латиняне говорят, будто Святой
Гроб и Святая Пещера в их власти, показывает только то, что они одни там служат, между
тем как и мы, если захотим, можем служить беспрепятственно, но не делаем сего по многим
и различным причинам, а особенно потому, чтобы не подумал народ, будто мы от них не
различаемся. Сверх сего, сколько мы имеем Святых Мест, монастырей и церквей в самой
соборной церкви Святого Гроба и в самом Святом Граде и вне его, вблизи и в отдаленности;
то паписты и все сборище еретиков не имеют и половины того, чем, по милости Божьей, мы
владеем и распоряжаемся с полною властью и произволом»¹²².

[С. 275] Но хотя Досифей утешал себя и православных тем, что они и теперь, как и
прежде, могут беспрепятственно совершать все церковные службы и при Святом Гробе, и
в Святой Пещере, и в других святых местах и что они владеют в Святой Земле столькими
церквами и монастырями, «что паписты и все сборище еретиков не имеют и половины того»,
однако уступка латинянам некоторых, и притом важнейших, святых мест и главное – при-
знание их первенства в святых местах – была таким ударом для Досифея, что он с 1689 года
до самой своей смерти уже ни разу не был больше в Иерусалиме, где теперь первенствовали
и хозяйничали латиняне. Правда, Досифей постоянно думал возвратиться в Иерусалим, но
только тогда, когда прекратится господство латинян, так как он был убежден, что ему скоро
удастся вернуть грекам первенство в святых местах, причем он рассчитывал на помощь и
содействие русского правительства, которое он и постарался подробно познакомить с вопро-
сом о святых местах в Иерусалиме.

В ноябре 1690 года Досифей отправил государям особую грамоту о святых местах,
которая доставлена была в Москву 28 апреля 1691 года слугою молдавского воеводы Мар-
ком Константиновым. В ней Досифей кратко излагал историю обладания святыми местами в
Иерусалиме со времени завоевания его арабами, стараясь доказать исторически, что закон-
ными всегдашними обладателями святых мест были только православные, а не армяне и
католики. В древнее время, а именно в 636 году, повествует Досифей, когда Омар взял Иеру-
салим, хотя арабы и учинили великие беды церквам православным, однако же во всех местах
православные монастыри и церкви «имяше первенство [С. 276] и честь» благодаря забо-
там и особым ходатайствам византийских императоров. Так продолжалось до 1097 года,
когда франки овладели Иерусалимом, из которого они были изгнаны через 85 лет, а потом

¹²² Кн. XII, гл. 13.

в течение некоторого времени Иерусалим попеременно переходил то в руки арабов, то в руки франков. В тех случаях, когда Иерусалимом овладевали арабы, византийские императоры посылали арабам дары, ради которых арабы «давали покой Святым Местам, и церквам, и православным христианам». Так продолжалось до 1350 года, «когда всеконечно изгнали французов арабы от всея Палестины и Финикии». В 1350 году, когда франки окончательно были изгнаны из Палестины, византийский император Андроник Палеолог «посылал к арабам скорое посольство с великими дарами», благодаря чему «православные в Иерусалиме паки держали Святые Места, монастыри и церкви с великим покоем». Точно так же и прочие Палеологи, даже до 1453 года, «всегда тешили салтанов вавилонских, Египта и Дамаска», благодаря чему православные в Иерусалиме держали церкви свои с миром. После же взятия Константинополя турками «ослабели христиане православные в Иерусалиме, не имеющие никого заступника и помощника», чем поспешили воспользоваться франки, которые «взяли лукавством и подарками церковь святой Сион и поселились там». Когда султан Селим в 1520-х годах отнял Иерусалим у египтян и переделал в мечеть сионскую церковь, отняв ее от франков, то последние обманули грузин множеством денежным и взяли от них, внутри Иерусалима, монастырь св. Иоанна Богослова и поселились там. Однако по взятии Иерусалима Селимом «паки [С. 277] почали оживати греки», особенно при патриархе Германе, при котором султан Сулейман построил нынешние иерусалимские стены, определил, по сколько денег платить христианам, приходящим поклониться Святому Гробу, «и дал паки честь и власть патриарху греческому, кир Герману». При патриархе Софронии король Французский прислал 12 000 червонных золотых и взял Святую Голгофу, чему не мог воспротивиться патриарх Софроний ради своей бедности. Хотел было он отправиться в Москву, когда там был Константинопольский патриарх Иеремия, но, пришедши в Мултянскую землю, от тамошнего воеводы получил 6000 червонных, которыми и откупил половину Голгофы. После французы благодаря новому подкупу захватили Святую Пещеру в Вифлееме, но патриарх Феофан, побывав в Москве и получив там довольную милостыню, «осилил французов при салтане Мурате и взял все святыя места от французов в 1631 году». Правда, в 1633 году визирь Байрам-паша взял с французов 80 000 ефимков и опять отдал им все святыя места, но патриарх Феофан в 1635 году «к тому же салтану Мурату вышел и бил челом имянно», почему султан «дал патриарху суд с французы в диване, в царском судилище, и оправдал патриарха, и отдал ему их (святыя места) с крепким правилом». В этом судбище помог Феофану волошский воевода Василий, который дал Феофану милостыни сначала 45 000 ефимков, а потом послал еще в Иерусалим 42 000 червонных золотых. После этого хотя православные в Царьграде и Иерусалиме «многие обиды терпели повседневно», однако святыя места всегда оставались за греками, несмотря на все старания армян и особенно латинян завладеть ими. Патриарх [С. 278] Паисий в 1657 году судился в царском диване с армянами и победил их. В 1663 году, когда турки были побеждены на реке Рабе, посол «паповенчанного цесаря» просил святыя места, но турки отказали ему. В 1673 году прилежно просил святыя мест посол французский, но и ему отказали, и даже «с укоризною». Но тот же «проклятый посол» пошел в Иерусалим, чтобы силою завладеть Святым Гробом, а так как православные ему противились, то он убил одного греческого старца, вследствие чего турецкое правительство вызвало его в Константинополь, где визирь дал ему суд с греками, после которого издал крепкий указ и утвердил, чтобы все святыя места были за греками. Это решение состоялось в 1675 году. После приходили в Константинополь послы от французов, венециан, генуэзцев, от поляков и все в совокупности просили святыя мест, но турки отстранили эти притязания, несмотря на то что послы французские не раз предлагали туркам и подарки, и помощь против венециан и немцев за уступку святыя мест. Во всех этих случаях грекам необходимо приходилось тратить большие суммы денег, вследствие чего Иерусалимский престол впал в большие долги, но они утешались тем, что святыя места находятся в руках православных.

Но вот в прошлом, 1689, году снова явился в Константинополе французский посол и заявил, что французы всячески будут помогать туркам в их войне с немцами и не положат оружия до тех пор, пока немцы не заключат с турками мир и не возвратят им всех отнятых у них земель. Визирь, по выражению Досифея, «обои уши свои к слышанию слов посланника приклонил», однако турки и теперь еще не решались отдать святыя места французам по двум [С. 279] причинам: «Чести ради государства своего, потому что все народы били челом им, чтоб пропускали поклониться Святым Местам; а вторая причина, что боялися, буде возьмут те Святыя Места от православных, чтоб не устремилося ваше державнейшее и святое царство на них войною», так как всякий раз, когда западные просили себе святых мест, «всегда советовали здешние турецкие вельможи и говорили: что смотрите, не разбудите москалей, которые спят добро». Однако ныне турки все-таки отдали наконец святыя места французам по совету крымского хана. Впрочем, французы не взяли всего, токмо Святой Гроб, и Пещеру Рождения Христова, и половину Голгофы, чем они по временам владели и ранее. Но кроме этого они еще теперь взяли: «всю церковь Святаго Вифлеема и один свод внутри Святаго Гроба, где мы подавали святой свет, и обретение честнаго Креста». При этом французы причинили грекам такие беды, «что когда персы и арабы взяли Иерусалим, столько беды не учинили».

Рассказав историю владения святыми местами и доказав историческое право православных на обладание святыми местами и первенство в них, Досифей пишет затем, что так как он узнал о намерении государей заключить мир с турками, к которым ради этого отправляется русский посол, то он и послал настоящую грамоту государям, «дабы ваша держава выразумели сие дело подлинно и, буде приедет посол, чтобы было и сие дело между иными нужными предложениями и запрос о тех Святых Местах и чтобы писано было на письме особно». Досифей выражает надежду, что турки могут отнять святыя места у французов, так как последние не исполнили тех многих обещаний, какие они ранее надавали туркам. Ввиду [С. 280] этого Досифей обращается с таким воззванием к царям: «Понеже преблагий Бог, Царь царствующих, поставил вас на земле Божественным Своим Промыслом единых православных царей и самодержцев, вам убо и подобает подвизаться в настоящем деле всяким образом, яко же и Великий Константин с Сиваром, царем персидским, и потом Малый Феодосий, и Лев Великий, и Анастасий, и Устин, и Устиниан, и Маврикий, и иные многие учинили великие и многие войны православных ради». По примеру их Досифей советует и русским государям «покинуть мир с турками», буде они не послушают ходатайства царей о передаче святых мест грекам, и турки ввиду такой угрозы уступят, так как цари «будут просить дела правдиваго, в котором и самой их веры ученые люди будут вас оправдать». Что же касается того, в какой форме следует сделать об этом деле представление турецкому правительству, то Досифей прилагает к своей грамоте к царям и письменный образец того, в каком роде должна быть послана грамота от государей к турецкому правительству относительно святых мест.

Государи отвечали Досифею особою грамотой, в которой писали: «Слышав о отлучении от восточнаго нашего благочестия Святых Мест и раззорении вашем по премногу и жалостно поскорбели есмы, и имеем попечение неотменное и молим Господа Бога, дабы изволил от таких бед и печалей милостиво вас освободите и паки те Святыя Места вашему блаженству вручите. А когда у нас, великих государей, нашего царского величества, дойдет с Портою и Крымом до мирных переговоров, и тогда мы, великие государи, наше царское величество, при помощи Божией о тех [С. 281] о всех в Иерусалиме Святых Местах, чтоб по-прежнему вашему блаженству отданы были, говорить и в запросы писать и притом стоять повелим, по письменному желанию блаженства вашего»¹²³.

¹²³ Греческие дела 7199 г. № 31; 7201 г. № 4; *Каптерев*. Сношения Иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством. Приложение № 1.

Между тем в сентябре 1691 года с греком Дмитрием Юрьевым Драко Досифей прислал государям новую грамоту о святых местах, писанную от 18 марта 1691 года и представляющую из себя воспроизведение предшествующей грамоты, относительно которой Досифей опасался, что она могла не дойти до государей. Любопытно и характерно заключение этой второй грамоты Досифея о святых местах. Сказав, что визирь по той причине отдал святые места французам, «что москали пришли воевать Крым», Досифей пишет: «Вы ныне, божественные самодержцы, будучи такие заступители православных христианских веры, и оставите святую Церковь попрагаться, какая вам похвала будет? Буде хотите послать сюда своего посла, то надобно просить прилежно и таким обычаем: буде вас не послушают, то и миру не для чего чинити, и не токмо мир чинити, но и войну надобно и не малую, потому что Феодосий, и Устиниан, и прочие цари великие войны вчиняли на персов для ради Православия, и сам Ираклий взял из Персиды и привез честнаго Креста древо. Кольми паче вам надобно творити подобное, которые во всем подобны тем и силою и благочестием. А буде станете предлагать о Святых Местах и они вас не послушают, а вы тогда умолчите и мир с ними учините, то лучше ничего не предлагайте, потому что они станут разу мети, что нет у вас о Иерусалиме попечения, и тогда во веки Святыми Местами завладеют [С. 282] французы и мы впредь не возможем никакое челобитье на французов подавати. Токмо буде хотите предложить о Иерусалиме и буде они не послушают, и вы миру не чините, но еще и войну начните, а буде вы о том предложите и они вас не послушают, и вы умолчите, лучше ныне ваше молчание... Александр Великий не для ради Бога, но для ради однородных своих на персов великую войну сочинил, а вы для ради Святых Мест и единого Православия, для чего не бдите и не труждаетесь и не отгоняете злых соседей, которые со временем будут вам великие враги?.. Досаждая вам, отдали Иерусалим французам и вас ни во что не ставят. Смотрите, как смеются вам: ко всем государям послали грамоты, что учинился новый салтан, а к вам не пишут ничего; раззорили Украйну и учинили с вами мир и ни в чем постоянства не показали; они думают, как умножатся в Подолии, поднять на вас поляков и татар и воевать вас день и ночь. Татарове горсть людей, а похваляются, что имеют у вас дань; сего ради, как татарове подданные туркам, так и вы потому ж подданные им. Многожды вы хвалилися, что хотим сделать то да другое, а всегда являлись только слова, а дело не являлось ничего. Ныне время, когда все христианские государи восстали... бдите, труждайтесь, радейте... А вы молчите и не делаете ни Богу, ни человеком годное, а как станете делати, и мир царству вашему причините и во всем мире славу и честь получите, а народу православному великую помощь окажете и наконец в Царствии Небесном будете равноапостольный»¹²⁴.

[С. 283] Эта грамота очень характерна как для самого Досифея, так и для его отношений к московскому правительству. В ней Досифей очень решительно вмешивается в международные отношения московского правительства и смело не только советует, но и прямо настаивает, при каких условиях русское правительство должно заключить мир с турками и при каких начать войну. Как Иерусалимский патриарх, и притом грек, он смотрит на мировые события и думает определять самый их ход с точки зрения тех маленьких событий, тех вечных ссор греков с папистами, какие происходили тогда в Иерусалиме. Там греков осилили тогда латиняне; значит, русские, по убеждению Досифея, обязательно должны, несмотря ни на что, двинуть свои войска против турок с единственной целью – снова доставить грекам первенство в Иерусалиме. Иначе, думал Досифей, и быть не может: ведь известные ему благочестивые греческие цари Феодосий, Юстиниан, Ираклий и другие «великие войны вчиняли на персов для ради Православия», почему же так не поступать и благочестивым царям московским, единым теперь православным царям в целом мире? То обстоятельство, что благочестивые греческие цари, воюя с персами, в действительности воевали не только «для ради

¹²⁴ 7200 г. № 1.

Православия», но и ради защиты и ограждения провинций своего собственного государства, которые разоряли персы своими вторжениями, и что подобного условия для русских государей, если бы они вздумали воевать из-за иерусалимских греков, вовсе не существует, — это обстоятельство совершенно было опущено из внимания пылким и увлекающимся Досифеем, когда он советовал государям начать с турками войну, «и не малую», чтобы заставить [С. 284] турок возвратить грекам отнятые у них латинянами святые места и первенство в Иерусалиме. Самый тон грамоты Досифея тоже очень характерен: в нем слышится сомнение грека, вообразившего, что он лучше и тоньше может судить и понимать истинное положение дел, нежели малообразованное и варварское, на взгляд истого грека, московское правительство, не умеющее внушить к себе даже у турок уважения и почтения. Досифей как бы стыдит его за слабость, недеятельность и малодушную уступчивость перед турками, за то, что оно на словах похвально сделать то-то и то-то, а на деле ничего не делает...

Досифей прислал в Москву и еще две грамоты относительно святых мест: одну, писанную 2 сентября 1691 года, и другую от 28 июня 1692 года. В первой из них Досифей доводит до сведения царей, что многие из здешних вельмож удивляются и говорят: «Как терпит о Иерусалиме Москва и ни в чем не подвигнется ни молением, ниже силою?.. Святое державное ваше царствие, будучи и страшно, и грозно, и крепко, для чего терпите такое бесчестие в Православной Церкви, наипаче когда здешняя страна трепещет и боится единого вашего честного имени? Мы исполнили нам должное, а Богом венчанные, и преславные, и святые ваши главы, имея о том известие, сотворите полезное, как все могущие с Богом совершить». Во второй грамоте Досифей извещает, что он получил ответную царскую грамоту, посланную к нему с Марком Константиновым, и заявляет, что он «и прочих великих престолов великие Кафолические Церкви председатели» убеждены, что о святых местах «всеконечно радети будет святая ваша держава, имея приклад приснопамятных самодержцев православных, [С. 285] которые и словами, и делами, и великими многолетними войнами потщались, во еже держатися Святым Местам у православных, которых ни в чем не менее вы, но наипаче превосходит святое ваше царствие, понеже боятся вас и трепещут изычные и, на себя вашего нашествия бояся, шатаются»¹²⁵.

В марте 1691 года писал Досифей особую грамоту и новому Московскому патриарху Адриану. В ней он, поздравляя Адриана со вступлением на Московский патриарший престол, делает ему наставления, как он должен надлежащим образом выполнять свои архипастырские обязанности. «Молим Господа Бога, — пишет он Адриану, — да даст тебе просвещение и силу: едино убо — да испытуеши Святая Писания и святые отцы ко знанию совершенному евангельского учения; силу же, да поживеши по житию апостолов в образе священнолепном, во одежде смиренней, свящи худой, в попечении не сродников и друзей, но всего христоименитого люда, бдя и труждаяся о всяком благочинии церковнем, не определяя патриаршеского достоинства и патриаршеского промышления внутрь твоего великаго града, но простирая тое в митрополии же, в епископиях, в монастырех, во градах же и весех». Указывая затем ряд примеров, как греческие императоры, побуждаемые патриархами, заботились и обратили к христианству многие народы, как они, побуждаемые патриархами, освобождали нападствуемых от нечестивых православных христиан, говорит: «Сице подобает и вам творити, сиречь, пещися о пастве, о дальнем и ближнем, прирадети же образы всякими, да окружнии языцы по возможному приложатся во благочестие. Папезницы, аще и вельми грешат во благочестии, [С. 286] но, видим, монаси их во всем мире обходят и превращают целые народы в папезство. Толико же подобает братии нашей — тамошним (т. е. русским) монахом, имеющим ослабу и правление, пещися таковым же образом о спасении многих». Указывая потом на то обстоятельство, что православные всего более страдают в Польше от папезни-

¹²⁵ 7201 г. № 1 и 13.

ков, Досифей сурово замечает по адресу московских патриархов: «И вящшая страдают братия наша, иже суть в Польше, и вы храните, яко же Иона в корабли: и где есть, еже возлюбши ближняго своего, яко тя самаго?» Сказав затем, что стремление синаитов подчинить свой монастырь Москве несправедливо и незаконно, Досифей обращает внимание Адриана на некоторые беспорядки, существовавшие в Киевской митрополии. «У вас архиереи и архимандриты, – пишет он, – носят митры, яко же и оный Гедеон Киевский содела златые короны, хотя и той в Киеве величатися, яко же патриарх, и сие неправедно есть... К казаком приходят отселе неции архиереи и хиротонисуют на единой хиротонии многие диаконы и иереи – и чесо ради не возбраните таковаго нелепаго дела, чесо ради не повелеваете митрополиту Киевскому не попуцати быти таковым беззаконием?» В заключение Досифей пишет о пресуществлении в Таинстве Евхаристии, «ему же противоборствуют наипаче еретицы», и доказывает, что Православная Церковь приняла и принимает именно пресуществление, а не пременение или преложение, хотя в то время в Русской Церкви вопрос шел не о самом пресуществлении, о чем у нас никто не спорил, а только о времени пресуществления¹²⁶.

[С. 287] Посылкой одних грамот в Москву Досифей не ограничился. Он решил отправить в Москву свое доверенное лицо, которое бы лично и обстоятельно разъяснило в Москве положение дел о святых местах, побудило бы русское правительство на более скорый и энергичный образ действий перед турками. Таким доверенным лицом Досифея, отправившимся в Москву, был его родной племянник, архимандрит Хрисанф, сделавшийся потом преемником своего дяди на патриаршей Иерусалимской кафедре.

13 ноября 1692 года в Москву прибыл племянник и посланец Досифея архимандрит Хрисанф, с которым Досифей прислал грамоту государям. В ней он писал, что с тех пор как приходил в Москву блаженнейший патриарх Иерусалимский кир Паисий, уже лет сорок тому назад, только два архимандрита Святого Гроба были присылаемы в Москву, хотя и случались великие мятежи от еретиков и многие обновления церковей Святого Града и хотя великие от того происходили расходы, однако никогда не посылали просить о помощи. Ныне же не мог патриарх умолчать долее, хотя бы и произошло от того какое бедствие, и, по нужде, рассудил послать кого-либо к их царскому величеству. Первое потому, что пришли они в такую крайность, что если не учинится помощи от их святого царствия Святому Граду, то дойдет до последнего разорения, ибо все места, откуда притекала к нему помощь, разорились и он лишился всякой помощи. Второе – так как случилась от еретиков напасть и взяты у православного народа святые поклоняемые места, то нет иной надежды на исправление сих дел, как от царской державы, ибо цари, после Бога, суть главы и отмстители всех православных. [С. 287] Третье – есть и иные нужные дела, касающиеся пользы всей кафолической веры, и Церкви, и благосостояния святейших патриарших престолов, и, просто сказать, греческих народов. Посему посылал патриарх племянника своего Хрисанфа, чтобы он донес царскому величеству обо всех делах, которые для памяти ему записаны собственно патриаршей рукою, но вкратце, а не пространно, ради многих случаев; он же, как верный своему владыке и Богу, изъяснит и объявит все, что ему приказано, по всякой статье. Ввиду этого патриарх просил, чтобы государи приняли Хрисанфа как бы посланного от Бога и Христа, и спросили бы его пространно, и даровали бы ему свое блаженное слушание, восприяв ревность, какая подобает их державе, о состоянии Христовой Церкви и всей полноты христианства.

Досифей прислал грамоту и царице Наталье Кирилловне, умоляя ее оказать всякое содействие посланному им архимандриту Хрисанфу. «Молимся прилежно, – пишет он, – преклоняя умственные колена наша пред вашим царским величеством, дабы приняли и выслушали его и приложили радение, чтобы все, что донесет посланный, совершилось бы

¹²⁶ Рукописный сборник Санкт-Петербургской Синодальной библиотеки № 473, лл. 146–153.

добрым исполнением. Все православные христиане имеют обязанность подавать помощь матери всех церквей святому Иерусалиму – наипаче же православные и великие цари и самодержцы».

Писал Досифей особую грамоту и патриарху Адриану, в которой просит его принять архимандрита Хрисанфа «яко моего человека и сущаго у нас святейшаго и апостольскаго престола лице носягцаго, яко честна и мудра» и затем переходит к обсуждению положения церковных дел в Киевской митрополии. «Россы на Украине, – пишет Досифей, – агце и хранят Православие [С. 289] неколебленно, обаче многие обычаи православных растлиша, от них же суть нецьи и донине держаще сия, в них же и еже хиротонисати архиерею многи диаконы и иереи в единой и той же литургии. Еще же и нецьи архиерее, бегающе отселе на Украину, от них же больший суть извержени за их злобы, творят таяжде во месте, тамо приходяще, еже яко есть дело неподобно и весьма пребезаконно – вопиют и законы, и уставы, и каноны, и самое Кафолические Христовы Церкви предание. Сущая же при вас Святая и Кафолическая Церковь, не веемы, за что терпит бывати таковым... Надобно убо твоему блаженству пещися, еже бы им исправитися во беззаконной хиротонии и во иных неких тамо беззаконно бывающих». Далее Досифей указывает и те способы, с помощью которых, по его мнению, можно исправить недостатки, вкравшиеся в церковную жизнь Киевской митрополии. Он рекомендует именно увеличение числа архиерейских кафедр и выражает желание, чтобы епископы и архимандриты избирались из москвичей, как чуждые «новосеений, яже имеют нецьи козаки». «И аще есть мысль неких архиереев, – продолжает Досифей, – яко аще поставятся и инии епископы, умалятся нынешних епископов приходы, глаголем: яко да сохраняются пределы, узаконения и предания Святой Церкви Восточный, имеем нужду, зане преступление аще и мало, но имеет велико мучение – и еже имети архиереем великие приходы, не нужно есть. Второе, яко архиерее святых апостолов суть преемницы, яко же апостоли ничесого имеша, и архиереи да имеют мало. Третье, за церковь пролил есть Сын Божий Кровь Свою, и не есть праведно архиереем лишеимства ради умаляти или стужати Церкви Божии, ея же ради Христос умре. [С. 290] Четвертое, не есть праведно взирати онсицы на прибыток, но на пользу и прибыток общий. Пятое, Собор коеяждо Кафолическия Церкви не зрит, что глаголет онсица и что хочет онсица и что годно онсице, но что пользует Церковь и что годно Богу. Аще же кто любопрится, глаголем тому с Павлом, мы сицеваго обычая не имама, ниже Церковь Божия. И аще кто или нецьи противоглаголют или преслушают Церковь, убо имеет тые яко язычники и мытари, власть же наказу ет, не бо суетно меч носит, но да добрые снабдевает, тако противоглаголющая извергает и низлагает».

Архимандрит Хрисанф подал от себя нашему правительству докладную записку, в которой, согласно с данной ему Досифеем письменной инструкцией, старался выяснить все обстоятельства, благодаря которым и при которых совершилось отнятие святых мест у греков латинянами. Именно он заявлял:

1) Французы подарили нынешнему хану (крымскому) 10000 червонных и дорогого сукна 2000 аршин, рейс-ефендию – 26 000 ефимков, кегаю, или дворецкому визиря, – 15 000 ефимков и ближнему его человеку — 10 000, а самому визирю и иным великим людям, хотя и неведомо сколько, однако гораздо больше вышереченного.

2) Турки отдали французам первенство в кувуклии Святого Гроба Господня, и посему паписты служат там мессу свою, и нам никоим образом после них на том месте литургисать нельзя. Кроме первенства при Святом Гробе турки отдали латинянам половину Святой Голгофы, также Святое Место Снятия со креста и еще Святую Пещеру и, кроме того, всю церковь Святого Вифлеема.

3) Как совершилось самое отобрание святых мест у греков и какие они беды при этом потерпели от латинян, [С. 291] подробно описано в донесении патриаршего в Иерусалиме наместника, которое Хрисанф и представил.

4) Турки потому отдали святые места католикам, что французский король обещал им свою помощь против немцев.

5) Хотя католические государи и в отдельности и вместе не раз домогались и прежде отнять святые места у православных, но турки не допускали этого. Теперь же они уступили настояниям французского короля и потому, что чаяли и чают, что те святые места держат святые самодержцы; сего ради когда просили святые места разные короли, то никогда не учинили по их воле, как потому, что это было против закона их веры, так и потому, что боялись великих государей. А ныне, как пришли в нужду, и притом войска самодержцев пришли в Крым, нашли годную причину французы и говорили: видите, что и москали ваши неприятели, а мы вам помощники. И так как они (французы) имели к тому же помощниками себе близких людей визиря и самого хана, то и склонились турки учинить по воле французской. Если бы войска православные вовсе не приходили под Крым или бы пришедши одержали победу, не были бы отданы святые места, потому что боялись сего дела нечестивые, а как увидели, что два раза возвратились, не совершив ничего, тогда ни во что их вменили и потому отдали.

6) Учинили это турки и по ненависти к православным, которых всячески желают искоренить, подозревая их в симпатиях к Москве. После нашествия православных войск на Крым турки наложили тяжкую дань на монастыри и на старцев.

Изложив причины и обстоятельства, при которых произошло отнятие святых мест у греков, Хрисанф в следующей статье (весь доклад Хрисанфа, сообразно [С. 292] данной ему Досифеем инструкции, был разделен на четырнадцать статей) излагает бедственное современное положение Святых Мест и необходимость для них царской помощи.

7) Святой Гроб имеет ежегодно расходов более 25 000 рублей и, кроме того, расходы временные: паши иерусалимские и визирь берут сколько хотят, особенно в последние смутные времена ввиду ссор с католиками. Однако Святой Гроб всегда мог справиться с теми расходами милостыней тамошних греков, а наипаче – Волошского и Мултянского государства, потому что имеем там многие монастыри, богатые вотчинами, а наипаче милостыней государей молдовлахийских, из которых один, Василий-воевода, послал вдруг в Иерусалим 42 000 червонных при патриархе Паисии, когда тот имел споры из-за святых мест с армянами. Да и при нынешнем патриархе некто торговый грек Монолаки дал 25 000 рублей и обновил церковь вифлеемскую и, кроме того, многие святые ризы тому месту сделал. Так и покойный Щербан, воевода мултянский, и Дука, воевода волошский, прислали в Иерусалим более 15 000 ефимков. И нынешний господарь мултянский, и некоторые греки, сербы и болгары давали большую милостыню, кроме того, что сам блаженнейший патриарх ходил меж ними. А ныне мы всего того лишены от войны турецкой, немецкой, польской и татарской. Сего ради молит блаженнейший патриарх, дабы явлена была ему некая царская милость, достойная их величеств, которая бы могла пособить Святому Гробу. Во-первых, для того, что когда прежде сего было откуда получать милостыню, то и не просили ее от здешнего места; а другая причина, что малою милостынею ничего не пособляется, а притом то дело учинить есть и обязанность ваша [С. 293] христианская, как апостол Павел к римлянам пишет (см. Рим. 15,24). Старцев папистов, которые живут в Иерусалиме, не более человек двадцати, а ежегодно приходит им милостыня от короля испанского по 6000 рублей на кормление, которые им сам присылает, кроме иных. А нечестивые турки для гроба ложного их пророка расходуют ежегодно более 500 000 рублей, и хотя дело сие кажется невероятным, однако весь свет о том ведает. При сем молит святейший патриарх, чтобы святые цари приказали сделать четыре лампы серебряных, дабы одна была над Святым Гробом, другая – над снятием со Креста, третья – над Святою Голгофою и четвертая – над Святою Пещерою, и просит о том наипаче для того, чтобы слышано было во всем мире и во всех королевствах, что есть попечение православных царей о Святом Гробе Господнем. Притом и господарь Тифлиса, дядя

здешних царевичей грузинских, и тот более 40 000 ефимков подал милостыни в Иерусалим, кроме множества риз святых, которые при сем патриархе устроил.

В следующей статье (8-я) Хрисанф говорит о тех способах, которые следует употребить государям для возвращения святых мест. Если государи думают продолжать войну с турками, то статью о святых местах между иными статьями следует предложить после победы, когда турки несомненно уступят требованиям царей. Если решено окончить войну, то следует просить у турок святых мест под угрозой возобновления войны, если бы они отказались возратить их, хотя бы все другие статьи мирного договора и приняли, причем следует поспешить с этим делом, чтобы предупредить цесаря, который тоже будет просить [С. 294] святых мест при заключении мира с турками. Угроза войны несомненно подействует на турок, и они уступят: «Первое от того, что святое величество просит о деле древнем и праведном, а не новом, ниже не праведном; второе, ибо и сами знают, что напрасно отняли у нас Святые Места; третье, сами говорят, как не явился никто из Москвы о том деле ходатайствовать; четвертое же, если мир заключится с цесарем, французы уже не будут иметь приступа к туркам о том же; а пятое, наипаче и то, что Бог нам помощник». В заключение статьи Хрисанф заявляет, что вопрос о возвращении святых мест есть главный и существенный, ради которого он, собственно, и прибыл в Москву и что по этому вопросу он ждет немедленного царского ответа, чтобы сообщить его патриарху, другие же статьи менее важны, хотя тоже нужны.

В 9-й статье Хрисанф заявляет, что «Молдавское и Волошское господарства всегда были полезны и оказывали великую помощь патриархам, архиереям и монастырям, а ныне сами крайне бедствуют, почему просит Константин, мултянский господарь, чтобы святое величество промысл учинить изволили над городками турецкими, на Днепре стоящими, и их взять, дабы и белгородскую орду разорить; тогда те два господарства поддадутся царскому величеству без всякого замедления и в этой надежде будет выжидать время господарь Мултянский, который платит две дани: одну туркам явно, другую немцам тайно, чтобы не разорили его государства. За два года перед тем, будучи принуждаем немцами к их подданству, господарь бежал из своей столицы и немцы пришли в его господарство. Но он, призвав татар, выбил [С. 295] немцев вон и потом, чрез тайные места мултянские, провел татар и турок в седмиградскую землю, где они одержали ту победу, которою турки опять ожили. Дело сие двух ради причин учинил господарь: первая, чтобы папешское дело не распространялось, другая же та, что постоянно надеется, да будет господарство его во владении у православных, а не у еретиков; если же захотел бы с немцами согласиться, то уже по сие время немцы завладели бы всеми теми странами даже до Дуная. При сем и то приказал господарь: если войско пойдет на белгородскую орду, то больше пятидесяти тысяч казаков не надобно и в один месяц могут всю орду разорить; когда же та орда разорится и городки, что на Днепре, взяты будут, тотчас и он восстанет против поганых и с ним премножество христиан совокупится, для сего дал господарь и чертеж белгородской орды, который я (Хрисанф) объявил в Посольском приказе». Далее Хрисанф заявляет: «Мне приказывали святейший патриарх и господарь, дабы и то я объявил, что турки и все короли папешские и сам цесарь суть великие враги царскому величеству: турки, ибо ведают, что сие православное царство весьма пространно и есть у них пророчества, что от сего царства будет взят Царьград, и имеют они здесь множество подданных могометанской веры; итак, если могут в чем вредить Москве, то великая им мзда от Бога. Паписты враждуют как еретики и к тому завистливые, а поляки, хотя притворяются, что друзья будто они государству Московскому, однако радеют, как бы учинить мир с турками, и между иными статьями одна им необходима, в чем они единомысленны и с цесарем: дабы когда Москва начнет [С. 296] воевать поляков или поляки Москву, тогда бы полякам дать от себя помощь туркам и татарам. Сего ради подобает царскому величеству радеть о том, чтобы татар смирить в нынешнее время, или промышлять так, что буде

цесарь и поляки учинят мир с турками, то бы царскому величеству предупредить этот мир, дабы не посмеялись еретики, но сами осмеяны были; о чем просит государь Мултянский совершенного ответа от меня, чтобы и он знал, как себя у править и как дерзать, или явно склониться к одной стороне и вручить себя на волю Божию».

В 10-й статье Хрисанф пишет: «Святейшие патриархи и все Церкви Восточные православные молят, чтобы в такие времена устремилось православное царство к отмщению врагов Христовых, поелику ныне время учинить то, что хочет, ибо если не учинится мир между турками и папистами, то поганцы, будучи в таком состоянии, истребятся, а поднимется папешская вера».

В 11-й статье говорится: «Просит блаженнейший, чтобы царское величество приказали типографию еллинскую устроить, дабы в ней несколько книг на латинов напечатать, которые привез я в Москву. А книги суть древних разных мудрецов, и с великою трудностью собрал их блаженнейший. Хотя есть у него новая типография в Мултянской земле, однако не имеет силы все напечатать, а паписты не только не печатают их, но если где сыщут – жгут. А потом можно бы те книги и на русский язык перевести, отчего будет польза православным, а еретикам посрамление, а царскому величеству всемирная слава».

[С. 297] В статьях 12-й и 13-й говорится о некоторых недостатках церковной жизни в Киевской митрополии, о чем Досифей уже подробно писал в грамоте патриарху Адриану. Здесь же находится и такая просьба: «Молят вообще все патриархи и Собор: буде случится заключить мир с турками, то предложить бы между статьями и сию, дабы Константинопольский патриарх не сменяем был с престола своего, как и прочие патриархи, даже до смерти своей, и тогда лишь поставлять иного, когда умрет, или сам волею своею патриаршество оставить, или когда вообще все патриархи или Собор его низвергнут, и так как иные патриархи не переменяются, то чтобы и он не сменялся, разве только по сим вышеписанным статьям. Сверх сего дела надобно предложить и о том, чтобы ни монастыри, ни старцы дани не платили, как и прежде сие было. Такие предложения не трудны, потому что царское величество одним словом может дело сие совершить, и к тому же запросы сии совершенно правильны, ибо Церковь Константинопольская всегда помощью своею содействовала Церкви великия Москвы словом и делом и честью, и никогда никакой помощи не просила и ныне только по нужде просит, и то на словах. Персияне посылали прошлаго года к салтану посла и между иными прошениями предложили и некоторые новыя статьи о своих армянах; турки приняли их и все исполнили, а святым царям для чего не заступиться за православных?» В последней, 14-й статье заключалась просьба, чтобы все, о чем ходатайствует патриарх, осталось в тайне, никому не известным, в противном случае, если про ходатайства патриарха кто-либо из имеющихся [С. 298] многих врагов проведает, им грозит конечное разорение.

5 марта 1693 года великие государи приказали объявить свой указ архимандриту Хрисанфу и сказать ему, призвав в Посольский приказ, что обо всем они известились из его донесений и из писем святейшего патриарха, и слыша об отлучении святых мест иерусалимских от восточного благочестия и о тамошнем разорении христианства, не мало о том поскорбели и имеют о том свое государское попечение и Господа Бога молят, дабы избавил от таких бед и печалей святейшаго патриарха, и освободил тамошних благочестивых христиан, и те святые места опять ему, патриарху, и христианам вручил. А когда у их царских величеств дойдет с турецким султаном и с крымским ханом до мирных договоров, тогда великие государи, при помощи Божией, о всех тех в Иерусалиме святых местах говорить и в запросах писать повелят, чтобы по-прежнему отданы были святейшему патриарху и грекам. Архимандриту государи внушали написать патриарху о попечении их великих государей о святых местах и чтобы он, патриарх, со своей стороны всеми способами домогался у тамошних властей, сколь возможно будет, о возвращении ему всех святых мест иерусалимских, как и прежде о них промышляли и о иных делах тамошние христиане греческие, и

свое бы он радение приложил при помощи Божией, сколько воля Божия в том ему поможет. Жалованье свое посылали к святейшему патриарху соболями на 1000 рублей и, по его желанию, приказали устроить в Иерусалим ко Гробу Господню лампаду золотую в 250 червонных и три лампы серебряных, в том числе одну во Святую Пещеру, другую ко Снятию со Креста [С. 299] Святого Тела Спасителя нашего Иисуса Христа, третью на Святую Голгофу, весом в десять фунтов каждая. Мулянского воеводу Иоанна Константина за его радение о делах, предложения и предостережения великие государи жалуют и милостиво похваляют; служба его и то предложение у них в забвении не будет, и чтобы он, архимандрит, царскую сию милость воеводе объявил, когда к нему возвратится из Москвы, и чтобы впредь великих государей извещал о всех делах, какие в тамошних странах будут происходить. Касательно просьбы святейшего патриарха об устройении еллинской типографии в Москве и напечатании присланных им книг великие государи будут совещаться с отцом своим, богомольцем, святейшим кир Адрианом, патриархом Московским, и ему же указали рассмотреть о церковных делах на Украине и послать о том свои грамоты митрополиту Киевскому и архиепископу Черниговскому, чтобы в их епархиях церковное дело во всем исправлялось по правилам святых апостол и святых отец и по соборному уложению. Касательно того, что просят святейшие Вселенские патриархи о неизменном пребывании Константинопольского на его престоле и чтобы убогие монастыри и старцы греческие не платили дани, великие государи, когда послы их царского величества для мирного договора к турецкому султану посланы будут, то повелят им домогаться о Константинопольском патриаршем престоле, чтобы в такой же был свободе, как и прочие, и чтобы не брали дани с монастырей.

Этот ответ государей вместе с царскою милостыней Хрисанф в мае того же 1693 года послал к Досифею со своим старцем Афанасием, который по происхождению был малоросс, ранее взят был [С. 300] в плен турками, а потом выкуплен из плена одним иерусалимским старцем и пострижен в монахи в Иерусалиме.

Архимандрит Хрисанф пробыл в Москве более года и за все это время не переставал получать письма от Досифея, который сильно был заинтересован успехом посольства в Москву своего племянника.

Патриарх Досифей задумал собрать и напечатать все вообще сочинения греческих православных церковных писателей, по преимуществу полемического характера, чтобы, с одной стороны, противопоставить трудам западных ученых труды ученых православных; с другой – чтобы дать в руки православных сильное и надежное орудие в их борьбе с латинянами и протестантами. С этой целью Досифей открыл греческую типографию в Яссах, в которой и начал печатать сочинения греческих православных авторов. Но средства яесской типографии были слишком недостаточны, чтобы осуществить грандиозное предприятие Досифея: напечатать по возможности сочинения всех греческих православных писателей. Тогда Досифей пришел к мысли хлопотать перед русским правительством, чтобы оно открыло греческую типографию в Москве, благодаря чему греческие книги стали бы печататься уже в двух типографиях одновременно – в Москве и в Яссах. В этих видах Досифей, как мы видели, поручил архимандриту Хрисанфу сделать от его имени представление русскому правительству о необходимости открыть в Москве греческую типографию и вместе с тем послал с Хрисанфом и те греческие рукописи, какие он намеревался печатать в Москве в первое время. Досифей сильно интересовался успехом этого дела. В письме к Хрисанфу [С. 301] Досифей пишет: «О книгах, чтоб печатати, зело радей, понеже есть дело апостольское, и не только спасительное, но и славу великую вере нашей причиняет, зане западные схизматики и еретики говорят, что после Фотия-патриарха никто не был мудрый человек у греков, а буде напечатаны будут толикие книги, тогда увидят множество премудрых и святых мужей, того ради радей ты и труждайся». В другом письме к Хрисанфу Досифей пишет: «Отпиши к нам ведомость скоро, чтобы прислать к тебе и прочие печатные и непечатные (книги), чтоб

собралось то число книг. Сие дело превосходит и семь прехвальных див, и сия библиотека превосходит зело честью Птолемеова». Еще в письме к Хрисанфу Досифей пишет: «Потщися крепко о печатании книг, и буде напечатаетца, надписание такое над ними надпиши: Вивлиотека списавших православных на обновления латинов, книга 1-2-я и прочая... Здесь принесли печать и печатаем на латинов книгу ту, о которой ведаешь, потом господарь хочет печатать книгу Иоанна Дохтора». В мае 1693 года Досифей пишет Хрисанфу: «Про книги, которые послали в Россию печатати, радей накрепко, чтобы они приказаны были печатать, и буде не могут они выбрать из них, чтоб их прислать сюда, и мы здесь из них выберем, что надобно, и напишем. А буде тех книг к нам послать невозможно, и мы пришлем сюда к вам такого человека, который возможет из тех книг выбрать и написать, что к печатанию годно, и исправить их совершенно».

Согласно с инструкцией и письмами Досифея Хрисанф «радел» в Москве о напечатании привезенных им греческих рукописей, список которых он представил [С. 302] в Посольский приказ. 27 марта 1693 года государи приказали отослать привезенные архимандритом Хрисанфом книги к патриарху Адриану с указом, «чтобы все те книги велел принять и освидетельствовать, нет ли в них какого пороку». 3 апреля состоялся новый царский указ, в котором говорилось, что Иерусалимский патриарх Досифей через своего архимандрита Хрисанфа просил государей «на Москве устроить типографию еллино-греческую и несколько книг на противников Церкви Божией латинов напечатать, а те-де латинские паписты тех книг не токмо печатают, но где сыщут для искоренения все жгут; а по напечатании возможно те книги и на словенский язык перевести, от чего будет всем православным христианам многая и великая польза, а им, великим государем, от Господа Бога мзда, а от народов всемирная слава», – ввиду чего государи указали привезенные Хрисанфом восемнадцать книг и росписи их отдать в патриарший Казенный приказ, и, «приняв те книги, освидетельствовать и, советовав с ними, великими государями, великому господину святейшему кир Адриану, архиепископу Московскому и всеа России и всех северных стран патриарху, велеть те книги напечатать, сколько их будет надобно и пристойно, на греческом языке на печатном дворе, выправя по достоинству, как подобает таким книгам в печатном тиснении быти, и для той выправки тех книг и подлиннаго об них объявления указали великие государи быть у того дела тому присланному Иерусалимского патриарха архимандриту Хрисанфу, да с ним учителем еллино-греческаго языка иеромонахом Иоанникию и Софронию Лихудием. Да и на словенский язык те книги, как будут напечатаны на Москве с греческаго [С. 303] письма, указали великие государи перевести на печатном же дворе по рассмотрению ево ж, великаго господина кир Адриана, Московскаго и всеа России и всех северных стран патриарха, кому доведетца и кому пристойно».

Получив от Хрисанфа известие, что московское правительство готово напечатать присланные им книги, Досифей от 10 августа 1693 года посылает Московскому патриарху Адриану благодарственную грамоту, в которой пишет: «Благодарствуем, яко благоволил еси почтити патриаршеский божественный сан, понеже попекся еси о всех церквах Божиих и подвиг совершил еси яко добрый пастырь, еже напечататися книгам, церквам Божиим нужнейшим, яже отцы наша святии списаша ко отвержению утверждений и во всю высоту возносимых на разум Божий, зане чрез тые книги состоится благочестие, и свидетельствуют древнюю и отеческую и апостольскую мысль православный святых веры наша, и отвергается безбожный папешства догмат; сия православнии, яко оружия употребляюще, заключают уста глаголющих хульная, и, наконец рещи, благочестие держится и нечестие отвергается яже во мале не погибоша, яко иногда погибоша драхма. И вы, богопочтеннии, полагаете тые в свет, почитающе Христа и общую мать и питательницу Святую Христову Церковь. Сия ваша честь, сия ваша слава, сие царства высота, врагов низложение и, наконец, жребий

освященный, яко да сподобится стояния в горнем Иерусалиме сущаго апостолов и пророков...»

От 22 октября 1693 года прислал Досифей благодарственную грамоту и государям. «Прославляется глава церковная, – пишет он, – Христос Бог наш, [С. 304] державнейшие и святые владыки наши, что сохраняемое в длани Его сердце ваше источило слово благое, повелев напечатать книги благочестивых писателей на нечестивых папистов, дабы церковных догматов богословие сохранилось вовеки истинно и непоколебимо. Ибо как священныя главы ваши венчаны златом и блестящими камнями, так и умы ваши украшаются евангельским и отеческим учением; ибо вы явили себя учениками и сопричастниками тех, коих вещание протекло во всю землю, и вождями всего народа христианского ко благочестию, изъяснив слова истины, некоторым образом утаенные; ибо вы раскрыли благочестие и живописали Православие, и как светила, сияющие всем верным, воссияли и Церквам, обуреваемым ложною мудростью и прелестями папешскими; руку помощи подали и истинные догматы в напечатанных книгах истинного богословия утвердили. Слово сие, когда мы пришли сюда (грамота писана из Адрианополя, куда Досифей прибыл из Молдавии), дошло до слуха святейшаго Вселенскаго Цареградскаго патриарха и блаженнейшаго папы и патриарха Александрийскаго и всего великаго и святаго Собора Константинопольскаго, и все здесь обретающиеся учителя, архимандриты и игумены и весь клир и весь народ православный похваляют и ублажают вас, божественнейшие самодержцы, и говорят все они и мы вместе с ними, чрез сие смиренное наше донесение, с дерзновением и единогласно: что благоволением Божиим чрез благовенчанных благочестивых царей наших Иоанна и Петра, поборников Православия и отмстителей благочестия, все сие совершилось. Исполняются радости уста наша и язык наш радования, что чрез посредство пространнаго оглашения печатной хартии языки православных [С. 305] возглаголют оправдания Божию. Что может быть лучше, как соблюсти древнюю красоту церковных дел, и что более исполнено радостью? Поелику губительные паписты вняли оклеветанию вавилонских жрецов, которых обличает и пророчество: изыде беззаконие от иереев вавилонских, ибо вместо христианскаго действия поддерживают начало папешское, римское, и чрез то делаются изобретателями злочестивых догматов и, имея уста свои исполненными клятвы и горести, славу себе снискали побеждать только в злых делах, имея язык хульный и перо, им служащее, и печати многие, чтобы печатать свои беззаконные писания, противящиеся истинным глаголам Божиим, чем возмутили многие православные Церкви и погубили их, посеяв куколь вместо пшеницы на церковных нивах и вино смешав с водою; они помыслили ближняго своего напоить мутным питием; как настоящие аравийские волки, медведи и леопарды кожу овчюю носить притворились и истину в ложь притворили, по слову пророческому: яйца аспидов растерзали и паутинную ткань соткали, и кто будет яйца их сокрушать и есть, змея в них обретет – василиска, наполненная ядом и смертоносным дыханием, поелику так все беззаконные паписты извратили и едва ложь не победила истины. Сего ради и не потерпели вы, благочестивейшие, и кротчайшие, и храбрейшие наши государи, чтобы в ваше время такая губительная прелесть пребывала во дворе Господнем, но вы благоволили истребить ее, чтобы благосостояние церковное пребывало непоколебимо. Вы указали великое сие дело: напечатать богословские священныя книги, дабы сотканное беззаконными из терновых нитей гнойное лжеучение [С. 306] разорвать и истребить, хитон же Православия распространить»¹²⁷.

Так радовался Досифей, так горячо благодарил он царей и патриарха Адриана за решение напечатать в Москве присланные им греческие книги, придавая этому делу общеправославное значение, видя в нем залог крепости и даже будущей победы Православия над латинством.

¹²⁷ Греческие дела 7201 г. № 4 и 38; 7202 г. № 20; Греческие статейные списка № 12, лл. 1028–1030, 1070.

Но на деле печатание греческих книг в Москве не состоялось и, между прочим, по вине самого Досифея. Для ведения этого небывалого дотоле в Москве дела требовались сведущие люди, которые бы могли исправить привезенные Хрисанфом списки греческих книг, заключающие в себе разные ошибки. Правда, такие люди в Москве нашлись, это были известные учителя Славяно-греко-латинской академии греки братья Лихуды, присланные ранее в Москву для учительства самим Досифеем. Но Лихуды поссорились в Москве с Хрисанфом, который нажаловался на них своему дяде¹²⁸.

¹²⁸ По приезде в Москву Хрисанф остался недоволен тем положением, в какое его поставили в Москве как патриаршего посланного, по какому поводу он и обратился к патриарху Адриану с особою челобитною. В ней он прежде всего молил патриарха: «Перво, да простиши мя за дерзость и второе, да благоволиши мя с тихостью послушати и нареку дело вкратце, не с намерением яко бы знати мне пред вашим святейшеством какие-либо обычаи церковные, но токмо объявите оправдание блаженнейшаго моего владыки и патриарха» (т. е. Досифея). Затем Хрисанф рассуждает, что мирской чин изменяется, «духовный же чин, яко дар Пресвятаго Духа, присно пребывает недвижим и не прменяется ниже от благополучия, ниже от злополучия; и понеже всякий чин имеет степени, ими же состоится, имеет и духовный чин разныя степени». Соответственно этим чинам святые отцы и древние «места и стояния» утвердили и между ними и такой обычай: «Егда кой патриарх пошлет к иному патриарху и патриаршескому престолу о каком-либо деле нужном и дает ему такой прономий, яко носити лице патриаршеское, аще случится при нем некий церковный Собор, сидит той, который носит лице патриаршеское, выше и митрополитов, и подписывает по чину своего патриарха, аще и иеромонах токмо будет. На прочих же повседневных собраниях не точно выше тех, котории тогожде чина, но и выше епископов, яко же частый обычай константинопольский являет». Выяснив эту мысль, Хрисанф говорит, что и его Досифей послал в Москву не просто «грамотоносца, но самое свое лицо, понеже явно пишет в грамоте вашему святейшеству сице: да приимеши его яко сушаго при нас святейшаго и апостольскаго престола лице носящаго». Ввиду этого Хрисанф заявляет, что он просит от патриарха Адриана не чего-нибудь особого, «точию предпочтения всех архимандритов святейшаго сего престола и сие вмений за удобешее, яко же и от святейшаго вашего повеления дадеся ми сицевый вход, последи же, не веем, чесо ради, иначе последова чин». Просит он этого ради того, что носит лице патриарха Иерусалимского, он не просит и не ищет чести для себя лично, а ради Святого Гроба и апостольскаго патриаршего престола, просит вещи не новые и не обычные, «но точно древния и от Церкви утвержденных и святых»; ищет он этого не по своей воле, но в силу следующего собственноручно данного ему Досифеем предписания: «Яко убо архимандрит престола, подобает тебе просити, да будеши сидети выше всех архимандрит места, еще же и выше епископов на трапезах и собраниях; аще кий собор будет местный, яко мое лицо, и выше епископов по древнему обычаю святых Христовы Кафолическия Церкви; аще же возмнят иначе, не входи в таковая собрания». «Сия приказания, – заявляет Хрисанф, – вся суть владыки моего святейшаго. Егда услышит владыка мой: угодно ли явится ему, яко повеление приях от вашего блаженства сидети под чудовским архимандритом, или под иным которым, яко же слово бе?» В заключение челобитной Хрисанф говорит: «К сему ино не глаголю, токмо яко повинуюся, повелению вашего святейшества, яко повелению божественному, и не токмо ниже архимандритов, но буду нижайший и малых твоих рабов, понеже толико имею быти под единым, елико и ниже всех, и к тому ничесо имам рещи, ниже ходатая имам представити к твоему блаженству». Впрочем, указываемое Хрисанфом недоразумение не помешало ему войти с патриархом Адрианом в близкие и даже дружеские отношения, когда он прожил в Батурина целый год, откуда и посылал Адриану разные письма. Так, письмом от 20 мая 1894 год из Батурина, где Хрисанф захворал, он сообщает патриарху Адриану, что Досифей прислал к нему грамоту, в которой «новых вестей не пишет», только извещает, что новый визирь «беснуется противу христиан; он же, окаянный, разрушил и церковь некую, стоящую близ патриаршаго двора цареградскаго, а создана была от древних царей, священников же тоя на каторгу посадил. Некто же из православных устремился на обличение его, и обличал явлено пред всеми нечестие его; визирь же повеле его жестоко мучити, дабы отречься Христа Спасителя нашего и веровал бы в Мохомета их. Добродетельный же Христов воин весьма не покорился им, наконец, мечом кончину прия и в море ввергоша его, дабы его тела христиане не взяли. Еще во граде Крите оклеветали врази некоего епископа туркам, что будто он к венецыйскому князю отписывал вести турския, и за того епископа без всякаго испытания нечестивии люто замучиша. И больше сего патриарх Иерусалимский ко мне не писал». 8 августа 1694 г. Хрисанф писал из Батурина Адриану: «Сицевое дерзновение (т. е. переписка с Адрианом) имать вину, зане приемляй от тебе последнее благословение, повелел еси дати мне весть вашему блаженству, егда уготоваюся изыти отселе, сиречь, из малороссийских городов», почему теперь извещает, что решается выехать в сентябре, ибо нашел многочисленных и надежных попутчиков-греков, и затем пишет: «Молю же и прошу о сих двух ваше святейшество: о едином – да имать всегда попечение ваше блаженство о деле Святого Гроба живоприемнаго вечныя ради мзды пренебесныя и всемирный славы; о втором же, яко да и во грядущее из вашего благоутробнаго залага мою смиренность не извержеши. Знаменования новых вестей несть, но токмо патриарх Дионисий Константинопольский прменяся и паки Каллиник-патриарх возведся. Святейший же мой владыка живет ныне в Цареграде... О печати книг ваше святейшество вею, яко печется, сего ради и не докучаю паки». Получив грамоту от патриарха Адриана, Хрисанф 20 августа 1894 года пишет: «Аз на мнозе недоумеаяся и размышляя: кто есмь аз и яковый ко мне пишай? Весь недоумении бых, содержим от нечаяннаго и не веровах очесем моим, яко бы неправо зрети им и глаголах: кто возвестит мне, яко прислася Священное Писание от вашего святейшества архипастырскаго... Новаго вашему святейшеству достойного не имам возвестити, но токмо молю паки, яко да будет моя смиренность под покровом вашего благоприятнаго архипастырскаго благоутробия». 24 октября 1694 года из Батурина Хрисанф извещал патриарха Адриана, что и вторую патриаршую к нему грамоту он получил, получил и дар – Евангелие для Гроба Господня, «дело достолепное и дар достодолжный», и затем пишет: «Благодарствие да будет святому Богу, яко прииде и печать, тако же и прочее совершенство прииде же ко

Тогда Досифей настоял [С. 307] перед московским правительством, чтобы Лихуды, как люди очень неблагонадежные, были удалены не только от книжного дела, но и от учительства в школе, вследствие чего все это так много обещавшее было дело – печатание в Москве древних греческих рукописей – заглохло потом само собою.

1 января 1694 года государи послали с возвращавшимся из Москвы Хрисанфом особую грамоту, в которой извещали его, что исполнят разные прошения патриарха, заявленные через его архимандрита, что они посылают милостыню и лампы к Святому Гробу и когда у них, великих государей, дойдет с турским [С. 308] салтаном до договоров, тогда о святых местах, чтобы они святейшему патриарху и грекам были опять отданы, своим послам о том говорить повелят.

Посольство Хрисанфа в Москву и взятое на себя нашим правительством обязательство исполнить предъявленные к нему Досифеем разные требования, и особенно обещание хлопотать перед турецким двором о возвращении грекам отнятых у них святых мест, побуждало Досифея, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, вытекавшие из враждебных отношений России к Турции, поддерживать с Москвой постоянные близкие сношения. Так, 20 июня 1698 года [С. 309] он пишет государю грамоту, в которой говорит прежде всего о том впечатлении, какое произвело на Востоке всюду разнесшееся известие о путешествии Московского государя за границу. «Вопреки всякого чаяния, – пишет Досифей, – услышали мы здесь о отшествии вашем в иностранное государство, а причины тому мы не

Архангельскому городу, яко же на знамена мне прирадивый раб ваш Николай Спафарий. И в сем Божиим деле вашего всесвятешества имя бессмертно имать быти и честь всемирная, мзда от самага Бога несравненная. Сего ради и лепо есть вашему всесвятешеству радостью одержиму быти, яко же Соломону о совершении храма его: Давид нача созидати храм, но услыша, яко иному дело то ведесе; нача и блаженной памяти святейший патриарх кир Иоаким учинити школу и печать, но Бог благоволи сим восприяти совершение благо и полезно при брате и преемнике того, при вашем, глаголю, всесвятешестве. И аще препятія видятя многи, обаче аще добрая и полезная дела были бы скороудобно, не достохвальны бы были. Радуйся прочее духом всесвятешая моя главо, яко обретесе храмина от Бога составити сицевое и полезное дело всему православному роду. Будем все совершенно печися, блаженнейший мой владыко, яко же благоволил еси, еже бы человека довольнаго во учении прислати, который мог бы и школу держати и книги исправляти, и будет вашему всесвятешеству раб и подножие ног ваших и прислан будет таким поведением, что в малом времени Божиею помощию совершенных учителей поставит из первых учеников, и потом паки возвратится восвою. И присланы с ним будут грамоты имянно к великим государям и к вашему святейшеству. Напоследок же о дву твое блаженство молю: перво, что если сии проклятии волцы (т. е. Лихуды) избавятся, еже не буди, в школу бы паки не входили, за то, что злый всегда зол и добра от него не будет. И о втором молю, чтобы школа не праздна была, но чтоб прежде реченныи ученицы учение давали (разумеет учеников академии Николая Семенова и Федора Поликарпова), сколько сами прияли и доволен есть раб ваш Николай таковое дело управляти, дай Боже и другим толико научитися, елико словесность его знает. И аще ваше святейшество о иных учителях сомневается, благоволи спросити Николая Спафария, яко ученаго человека и правдиваго, за что и блаженнейшему владыке крайний друг и не учинит лицепрятства пред вашим лицом крайним ни о сих (т. е. Лихудах), ни о хотящих быти. И о прочих тако имать совершитися, яко же благоволил еси во священных ваших писаниях назнаменати. Аз же закоснех zde ради пряснаго господина гетмана, обаче ныне взях волю от него и вашими святейшими молитвами на сих днях изыду в Молдавию, откуда паки вашему святейшеству чрез смиренное мое писание поклонюся». Хрисанф исполнил свое обещание. 25 сентября, но уже 1696 года из Волох он пишет Адриану: «Новых вестей, достойных вашему святейшеству, мало, токмо что у цесаря с турецким султаном был бой и не учинилася только великая тщета между ними, однакож на том бою убито турков с пятнадцать тысячъ, а Немцов с четыре тысячи... Да благодарствуют немцы вашу святую Богом венчанную державу для того, что если бы не было препятія татарам, цезарь был бы разорен от агарян, и праведно есть вашему величайшему царству что восхощет, да просит у цесаря». Со своей стороны и патриарх Адриан посылал от себя письма к Хрисанфу. В одном из них он так пишет Хрисанфу: «О Святом Дусе сыну и сослужителю нашея мерности святаго и живоприемнаго Гроба преподобному архимандриту Хрисанфу здравия, спасения и благопоспешение о Господе желаем. Наша мерность елижды слышащи от писаний ваших всякаго благосердия и благожелательства к нам исполненных, купно же и о вашем здравии и мирном пребывании знаменательных, толижды паче духом порадовахомся, сугубая самому Спасителю нашему благодарения, яко ведущему благочестивыя своя от напасти избавляти, и яко Ноя проповедника правды в ковчезе божественный своя благодати от потопа воды не постоянный соблюдати, на нечестивыя же абие меч ярости навести, исповедающе, яко тако есть, по апостолу, воля Божия благодворящим обуздывати безумных (или нечестивых паче) человек невежество. К сим же изрядне блаженнейшаго патриарха Святаго Града Иерусалима, господина Досифея, нашея мерности любезнаго брата и сослужителя, сладце и братственне целуем, молящесе Богу святому, во Троице славимому, да сохранит его здрава... Присланная же прежде и со отцы сущими из обители св. Иоанна Богослова, еже есть лествицы иерусалимския, лагалище с гребнями, прияхом и не хотяще, и благодарствие творим его блаженству и твоей святине, яко сущу таковому расстоянию и таковому обстоянием, благоизрадная его память сущия о Христе к нам братственныя любве апостольски хранима есть...» (непереплетенный сборник Московской Синодальной библиотеки № V, 10, 20, 22, 23, 25, 26, 28).

ведаем, ведает один только Бог и святая душа ваша, в которой действует преестественно сам Господь. Однако мы и весь Собор церковный нашего народа с его старейшинами приложили молитвы к молитвам, частые эктении, коленопреклонения на божественных литургиях и прочее, чем благоугождается [С. 310] и умоляется Бог, чтобы даровал вашему христоролюбивому державству благое исполненное спасение восвосяси. Поганцы здешние чаяли, что пришествие вашей священной особы будет здесь в Византию для разузнания о всяких делах, а наипаче потому, что печется о художниках и иных потребных вещах, дабы устроить надлежащее приготовление и начать войну для избавления греков. Англичане сказали нам иное слово, сладостное не только для слуха, но и по самому делу, т. е. божественный самодержец северных стран сказал королю Аглицкому, что в лето 1700-е будет петь молебен в храме св. Софии. Мы, слышав сие, и первенствующие с нами святители не могли иное что учинить, как воздать славу [С. 311] имени Божию пред Богом и Отцом Господа нашего Иисуса Христа, да видим исполнение таких речей. Но между тем опять облак мрачный скрыл солнце надежды нашей и сделал дни наши днями темноты, скорби и печали, потому что приехали сюда посланные из аглицкой и голандской земли, возвещая здешнему в ластите льству, что римский тиранн чрез некоторых своих иезуитов писал здешним папистам, что преславный царь великой России поехал с немногими людьми в Англию, а оттуда будет и у него; а иные иначе говорили, а другие и написали, возвещая, как некогда инописменники с идолами своими противное на Израиля, суемудрствуя и ожидая нечто от вашей [С. 312] покланяемой державы¹²⁹. А верховные все власти Восточныя Церкви и мы сами... были в такой печали, что от создания мира еще не видало солнце таких печальных, с рыданиями вздыхающих из глубины сердца. Но посетил нас Господь Бог и приехал к нам в Тарговист Родианин, называющий себя верным рабом вашего святого царствия, который сказал нам более утешительные вести о вашем величестве и правдоподобные причины, ради кои изволили путешествовать, и при том известил о здравии и спасении вашем. По сему утешились мы и христоролюбивый государь и чрез грамоты наши утешили иных и умножили моления к Богу о вашем величестве».

В той же грамоте Досифей пишет, что им получены известия, будто между турками – с одной стороны, австрийцами, венецианами и поляками – с другой решено заключить мир, и говорят, «что будто и ваша божественная держава содержится в том же договоре о мире», чему Досифей решительно отказывается верить. «Мы чаем, – пишет он, – что все сие басни и вымыслы, далекие от истины, ибо ведаем, что священная глава ваша исполнена разума, мудрости и любви, – и можно ли, приуготовив толикия дела для избавления рода нашего, чтобы ты искал примириться? Не теряем надежды и ожидаем чрез ваше сильное царство [С. 313] спасения нашего». Досифей старается доказать, что русский царь и один, помимо союзников, одними только собственными силами вполне успешно может окончить войну с турками и даже совсем уничтожить последних. «Не опасайся поганцев, – убеждает Досифей царя, – но воспоминай моисеевское речение: како гонит един тысячу, а сто гонит тьмы. Да будет достоверна ваша святая душа, что имеешь поборником Господа нашего Иисуса Христа: аще Бог с нами, кто на ны?» Досифей думает, что царские союзники в войне с турками: поляки, австрийцы и венециане – не только «не надежны, но в действительности даже враждебны православной России. Союзники, решительно заявляет Досифей, «ваше священное высочество уважают, просят и восхваляют только для того, чтобы помощью вашею победить неприятеля или избежать его нашествия; а буде увидят, что восстаете или распространяете

¹²⁹ Здесь Досифей намекает на распространившиеся тогда за границей слухи, которые особенно усердно разносили повсюду иезуиты, что будто бы Петр Великий решился соединиться с Римскою Церковью. Относительно этих слухов Феофан Прокопович замечает, что они с 1700 г. распространены были иезуитами и другими католическими духовными в разных иноземных странах «и тем ложным слухом, как греческим, так и русским восточнаго исповедания людям, не малое чинили в вере сумнительство» (*Чистович И.А.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 430).

пределы ваши, тогда позавидуют и будут наветовать, хотя и не явно, но тайно, по обычаю еретическому. Сего ради ваша пречестная душа, имея сведения о их любви к нам, не верь им, ниже преклоняй святых уши свои к советам их, но держись настоящего святого дела (т. е. советует продолжать войну с турками), а мы по обязанности сие пишем, и уповаем на вашу божественную державу, что всеми средствами будешь держаться настоящего святого дела, и никакой человек не возможет никакими мерами удержать вас от святого предприятия». И чтобы еще более убедить царя продолжать войну с турками, Досифей делает в конце грамоты такую приписку: «Христианнейший и божественнейший владыко! вспомни, что Вседержитель Бог не восхотел, чтобы Гедеон победил мадеонитов со многими, но с небольшим числом [С. 314] для того, чтобы видно было, что это дело Божие. Итак, если и помирятся еретики, довлеет вашей державе, чтобы победить неприятелей. Смотри, как мы умалены: дань за данью непрестанно от нас требуют, и в скором времени не останется ни патриаршества, ни монастыря, ни христиан. Не оставь дело, на которое вызвал тебя Бог, а если, попустиением Божиим, не получим избавления, то хотя во время мира порадей, чтобы нам были отданы назад Святые Места, как было прежде сего»¹³⁰.

Понятно, почему Досифей так усиленно настаивал, чтобы русские, даже помимо союзников, продолжали войну с турками. Русский царь в это время уже отнял у турок Азов и укрепил его, он построил Таганрог и усиленно строил флот, который скоро должен был появиться на Черном море. Досифей вместе с другими греками думал, что русские возьмут Крым и, опираясь на свой флот, пойдут на Константинополь, куда на помощь русским обязательно двинутся и все православные народы, восстав против своих притеснителей-турок. Казалось, что час освобождения для греков и других покоренных турками православных народностей уже наступил, стоило только еще сделать несколько усилий – и агарянское царство рухнет окончательно, древнее наследие благочестивых греческих царей законно перейдет в руки благочестивых царей русских. И вот в такое-то время до Досифея доходят слухи, что не только западные государи, так успешно воевавшие в последнее время с турками, хотят с ними помириться, но что будто бы и русский царь тоже хочет заключить с турками мир. Досифей не хочет верить последнему [С. 315] слуху, считая его за басни и вымыслы, но в то же время решается писать царю, чтобы убедить его продолжать войну с турками и в том случае, если бы все союзники его заключили с ними мир, так как пособником царю будет сам Бог, всегда помогающий ратующему за святое и богоугодное дело, каким является война царя с неверными. При этом Досифей прекрасно понял и оценил истинный характер дружеских отношений западных государств к России. Западные государи тогда только дружат с русскими, когда видят в них пригодное оружие для достижения своих каких-либо своекорыстных целей, и только тогда они просят, уважают и восхваляют русских. Как же скоро обстоятельства изменяются, и особенно когда Россия выразит стремление расширить свои пределы и могущество, они сейчас же являются врагами России, какими в душе они бывают всегда, и стараются всячески вредить ей, если и не явно, то тайно, почему царю никак не следует верить своим союзникам, дорожить ими и полагаться на них, ему одному следует продолжать войну с турками.

Царь решил, однако, поступить иначе, нежели как желал и советовал Досифей. Вместе со своими союзниками он приступил к мирным переговорам с турками, и в Константинополь (1699 г.) для окончательного заключения мира отправлен был посол Украинцев. Русское правительство не забыло ранее данного Досифею обещания: при заключении с турками мира хлопотать перед турецким правительством о возвращении грекам отнятых у них латинянами святых мест в Иерусалиме. В тайном наказе, данном правительством послу Украинцеву, предписывалось ему [С. 316] ходатайствовать перед Портою «в пристойное время»,

¹³⁰ Греческие дела 7206 г. № 31.

чтобы «Вселенским патриархом и всем благочестивым Христианом греческого закона была в вере свобода, и Гроб бы Господень и Церковь Иерусалимская была отдана по-прежнему им, грекам, как бывало исстари, да и дань бы с них новонакладная, а наипаче с монастырей, была бы сложена, и вольно б было русским людям и бельцам ходить ко Святым Местам в Иерусалим, и в Синайскую, и во Афонскую горы, и говорить о том по возможности, смотря по делу». В то же время в наказе послу говорилось, что если бы турецкое правительство ради возвращения грекам святых мест потребовало, чтобы русские возвратили за это отнятые ими у турок города, то подобной уступки послу не делать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.